

~~Лист № 1
Фонд 9431
№ 60~~

Государственный архив РФ
Фонд Р 9431
Описи 1
Дела 60

Материал о
преследовании погром
/ листы из № 1339
Еврейского /

Государственный архив РФ
Фонд Р 9431
№ Описи 1
Дела 60

101ч

~~Государственный архив РФ
Фонд Р 9431
Описи 1
Дела 60~~

П Р О С К У Р О В С К И И   П О Г Р О М .

П Р О Т О К О Л Ы .

Т О М   I .

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ ПО ДЕЛУ О ПОГРОМЕ В П Р О С К У Р О В Е .

1.	Ф И Н К Е Л Ъ, Сруль Шулимович	Стр. 1-3.
2.	Б У Х Е Р Ы: Шлема Лейбович, Давид Лейбович и Иосиф Шлемович.	" 3-4
3.	Б У Х Е Р, Давид Лейбович [дополнительн. показ.]	" 4.
4.	Ш Т Е Р, Мендель Овшиевич	" 4-6
5.	В А С Е Р М А Н, Симха Абрамович	" 6-7
6.	Г Е Л Ъ М А Н, Сарра Моисеевна	" 7-9
7.	М А Р А Н Ц, Янкель Вигдорович	" 9-11
8.	Ш Е Н К М А Н, Лев Моисеевич	" 11-14
9.	Г Р И Н Ф Е Л Ъ Д, Мина Моисеевна	" 14-15
10.	Г А Л Ъ П Е Р И Н, Аврум Аронович	" 15-16
11.	Ц А Ц К И С, Герш Юдович	" 16-19
12.	С А Л И Т Р Е Н И К, Абрам Яковлевич, д-р	" 19-20
13.	В Е Р Х О Л А, Трофим Федорович	" 20-32
14.	Р А П О П О Р Т, Израиль Зусевич	" 32-33
15.	С Т А В И Н С К И И, Мариан Иванович, д-р	" 33-36
16.	Ш П И Г Е Л Ъ, Иосиф Моисеевич	" 36-37
17.	К У З Е Л, Павел Андреевич	" 37-38
18.	И О Ф Ф Е, Илья Израилевич	" 38-43
19.	П И Л А Т, Моисей Соломонович	" 43.

ПРОТОКОЛ № 1.

Ф И Н К Е Л Ь, Сруль Шулимович. Служу во 2-м Ссудо-Сберег. Т-ве.

В субботу 15-го февраля я утром вышел из дому по делам Товарищества. Я ходил по главным улицам до 2-х часов. В 2 часа я отправился домой обедать. По дороге к своему ^{дому} встретил вооруженный отряд милиционеров с помощником надзирателя Добровольским во главе. Куда направлялся этот отряд мне было неизвестно. Когда я, пообедав, отправился к месту своей службы, то я встретил тех же милиционеров без Добровольского, при чем обратил внимание, что они уже были обезоружены. Добровольского я лично знаю, как честного служаку и предполагаю, что он, узнав о происходящей резне, повел милиционеров, чтобы предотвратить ее, но кто-то, по видимому, милицион. обезоружил. Когда я подошел к Ссудо-Сберегательному Товариществу - это было около 4-х часов дня - я заметил, что 2 казака подехали к тюремному зданию, которое находится тут же рядом, и оттуда выпустили всех арестантов. Арестанты в распынную бросились по разным направлениям, причем большая часть их пустилась на Завалье | где резни не было |. Большинство из них было без верхней одежды и некоторые в одном белье и босые. Через 1/4 часа после того, как арестанты были выпущены, из Аптекарского переулка появился отряд казаков по направлению к тюрьме. Подойдя к тюрьме полукругом, стали перед дверьми, а через некоторое время увели 2-х казаков, выпустивших арестантов.

Когда я вышел на улицу, я встретил одного молодого человека с окровавленным лицом, который шел по направлению к больнице, при этом он мне сообщил, что на Аптекар. и Купеч. улицах валяются многочисленные трупы. Дальше встретились мне сани, везшие раненую женщину. Я пошел в больницу и узнал, что там имеется несколько раненых, но трупов там не было. Когда я вновь вышел на улицу, один крестьянин обратился ко мне с предостережением, указав, что резня продолжается и посоветовал мне идти домой, что я и сделал. На следующее утро прибежала ко мне бедная женщина, приносящая мне обеды, и рассказала, что вчера в то время, как она носила мне обед, у нее дома на Аптекарск. уд. был убит ее сын - мальчик 12 лет. При этом я от нее узнал, что почти вся Аптекарск. улица вырезана. Когда я после этого отправился на службу, оказалось, что помещение Ссудо-Сберегательного Т-ва превращено в перевязочный пункт и что там уже имеется свыше 30 раненых. Я вернулся к своему дому и встретил отряд казаков, который, как впоследствии оказалось, ехал в Фельштин, чтобы там учинить резню, при этом из этого отряда отделился весьма юный |стр. 2| казак и шашкой зарубил проходившего мимо

еврея Герша Деражера.

В воскресенье же, сидя целый день дома, я из окна мог наблюдать, как извозчики возили раненых в Земскую больницу.

На следующий день [в понедельник] рано утром ко мне вновь являлась мать убитого мальчика и просила меня помочь ей похоронить сына. Я с ней вышел по направлению к ее дому, что находится в противоположном конце города. По дороге нам встретилось масса крестьянских дровень, на которые были наложены многочисленные трупы, причем можно было заметить, что некоторые трупы были изгрызены свиньями. Дровни направлялись на кладбище. Улицы были пустыни. Ни одного еврея не видно было на улице. Когда мы, наконец, добрались до дому, где проживает мать убитого, то трупа дома не оказалось, так как его уже успели втащить на дровни и отправить на кладбище. Тогда я вместе с женщиной отправился на извозчике на кладбище, чтобы разыскать труп. Кладбище было завалено трупами. Было много мужчин, женщин, особенно поражала многочисленность убитых детей. Крестьяне в это время рыли яму, которая должна была послужить общей могилкой. За работой следил тот же надзиратель Добровольский, который на мою просьбу дать возможность некоторым евреям похоронить отдельно, ответил, что это можно сделать только в продолжение этого дня, так как ему дан строгий приказ, чтобы к следующему дню ни один труп не остался не погребенным. Я обратил внимание Добровольского на то, что над трупами уже поработали мародеры.

Таких мародеров оказалось очень много на кладбище не только христиан, но и евреев. Явились на кладбище некоторые родные убитых и указывали, что в плащах на убитых зашиты деньги и что деньги имеются также в карманах. Вместе с другими я разыскивал трупы, на которые указывали их родные, и, действительно, доставал из карманов бумажники с деньгами, также нам удалось снять у некоторых ценные кольца, и все эти деньги и драгоценности переданы были тут же под расписку родным. Копание могилы затянулось до глубокой ночи. Так как в продолжение целого дня я ничего не имел во рту и крайне продрог, вообще чувствовал себя разбитым и потрясенным, то я вернулся домой, не дождавшись похорон.

Трупы жертв, как узнал я потом, были опущены в могилу лишь в 4 часа утра. По приблизительному подсчету я предполагаю, что трупов было свыше 1000. Добавляю, что многие трупы хоронились родными [стр.3] отдельно. Приходило много русских людей на кладбище и просили меня указать им трупы их знакомых.

С. ФИНКЕЛЬ.

Из ГРИНОВИЦ-ЛЕСОВЫЕ в 6 верстах от Проскурова.

Б У Х Е Р, Шлема Лейбович, Б У Х Е Р, Давид Лейбович, Б У Х Е Р, Иосиф Шлемов.

Мы жители с. Гриновец-Лесовые, в 6 верстах от Проскурова, служим в качестве управляющих 2 экономиями, арендуемыми христианами. Всего евреев в селе 44 человека. Кроме нас все прочие евреи занимаются исключительно мелкой торговлей. Между еврейским и местным христианским населением раньше недоразумений не бывало, хотя крестьяне чувствовали некоторую неприязнь к нашим хозяевам - арендаторам и отчасти эту неприязнь переносили и на нас. Когда до нашего села дошла весть о резне в Проскурове, то местные молодые крестьяне потребовали, чтобы нас всех евреев удалили из села и они послали депутацию в город. Трое из них отправились в Проскуров и привели оттуда трех вооруженных гайдамаков. Это было в понедельник 17-го февраля. Тогда они стали ходить по домам и искать евреев. Евреи все попрятались по чердакам, но крестьяне вместе с гайдамаками из разыскали и вывели на улицу. При этом гайдамаки всех евреев обыскали и забрали у 1 | Иосифа Шлемовича Бухера 18500 руб. и серебрян. часы, у Менделя Фишелевича Бухера 1500 руб. и золотые вещи [кольца, часы], 3 | Шмуля Фишелевича Бухера 1500 руб., а некоторые крестьяне разбрали вещи домашние. Всего, таким образом, набралось евреев 33 человека, остальные 11 успели скрыться. Среди собранных было 18 детей, остальные мужчины и женщины. Гайдамаки спросили крестьян, хотят ли, чтобы евреев убили тут же на месте, на что те ответили: "делайте, что хотите". Было предложено убить арестованных евреев где-нибудь за селом. Нам сказали, что нас поведут в Проскуров к коменданту пешком. Но так как среди нас было много детей, то мы указали на невозможность идти в город пешком и просили дать нам подводы. Старики крестьяне на это согласились. Подводы были даны за наш счет. По дороге, когда мы ехали, молодые крестьяне подняли вопрос о нашем убийстве, но старики крестьяне до этого не допустили. Безли нас исключительно крестьяне в количестве 15 человек, а гайдамаки уехали раньше, при чем по дороге в город они успели убить трех евреев. Нас привезли около 2 1 | 2 часов к [стр.4] коменданту Киверчуку, в руки которого нас хотели передать. Но Киверчук направил нас к станционному коменданту, а тот в свою очередь препроводил нас в штаб военно-полевого суда. Там нас и

4.
крестьян стали спрашивать, в чем нас обвиняют, мы ответили, что мы сами не знаем, а крестьяне тоже устно никаких обвинений не предъявляли. Тогда было постановлено отправить нас обратно на вокзал, где мы должны будем ждать решения атамана Семосенки. Крестьян при этом отпустили и дали нам охрану из гайдамаков в числе 10. С вокзала нас отправили обратно к Киверчуку, где мы находились под арестом всю ночь, а утром нам объявили, что мы освобождены по постановлению военно-полевого суда. С того дня обратно в село ни один еврей не вернулся, и все мы проживаем в Проскурове. Добавляем, что еще до прихода 3-го Гайдамацкого полка мы терпели неоднократные обиды от гайдамаков, составлявших охрану коменданта Киверчука. Под видом реквизиции они у нас забирали, что хотели, и был даже случай, когда эти же гайдамаки учинили ночью нападение на одного из нас.

Подписи Давида, Шлеми и Иосифа Бухеров.

ПРОТОКОЛ № 3.

Б У Х Е Р, Давид Лейбович дополнительно показывает:

В субботу 15-го февраля я ночевал у своего сына Иосифа Бухера, проживающего в Проскурове по Соборн.ул. Днем квартира сына была пощажена гайдамаками, а ночью около часу ночи явились 6 гайдамаков и, выстроив всех нас в числе 12-ти человек в шеренгу, приготовили холодное оружие, чтоб начать нас резать. Мы их начали умолять о пощаде, обещая отдать все, что у нас есть; тогда они в конце концов смирились, пощажали нашу жизнь, но ограбили нас до тла. Они забрали у нас все имевшиеся деньги [10.000 руб.], а также платья и сапоги на сумму около 20.000 руб.

Давид Бухер.

ПРОТОКОЛ № 4.

Ш Т Е Р, Мендель Овшевич.

В 3-ем гайдамацком полку, который учинил резню евреев в Проскурове, под фамилией Рахманенко служил полунинтеллигентный еврей, фамилия которого, по некоторым сведениям, была Рохман. Рохманенко, по сведениям некоторых лиц сам принимал участие в резне, чего он и не отрицал. После большевистского восстания он был назначен членом следственно-и комиссии по расследованию этого восстания. Рохманенко [стр. 5] пользовался особым расположением Семосенки. Около 1-го марта, числа точно не помню, дом, в котором я живу, в 3 часа ночи был окружен гайдамаками и милиционерами. Как наша семья, так и сосе-

6.
если он на это не согласится или если он вообще будет его винить. Отец дал ему расписку и получил обратно 10.000 руб. Обо всем этом он поставил в известность Верхову. На следующий день вечером Рохманенко был арестован по настоянию Верхови. В тюрьме он пробыл 2 недели и был убит по неизвестным мне причинам.

МЕНДЕЛЬ Ш Т Е Р.

ПРОТОКОЛ № 5.

БАССЕРМАН, Симха Абрамович, гласный Городской Думы.

Я состою гласным Проскуровской Городской Думы с момента организации этой Думы на демократических началах. Дума состояла из 50 гласных, из которых половина евреев. Из числа евреев 18 выбраны еврейским списком, остальные шли по общему социал. списку. Председателем городской Думы состоял Ставинский, поляк, а Городским Головою, со времени 1-й Рады, поляк Сикора, который и раньше работал в городском самоуправлении.

В пятницу 14-го февраля я зашел в Думу, где находился гласный Думы Холоденко [еврей] и член Управы Волошин [укр. соц.], при чем зашел разговор об убийстве еврея на одном из хуторов прошлой ночью. Я, между прочим, высказал, что еврей, вероятно, убит с целью грабежа. Но Волошин выразил в этом сомнение и при этом передал свой разговор с одним офицером, который высказал свое убеждение, что надо евреев истреблять, украинцам они не нужны, пусть себе едут в Иерусалим. В это время вошел городской Голова Сикора, который с своей стороны сообщил о своем разговоре с полковником, заявившим, что в скором времени потреплет евреев. Меня и Холоденко эти разговоры крайне взволновали и когда я выразил удивление по поводу того, что хотят строить счастье Украины на еврейских погромах, и указал, что это произведет тяжелое впечатление на мирную конференцию, то присоединившийся к нам в это время д-р Ставинский засмеялся и заметил: "когда еще конференция будет, а если кто захочет побить собаку, то палку найдет". Я высказал свою мысль, не нужно ли принять каких-нибудь мер предупреждения, то Сикора заметил, что не следует будить спящего волка, быть может все это и так пройдет. В моем доме помещался штаб коменданта Киверчука. И когда на следующее утро [стр. 7] дворник моего дома сообщил мне, что ночью было выступление большевиков, которые арестовали Киверчука, я, вспомнив нашу беседу в Управе, крикнул семье: "погром готов". В то же утро в мой дом переехал штаб

ли страшно перепугались и все спрятались на чердак. Пришедшие вошли в нашу квартиру, но чердака не разыскали и оставались до самого утра. Утром мы решили, что бесполезно скрываться, и вышли к гайдамакам. При этом мы заметили, что квартира была обыскана и некоторые вещи забраны. Гайдамаки распорядились арестовать всех мужчин и отвезти их к коменданту, как они звали Рохманенко. Нас мужчин было человек 8, но Рохманенко распорядился, чтобы всех отпустили, а задержали только меня и моих 2-х братьев. К нам он обратился с обвинением, что мы бундовны и сочувствуем большевизму, и объявил нас арестованными. Мой отец в это время отправился к комиссару Верхоле и спросил у него по чьему распоряжению Рохманенко арестовал его сыновей. Верхола ответил, что ему об этом ничего не известно. Отец с тем же вопросом обратился к коменданту Киверчуку, но и тот не знал. Тогда отец вновь вернулся к Верхоле и сообщил ему, что Рохманенко таким же путем арестовал Кацмана, но выпустил за взятку. Отец сказал, что ради спасения своих сыновей должен будет пойти тем же путем, так как в руках Рохманенко они могут подвергнуться всякому риску. Действительно, отец мой отправился к квартирному хозяину Рохманенко Прозеру и вступил через него в переговоры с Рохманенко. В результате этих переговоров моя мать через некоторое время вручила Рохманенко 10.000 руб., но тот же Прозер от имени Рохманенко сказал моему отцу, что эта сумма не достаточна для освобождения нас троих. Тогда мать принесла Рохманенко еще 10.000 руб. и тот обещал к вечеру нас освободить. В тот же вечер мы были освобождены, а на следующее утро по приглашению комиссара Верхола, мой отец был у него, и по настоячивым его требованиям сообщил ему, что за наше освобождение Рохманенко получил взятку. В тот же день после полудня к отцу моему явился подполковник надзиратель, который пригласил моего отца в Рохманенко. Когда мой отец явился, то Рохманенко стал настаивать, чтобы отец дал ему расписку в том, что он получил обратно деньги. Но отец ответил, что боится давать расписку, что он получил обратно деньги, данные под залог. Но отец ответил, что не считает нужным давать фиктивных расписок. Тут Рохманенко объяснил отцу, что из двадцати тысяч руб. он десять тысяч истратил, так как поделился с Семосенко, с другими, а затем много денег ушло на попойку, которую он накануне устроил для Семосенки и др. Он предлагает отцу выдать такую расписку и получить оставшиеся у него 10.000 руб., при этом он грозил мстить со стороны его друзей.

Семосенки. Были расставлены вокруг дома пулеметы и такие же пулеметы были поставлены на мансардах по обеим сторонам моего дома. Большевикское восстание было, по видимому, подавлено, так как в 11 часов утра к дому подехал освобожденный Киверчук и с ним председатель Укр. Нац. Союза Мудрый и еще какая-то женщина. В тот же день я из окна увидел, что от вокзала тянется вереница в 300 человек гайдамаков 3-го Гайдамацкого полка в полном вооружении с пулеметами. Сзади них ехал врач и сестра милосердия. Я предположил, что они направляются в Гречаны, где находится лагерь, что там большевикское восстание, но впоследствии выяснилось, что это был тот отряд казаков, который рассыпался по городу и стал вырезывать еврейское население. Мой дворник, а равно и прилуга сообщили мне, что в разных частях города режут евреев. Из своего окна я видел, как казаки за кем-то погнались, а затем кто-то из них выстрелил, и они вернулись назад. Этим выстрелом был убит, как оказалось, один еврей Абрам Хаимович МАРАНЦ. По дошедшим до меня сведениям, казаки 3-го гайдамацкого полка, раньше чем отправиться резать евреев, по предложению Семосенки, приняли присягу с целованием креста, что они только будут резать, но не грабить. Действительно, они остались верны своей присяге и с спокойной совестью резали евреев как на улице, так и в домах, но имущества не трогали. Если некоторые и грабили, то они представляют исключение. Но вместе с ними шли убивать евреев солдаты охранной сотни ком. Киверчука, а также милиционеры. Те и другие, не будучи связаны присягой, не только убивали, но и грабили. Справедливость требует отметить, что бывали случаи когда единичные казаки по мере возможности спасали обреченных евреев. Так в двух случаях казаки, войдя в дом, предлагали евреям спрятаться, а сами привели в беспорядок мебель, создавая картину происшедшего уже погрома. Мне известны случаи, когда некоторые откупались деньгами.

С.А. Бассерман.

ПРОТОКОЛ № 6.

ГЕЛЬМАН, Сарра Моисеевна.

Я живу на Коммерческой улице № 40 в доме Ковалевского. На Ком. ул. резни не было, и никто из евреев на этой улице не пострадал. С домохозяином Ковалевским, особенно с сыном его Николаем Григорьевичем, [стр. 8] чем, служившим в комендатуре в качестве второго помощника коменданта, у меня вышла крупная ссора на почве арендной платы за квартиру. Эту квартиру я переняла от жившего там Степаника за 675

руб. в год. Старик Ковалевский под влиянием своего сына потребовал моего выселения, если я не соглашусь уплачивать 6000 руб. в год. Опираясь на закон, запрещающий увеличивать квартирную плату свыше 15%, я выселиться отказалась. В конце концов мы сошлись на том, что он будет получать 3000 руб. Но молодой Ковалевский старался мне всячески мстить за то, что я не соглашалась выехать из квартиры. Он хитростью устроил так, что вместе с своей женой поселился в моей квартире, заняв у меня комнату. Вообще молодой Ковалевский отличается злобным мстительным характером, он проявлял грубость не только против нас и других, но и против родного отца. Грубость Ковалевского по отношению ко мне часто вызвала ссору, в которой принимал участие 16-ти летний сын Соломон. Довело до того, что мне пришлось подать на Ковалевского жалобу в суд за причиненную мне обиду. 15-го февраля, в памятный день резни в Проскурове, утром, когда сын мой еще спал, явился ко мне молодой Ковалевский с ручной бомбой в руках. Он заявил, что явился в качестве помощника коменданта для ареста моего сына. Я стала его умолять и плакать, чтоб он этого не делал, так как сын мой ни в чем не виноват, но это не помогло. Он разбудил сына, велел ему одеться и следовать за ним. Я побежала к его отцу и тот пришел вместе с своим зятем Гинтером, и они стали просить молодого Ковалевского, чтоб он оставил в покое моего сына. Но тот их грубо оттолкнул. За сыном хотел пойти и мой муж, но Гинтер его удержал, выражая опасение за его безопасность. Таким образом сын был уведен и, как потом мы узнали, он вместе с другими был выведен за город, где его расстреляли.

Сообщая, между прочим, о следующем случае: после происшедшей в городе резни, ко мне явился старик Ковалевский и с недоумением заявил, что в саду его дома оказалось много вещей, платья мужского и женского. Он высказал, что эти вещи награблены у евреев и выразил удивление, как они попали сюда. Через несколько дней после этого молодой Ковалевский явился ко мне на квартиру, когда меня не было и, угрожая мужу револьвером, обратился к нему со словами: "скажи, где твоя жена. Она подбросила в наш сад вещи, чтобы подвести нас. Я ее застрелю". Муж стал уверять, что я тут не при чем и что нам не до того, чтобы подбрасывать вещи. Тогда другой офицер, бывший вместе с [стр. 9] Ковалевским, обратился к мужу: "Дань на водку деньги, и тогда уйдешь". Муж дал 50 рублей, но Ковалевский все-таки отказался уйти, заявив, что будет ждать моего прихода, чтобы меня застрелить.

Он ушел лишь по настоянию старика отца, который пришел, чтобы выручить нас. Добавляю, что во время резни мохдой Ковалевский в моей квартире не проживал. В тот же день, насколько мне известно, он вывез вещи бывшие в саду. Имя, отчество молодого Ковалевского - Николай Григорьевич.

Сара ГЕЛЬМАН.

ПРОТОКОЛ № 7.

М А Р А Н Ц, Янкель.

В пятницу, 14-го дням мне, как гласному Думи, кто-то сообщил, что готовится выступление большевиков и спрашивал моего мнения. Я об этом ничего не знал. Будучи членом Исполнительного Комитета Центрального Бюро по охране города, я отправился в это бюро, чтобы узнать, не имеется ли там каких-нибудь сведений. Там я нашел председателя Бюро Острович-Рудницкого, помощника его Шейнмана и секретаря Штернгаса, впоследствии убитого. Им так же, как мне, ничего не было известно. Но в это время явились в Бюро два молодых человека, как впоследствии оказалось, принадлежавшие к большевистской партии, и пожелали видеть председателя Центрального Бюро. Председатель попросил их в другую комнату, где находился и помощник, а же и секретарь остались. Дверь, очевидно, по требованию пришедших, была заперта на ключ. Я остался ожидать результата этого страшного совещания, которое продолжалось больше часа. Наконец, посетители ушли и я обратился к председателю с вопросом, в чем дело. От него я узнал, что пришедшие предупредили о готовящемся выступлении большевиков и просили содействия этому выступлению со стороны центральной охраны. Им было отвечено, что Центр. Бюро политикой не занимается и никакого участия в выступлении оно принимать не может. На этой почве происходил обмен мнений, причем пришедшие настаивали на своем предложении. На мой вопрос, когда они думают выступить, мне ответили, что они момента не указали. Им все были удручены происшедшим, а стоявший тут же секретарь пророчески сказал: "нам всем готовится гибель." С тяжелым сердцем я поздно вечером отправился домой. Ночью около рассвета я был разбужен стрельбой в городе. Я больше заснуть не мог и рано, около 7 часов, вышел из дому. Я вышел на Александровскую улицу и очутился возле дома Трахтенберга, где обычно на [стр. 10] ходился Союз металлистов, а сейчас был штаб восставших большевиков. Тут я узнал, что выступление ночью произошло, что большевиками захвачена почта и арестован комендант Киверчук. Говорили, что с часу на час ожидается формирование

большевистской власти. Ко мне подбежал большевик Лившиц, известный в городе под прозвищем "схеной токарь" с предложением взять ружье и присоединиться к восставшим. Сам токарь был вооружен и с ним вместе стояла партия других вооруженных людей. Услышав такое предложение, я решил укрыться. В это время я заметил, что по Алекс.ул. по близости от нас идут два отряда конных казаков с помощником коменданта Новицким во главе. Появление Новицкого тут же рядом с большевиками вызвало мое недоумение и я обратился к стоявшему возле меня рабочему большевику с вопросом, что тут делает Новицкий. Тот мне ответил "Новицкий с нами" и он стоит во главе восстания." Но не успев он окончить, как я услышал команду Новицкого: заряжать ружья. Услышав такую команду, я бросился бежать в ворота ближайшего дома; не успев я туда вбежать, как раздалась ружейная пальба и стрельба из пулеметов. Через крышу соседнего дома я выбрался на Купеческую улицу, отсюда окольным путем на свою квартиру на Соборн.ул. Это было около 10 часов утра 15/У. По дороге в свой дом я встретил лидера об"единенн. социалистов Крушника, впоследствии убитого, и спросил его, как он смотрит на разыгравшиеся события. Он ответил, что смотрит очень мрачно, что вчера у них было собрание всех социал. партий и все высказались против выступления, но ничего не помогло. Вернувшись домой, я чувствовал себя разбитым и заснул, но скоро меня разбудила жена и сообщила, что в переулке против моего окна уже режут евреев. Я подошел к окну и увидел, как из дома Нейтера выбежал старик Нейтер и один казак убил его выстрелом из ружья. За стариком выбежала его дочь - замужняя молодая женщина и один из гайдамаков несколькими ударами кинжалом в живот тут же прикончил с ней на месте. Мне казалось, что казаки ушли, так как некоторое время я их не видел. В это время выбежала старуха Нейтер и хотела поднять тело убитой дочери, при этом она горько плакала и звала на помощь. Тогда появилось 2 гайдамака, и один из них крикнул: "Бей ее, чего она кричит." Другой тут же несколькими ударами шапки разрубил старухе голову. Тут же из дому выбежали 2 девочки 5 и 6 лет, дети убитой молодой женщины. Казаки погнались за детьми и начали бить прикладами. Одна девочка была тут же убита, а [стр. II] другая израненная, каким то чудом спряталась в соседний дом и спаслась. В виду того, что мой дом являлся не заметным, при том в доме помещается слесарно-механическая мастерская, где случайно выбиты были окна, то я решил, что мой дом будет лучшей охраной и никуда не уходил. Мучительно я провёл эту ночь, а утром, когда

я выглянул на улицу, то и увидел массу трупов, которых свиньи грызли. Через некоторое время пришла моя мать и сообщила, что особенно сильная резня была на Аптекарск.улице. Так как на этой улице проживал мой близкий друг Авербух, то я бросился туда, чтобы узнать, в каком он положении. Оказалось, что он, его жена и двое детей тяжело ранены и тут же около 15 человек убитых. Среди убитых были мужчины, женщины и дети, его квартиранты и соседи, которые почему то у него прятались. С помощью одной крестьянки я сложил трупы в одной комнате, а сам, как только умел, оказал первую помощь раненым и бросился разыскивать фельдшера. По моему зову пришли 3 фельдшера и сделали раненым перевязки. Когда я возвращался затем домой, за мной погнались гайдамаки и хотели меня убить. Я бросился бежать и мне встретились двое знакомых русских рабочих, которые, желая меня спасти, посоветовали мне забегать в переулок, а они скажут казакам, что я не жид, а русский. Так они сделали, и я спасся. На следующий день я, как гласный Думы, отправился на заседание Думы, но по дороге я встретил гласного Штера, который сказал, что заседания нет и пошел вместе со мной. Штер заметил, что гонится за нами гайдамак, который едет на извозчике. Под"езжая к нам, он выхватил саблю и соскочил с саней. Но к счастью для нас, кто-то в этот момент с противоположного тротуара позвал казака по имени. Тот обернулся, а мы в это время скрылись в соседний дом. Больше я в этот день не выходил.

Янколь МАРАНЦ.

ПРОТОКОЛ № 8.

ШЕ ИНКМАН, Лев Моисеевич.

Я состоял тов. Председателя Центрального Бюро по кварт.охране г. Проскурова, которому я же организовал. Председателем состоял В.В. Осткович-Рудницкий. О том, что предполагается большевистское восстание, мне было известно за дней 10 до резни. Об этом мне говорили некоторые из местных большевиков, которых я лично знал. Они так же обращались ко мне, как к тов. председателю [стр. 12] Ц.Б. с просьбой поддержать их выступление. Я ответил им указанием на то, что наша организация беспартийная и наша цель только охранять город. Я предостерегал их против выступления, но они меня уверяли, что это общегубернское выступление и оно будет в разных местах одновременно. В это время атаман Семосенко был уже в Проскурове. Я с ним

вскоре познакомился, тогда, когда в Гор.Управе прочитал его донесение о том, что по его распоряжению расстрелян сотник грабитель в м.Волковинцах и что он никаких беспорядков не допустит. Когда я Семосенко представил сведения о нашей охране, он ее одобрил и обещал даже дать оружие, если у нас его недостаточно. Должен добавить, что на меня лично Семосенко произвел несколько странное впечатление: это был человек крайне нервный, экспансивный, многоречивый, страдавший забывчивостью. Из слов Семосенки я убедился, что он прибыл сюда с отрядом не больше 100 человек и только тут набрал отряд в 400 человек. В четверг 13|П ко мне обратился на улице знакомый еврей с вопросом, не известно ли мне о том, что будто бы большевистское выступление назначено на завтра. Я ответил, что мне ничего не известно. Должен отметить, что о предстоящем выступлении знали очень многие, но не знали точно, когда оно будет. После беседы с евреем я отправился к знакомым большевикам и спросил, верно ли, что на завтра назначено их выступление. Но те, очевидно, мне не доверяя, отрицали этот факт. На следующий день в пятницу, в 5 часов дня, к нам в Центр.Бюро явился местный большевик и обратился ко мне, как к тов. председателя охраны с просьбой снабдить его планом города и другими сведениями для избежания лишнего кровопролития, так как выступление назначено на 12 часов ночи. Я вновь высказал свое мнение, что выступление преждевременно и может вызвать еврейский погром. Но он остался при своем. Я с председателем решили не отлучаться из Бюро, и мы призвали всех наших инструкторов и отдали распоряжение, чтобы никто из охраны не дожидлся в эту ночь. В 10 часов вечера в Центр.Бюро явился один из большевиков, который объявил себя комиссаром Центр.Бюро и представил ордер от Рев.Ком. Он остался у нас. Я был назначен для поддержания связи с штабом, поэтому я первоначально отправился в Ревком для получения пропуска. Там я застал несколько человек, из которых один был, как я знал, явным провокатором. Я видел, что работа не налажена и что люди неопытные. Я им начал доказывать о преждевременности выступ|стр.13|ления. Меня направили в штаб. Видя, что и там работа не налажена, я им указал на бессмысленность этого выступления, я убеждал одного из наиболее влиятельных большевиков, чтобы большевистское восстание было отложено. Он как-будто поддался на мои увещания и сказал, что выступление, перенесенное с 12 час. на 5 часов

Утра, будет отложено до более удобного момента, когда придет помощь из окрестных деревень. После этого я вернулся в Ц.Б. Назнач. больш. комиссар получил известие о том, что выступление отложено. Вся охрана наша в полном составе обшла весь город и мы убедились, что в городе спокойно. В 6 часов, когда мы вернулись в Бюро, тот же комиссар мне сообщил, что положение переменялось, выступление состоится утром и будет возведено орудийными выстрелами. Действительно, в 6 1|2 часов раздались выстрелы, и мы узнали, что выступление большевиков началось. Вскоре, после этого, раздался телефонный звонок. Оказалось, что Семосенко оповещает нас, что мы все находимся в распоряжении Узды. Команданта. Затем все телефоны были выключены по распоряжению команданта станции |Петлюр. |.

Через час в Бюро появилось около 15 вооруженных людей, из которых некоторые были с галицийскими значками, другие в касках и один милиционер Гула. Они спросили, что это за учреждение. Им ответили. Но они говорят: жидовское бюро с жидовским комиссаром и т.д. Когда мы спросили, кто они сами такие, они ответили: большевики. Ясно было видно, что это провокаторы. Один заявил, что из этого дома жиды стреляли в него и на этом основании они забрали все наше наличное оружие. Должен добавить, что после выстрелов, возвещавших о начале восстания, я и председатель объявили чинам охраны, что означают эти выстрелы, и заметили, что мы им предоставляем полную свободу действий, как частным лицам, но не как членам охраны, а вместе с тем я велел отобрать все внешние знаки принадлежности к охране. Они ответили, что пойдут туда, куда пойдет президиум. Мы им сказали, что наша цель охранять город и только. И они остались вместе с нами, направившись в караульню. После того, как оружие было у нас забрано, пришедшие вооруженные солдаты объявили нас арестованными и оставили несколько человек в качестве наших охранников. Но в 12 час. стража ушла и я отправился к себе на квартиру. Я чувствовал большую усталость и лег спать. Через некоторое время меня мать разбудила и сказала мне, что Командант Киверчук звал меня по телефону. Я хотел отправиться к нему, но вбежал мой маленький брат и сказал, что сей|стр.14|час убили нашего среднего брата. В нашем доме были, кроме нас, посторонние, около 8 человек. Всего нас было 15 человек. Мать, услышав об убийстве брата, бросилась на улицу, но вскоре вбежала крайне взволнованная. Я понял, что к нам идут казаки и распорядился, чтобы все спряталось в спальне под кроватями. В это время казаки ворвались в комнату, и я увидел, как один

казаки штыком убили мою мать. Тогда приподнялся отец и стал просить о пощаде. В ответ на это раздались два выстрела, которыми отец был убит, а сестра ранена. Мой маленький брат вылез и начал целовать труп матери, его тогда ранили. После этого казаки подошли к кроватям и стали колоть через матрасы тех, которые были под кроватями. Я, между прочим, заметил, что среди казаков был один из тех, которые были на рассвете в Ц.Б., и заявил там, что жида стреляли в него, причём называл себя большевиком.

Д. Шейнкман.

ПРОТОКОЛ № 9.

ГРИНФЕЛЬД, Мина Моисеевна.

14-го февраля я случайно узнала о предстоящем выступлении большевиков и сочла, что это поведет к еврейскому погрому. Утром 15-го началась в городе беспорядочная пальба, и я поняла, что дело уже начато и что, повидимому, еврейскому населению предстоит опасность. От испуга и почувствовала приступ преждевременных родов, так как я была на 4-м мес. Но охватившее меня волнение было так велико, что я почти не чувствовала боли. Я сама проживаю по Алекс. ул. уг. Соборн. В 3-ем часу я, стоя у окна, увидела, как банда гайдамаков человек в 20 остановилась у противоположного дома Хаселева. Из этой банды отделилось 4 человека и вошли в одну из квартир к Шифману, где пробыли некоторое время, а затем я увидела, как по выю оде оттуда, один из них чистил свою окровавленную шпагу. В этой квартире было зарезано 8 человек. Из той же банды некоторые вошли в гост. "Франция" и оттуда выбежал старик - содержатель гостиницы, лежавший до того в тифе, за ним гнались казаки, а за ними дети старика и молили о пощаде. Действительно, старик смерти избежал. Других фактов я наблюдать не могла в виду своего болезненного состояния. В тот же день вечером я разрешилась [преждевр.] и, хотя нуждалась во врачебной помощи, но никто не решился идти за доктором. В этом страхе мы пробыли почти целую неделю. Наконец, я решилась послать за доктором Ставинским, который, между прочим, состоит председателем Думы. Он пришел, оказал [стр. 15] мне медицинскую помощь, а затем, стараясь меня успокоить, сказал, что убито не несколько тысяч евреев, а 1200 и что он сам был у Семесенки, который уверял его, что больше этого не будет и он

сам тоже уверен, что больше это не повторится.

Мина Гринфельд.

ПРОТОКОЛ № 10.

ГАЛЬПЕРИН, Аврум Аронович.

Я служил в кварт. охране и около 9 час. вечера 14/II, когда я пришел к нам в канцелярию, пришел кто-то и рассказал, что в 11 час. предполагается выступление большевиков, которое будет возведено 4-мя выстрелами. До 6-ти часов утра я оставался караулить, никаких сигнальных выстрелов не было. В 6 часов утра я вернулся домой, и уже когда я был дома, я, действительно, услышал сигнальные выстрелы. Я тем не менее лег спать. В 10 часов меня разбудили и сообщили о том, что убита дочь Трахтенберга. Я пошел бродить по городу, и на Александр. ул., около театра "Модерн" увидел группу гайдамаков. Я не знал, кто они: большевики или петлюровцы. Я подошел поближе и из их разговоров я понял, что они настроены против большевиков и евреев. Тогда я решил отправиться к своему товарищу Зельдису, проживающему тут же по близости на Аптек. ул. Когда я пришел туда, следом за мной явилось 4 гайдамака; из них трое, как мне показалось, с интеллигентными лицами, и потребовали, чтобы им дали деньги и золото. У одного из присутствующих они вытащили 800 руб., затем они стали искать деньги у других. Они удалились и я пошел домой на Каменец. ул., по направл. к Заречью. По дороге мне попадались отдельные трупы, но я не знал, есть ли это жертвы погрома или большевистского выступления. Когда я приблизился уже к дому, то я наткнулся на большую партию гайдамаков, и один из них подошел ко мне и спросил: жид ли я или русский. Я решил сказать, что я русский, и он потребовал документы. Я показал бывший у меня ученический билет, в котором исповедание не обозначено. Хотя этот билет его не удовлетворил вполне, но он меня отпустил. Другим казакам, которые направились ко мне, он крикнул, что я русский. Должен заметить, что я был в солдатской шинели и папаче. Наша квартира оказалась запертой, окно было выбито. Возле квартиры соседа Блехмана я видел казаков и вся семья из 6 человек в этом доме оказалась вырезанной. Мои же родные, к счастью, успели скрыться. Я тогда отправился в деревню Заречье и зашел к еврею Розенфельду. До 9 часов было спокойно, затем [стр. 16] стали ломать

дверь, и я сном Розенфельда убежала вглубь деревни. За нами бросались бежать, но не гайдамаки, а крестьянские парни. Я отстал от Розенфельда и остановился. Крестьяне стреляли в упор, но не ранили. Они затем хотели повести меня в город. Их внимание отвлек один крестьянин, который стал рассказывать о чем-то. Хлопцы меня оставили и я попал в Гриповцы. Еще до этого я заметил, что старик Розенфельд тяжело ранен и звал на помощь. В Гриповцах проживали Бухеры, но так как было поздно ночью, и переночевать в поле за ветренными мельницами. Утром я пошел к Бухерам, пробыв до 12 часов. Там начались сходки, на которых говорили, что всех евреев отправят в комендатуру. Я пошел в город, но так как наша квартира была заперта, то я пошел обратно в деревню. В деревне было крайне неспокойно, и я с некоторыми Бухерами отправился ночевать к крестьянину. Утром в понедельник в 12 час. явился 3 гайдамака и тогда я еще с 3-мя евреями побежали в лес. В лесу они не хотели оставаться, и мы пошли через большую дорогу в город. Нас встретили 3 крестьянина на дровнях, из них один с винтовкой. Нас остановили и, когда мы пред"явили наши документы, крестьянин с винтовкой заявил, что нас ему и нужно, нас велено ему задержать, и он обратно нас отправил в деревню. Я с ним поехал на дровнях, а остальные пешком. Вдруг мы увидели 3-х гайдаманов, вернувшихся из деревни, и один из них нашей стал рубить одного пешего пешком. Крестьянин с винтовкой сошел с саней. Тогда я этим воспользовался и пустил лошадь вскачь, а один гайдамак погнался за мной. [Все трое евреев, 2 мол. людей и девушка были убиты]. Через некоторое время кто-то остановил лошадь, я соскочил, убежал в сторону и распростерся на снегу. Так как был туман, то не мог быть особенно замечен. Спусти немного возле меня оказались крестьянские подростки, которые приняли меня за мертвого, но, убедившись, что я жив, повели меня в деревню, ставив с меня брасл. часы. В деревне все евреи оказались арестованными, и я вместе с ними был отправлен в Проскуров к коменданту, который препроводил нас на вокзал. Оттуда мне удалось бежать.

А. Гальперин.

ПРОТОКОЛ № II.

Ц А Ц К И С, Герш Юдович.

В воскресенье 16|11, после прошедшей накануне резни, я утром оделся в крестьянское платье, чтобы не быть узнаваемым и отправился в город. В разных местах я видел валявшиеся трупы, возле которых лежали свиньи. Около Александровской улицы я заметил группу гайдаманов, ведущих оживленный разговор с стоящей тут же толпой. Я подошел и стал прислушиваться. Оказалось, что гайдамаки бранят евреев и говорят, что сегодня с 2-х часов они повторят вчерашнюю резню. Я тогда решил отправиться к моим родителям, чтобы предупредить их о повторной резне. В квартире, кроме отца, матери и сестер, нашел своего младшего брата, а равно двоюродного брата и еще одного родственника. Я предупредил о слышанном разговоре, затем отлучился на некоторое время и вновь пришел на квартиру отца. Было уже около 4-х часов. Вдруг мы увидели, что к дому приближается несколько [5] гайдаманов с помощником коменданта. Это был не Новицкий, которого я знал в лицо, а, повидимому, Ковалевский. Я знал, что этот именно помощник коменданта дал разрешение брату на ношение револьвера и был его знакомый. Мы поэтому особенного страха не испытали. Тем не менее отец и бывшие в доме женщины спрятались на чердак. Мы отперли дверь, и они сказали: Дайте нам аппарат, имеющийся в вашем доме, и оружие. Брат ответил, что аппаратов никаких тут нет, а на револьвер, который у него есть, сам помощник коменданта дал ему разрешение. Револьвер вместе с разрешением были отобраны у брата, затем сделали вид, что ищут аппарат. После этого они потребовали, чтобы мы пошли за ними. Мы начали их просить, чтобы они оставили нас. Они не хотели. Тогда мы просили хоть одного из нас оставить для охраны дома. Они, наконец, согласились оставить бывшего с нами в доме родственника. Остальных нас 3 гайдамака [остальные остались] повели в комендатуру и поместили в комнату, где было уже много арестованных, как русских, так и евреев. Все время туда приводили новых арестованных, а также нашего отца. Оказалось, что оставшиеся гайдамаки отыскали чердак, забрали отца, оставив женщин. К вечеру оказалось арестованных 32 русских и 15 евреев. Среди русских были лица, обвинявшиеся в большевизме, также простые грабители. Был и один поляк-помещик, над которым особенно зло издевались. Его больше всего избивали шомполами и подвергали другим истязаниям. Затем начали вымывать отдельных лиц к допросам. Вызвали и моего брата. Я посоветовал ему, чтобы он намекнул на то, что мы готовы откупиться за большие деньги. Допрашивал его, как и других, тот

18.
же помощник коменданта. Он делал какие то записи на бумаге, но этих записей не читал никому и подписей у допрашиваемых не требовал. Брату [стр. 18] моему он предложил несколько незначущих вопросов, и когда тот намеревался на то, что готов откупиться за деньги, он обещал его вызвать спать после того, как всех допросит. Действительно он его вторично вызвал, но когда брат вернулся, я по его лицу понял, что наше дело обстоит плохо. Ночь мы провели в комендатуре, а на следующее утро мы воспользовались услужливостью одного казака, послали его к нам на квартиру, чтоб он принес нам что-нибудь поесть. При этом мы ему сказали, что наша мать за услуги заплатит. Действительно, он нам принес пищу, а через некоторое время пришла сама мать и начала нас утешать. Она указывала, что нам нечего пугаться, так как револьвер был у брата с разрешения власти. Около 4-х часов дня я увидел давнишнего нашего знакомого сотника, который был крайне удивлен, увидя нас арестованными. Я стал его просить, чтобы он помог нам выйти из этого тяжелого положения. Он обещал и ушел в канцелярию. Он скоро вернулся и сказал, что наше положение скверно, но обещал все-таки сделать все возможное. К вечеру всех нас вывели на улицу и сказали, чтоб русские строились в одну шеренгу, а евреи в другую. Тут же появился один гайдамак с крайне свирепым лицом и крикнул: Ну, жиды, мы с вами рассчитаемся. Всех вас отправим в земельный комитет." На языке гайдамаков это равнозначит выражению: мы вас отправим на тот свет. Нам об"явили, что нас ведут на суд. Тут же появился наш знакомый сотник, и я слышал, как он, указывая на нас, просил старшего, чтобы он особенно внимательно отнесся к нашему делу. Нас повели на вокзал и поместили в один из вагонов. Затем начали по одиночке вызывать русских. Как мы узнали, их опрашивали в следующем вагоне, а после допроса их помещали в третьем вагоне, за исключением одного русского, которого после допроса вернули обратно в наш вагон. Через некоторое время вызвали 5 евреев, в том числе и моего брата. Когда их вывели мы все как-то почувствовали, что их ведут на казнь. Прошло около часу после того, вновь появились гайдамаки и потребовали, чтобы мы все вышли из вагона: нас было тогда 10 евреев и один русский. Первым делом нас, евреев, повели в сторону и начали обыскивать. Я отдал 800 руб., бывшие у меня, а другой несколько тысяч. И просили старшего, распорядившегося обыском, чтобы нас пощадили, но получив деньги, старший держался в стороне от нас. Нас всех повели пона в ряд к откосу над рекой [расстояние в 4 версты]. Мы все знали, что нас ведут на смерть. Один из гайдамаков пощупал бывшее на мне паго, очевидно, желая узнать его качество. Я ему в сердцах сказал: "Можешь радоваться, тебе уж достанется хорошая шкура". "Молчи, жидора",

19.
крикнул он, "а то еще забью тебя прикладом". [стр. 19]. Шедший впереди меня отец, услышав эти пререкания, обратился ко мне с просьбой, не спорить, дабы они надо мной не издевались перед смертью. Нас привели к назначенному месту, с нас сняли платья и сапоги. Я попросил разрешения подойти проститься с отцом. Мне разрешили. Я взял отца за руку, и мы оба стали выкрикивать слова предсмертной молитвы, при этом произносили имена родных. Нас поставили лицом к реке, а позади нас раздалась команда и были даны 3 залпа. Все упали и я в том числе. Раздались стоны и крики. Гайдамаки подошли и стали приканчивать стонавших. Особенно долго им пришлось повозиться с русским, который упорно боролся со смертью. Наконец, казаки, покончив со всеми, ушли. Я стал себя ощущать и убедился, что я каким-то чудом не только жив, но и не ранен. Осмотревшись и увидев, что никого нет, я поднялся и бросился стрелами бежать в деревню, путь к которой мне был известен. Я пробежал около 6 верст не чувствуя ни холода ни усталости. В одном месте я, проходя по реке, по колени погрузился в воду. Я подбежал к дому знакомого мне крестьянина, разбудил его и рассказал ему обо всем происшедшем. Крестьянин заплакал но посоветовал мне не оставаться тут ночевать, так как это близко от города и им отдан приказ не пускать к себе жидов. Он дал мне сапоги и платье и я отправился в следующую деревню. Там меня привит мой родственник, а затем я скрылся в Меджибож.

Герш Цапкис.

ПРОТОКОЛ № 12.

САЛИТРИНИК, д-р.

Я специалист по венерическим болезням и проживаю в гостинице "Палас", где занимаю 2 комнаты. При появлении петлюровцев гостиница была реквизирована, но меня оставили. Через неделю после погрома ко мне явился один из петлюровских комендантов Гойдаренко. Он был болен трипером. Я ему сделал промывание и дал соответствующие предписания. В другой раз Гойдаренко, после того, как я его принял сказал мне, что той же болезнью болен и его товарищ, к которому меня пригласят. Меня, действительно, позвали через некоторое время в № 4, в котором проживал Семосенко. Это был тщедушный молодой человек, крайне нервный лет 22-24 на вид. У него оказалась та же болезнь с некоторыми осложнениями. Он заявил мне, что будучи атаманом местных войск, он не сможет придти ко мне, принимая во внимание характер болезни и мою специальность. Он пре[стр. 20]-дложил мне являться к нему. Тем не менее меня в теч-

ние нескольких дней не приглашал. Затем ко мне явился вновь Гойдаренко и пригласил меня к атаману. У атамана я нашел, как мне казалось, повышение температуры и я послал за термометром. Кроме того я нашел опухоль семенных путей и яичка, а также катаральное состояние легких. В то время, когда я измерял температуру, он обратился ко мне со словами: "а жиды опять ходят поднять восстание; целое совещание арестовано в [неразборчиво] и я об этом пишу наказ..." Я ему заметил, что принадлежу к еврейской нации. Он ответил, что знает это и понимает, но все-таки продолжал: "В Гречанах нашли 50.000 патронов, а в Фельшине на чердаках 4.000 оружия," добавил он. Я ему ответил, что в Гречанах живут крестьяне, а на счет фельшина я выразил недоверие. Тут же он заметил, что понимает еще сионистов, как самостийников, но бундистов он бы сам охотно резал. Вообще Семосенко производил на меня впечатление полу-интеллигентного человека. После я узнал от командира Черноморской дивизии, что Семосенко служил вахмистром в русских войсках на Украине в его части. В тот же раз я указал Семосенко, что ему необходимо лечь в постель, но он ответил, что это невозможно, так как ему необходимо ехать на вокзал встречать Петлюру и представить ему важный доклад, над составлением которого он сидел всю ночь. Через неделю меня опять позвали к Семосенко и я нашел, что его положение ухудшилось. Я тогда, с согласия Семосенко, созвал консилиум, в котором приняли участие русские врачи: Голубев и Савицкий. В то же время Гойдаренко говорил мне, что было бы желательно эвакуировать Семосенко в какой-нибудь госпиталь, так как в Проскурове он не поправится. На этом консилиуме мы действительно, решили посоветовать Семосенко поместиться в госпиталь вне Проскурова. Через несколько дней его в тяжелом состоянии вывезли из Проскурова. В последние дни я бывал у него ежедневно по 2 раза для лечения. Один раз он мне сказал: "Доктор, вылечите меня в 3 дня, так как меня назначают командовать фронтом." В другой раз он мне обещал 5.000 руб. если он выздоровеет, но в действительности ни я, ни другие врачи ни одной копейки не получили за консилиум, но за пользование мне было заплачено комедантом.

Врач. А. Салитриник.

ПРОТОКОЛ № 13.

В Е Р Х О Л А, Трофим Федорович.

После падения паризма я был избран гласным Гор. Думы, а затем [стр. 21] членом и председателем Земск. Управы. Мне также пришлось

два раза исполнять обязанности Уездного Комиссара. По убеждениям я соц.-дем. украинской ориентации. По образованию и профессии я художник; я слушал лекции в университете, учительствовал в народных школах. Когда произошел переворот в пользу гетмана, и гетм. власть утвердилась, я, считая эту власть реставрационной, нашел невозможным при ней заниматься ответственной общественной деятельностью, и сложил с себя звание гласного думы, предс. Земск. Управы, а равно отказался от своей должности комиссара. Я ушел в частную жизнь. Но затем, когда начались крестьянские выступления против гетм. власти, то я был обвиняем в организации этих восстаний, был арестован и предан австрийскому военно-полевому суду в Галиции, куда я был увезен, но до суда мне удалось бежать и я перешел на нелегальное положение. Я все время проживал вне Проскурова и только после падения гетмана я в декабре м-це, желая повидаться с родными в Проскуровском уезде, один день пробыл в Проскурове. Затем я уехал в Киев, откуда в Александровск. Но вследствие боев между Петлюрой и большевиками я ни в Александровск, ни в Киев проехать не мог. Путь оказался свободным лишь числа 10-го февраля, и я 12-го февраля вернулся в Проскуров. В Проскурове я повидал своих знакомых, между прочим был в Гор. Управе, где председатель Думы д-р Ставинский и другие гласные предложили мне взять обратно свой отказ от звания гласного, начать снова работать, на что я согласился. Тут проектировались разные должности, которые я мог занять, но никакого определенного решения я тогда не принял. Около вечера 14-го февраля я зашел к своему знакомому, уездному комиссару Тарановичу. У него я застал несколько человек. Там же я застал коменданта города Киверчука. Кто-то из присутствующих предложил мне заняться в Проскурове изданием газеты. Об этом были долгие разговоры, и я принципиально согласился, но Киверчук спросил каковы мои политические убеждения, может быть я большевик, и стал задавать мне разные вопросы. Я ответил, что не намерен исповедываться в своих политических убеждениях, и поняв, что в Проскурове хотят издавать правую газету, вроде тех, которые уже в разных городах Украины издавались петлюрошцами, я от издания газеты отказался. В это время вошел туда один молодой человек, военный, с напускной, как мне казалось, серьезностью на лице и заявил Киверчуку, что он его разыскивает, так как хочет с ним поговорить. Мне сказали, что это начальник Запорожской Бригады, атаман Симосенко. Вскоре мы разошлись. На следующее утро ко мне в номер [стр. 22] гостиницы вошел мой пле

22.
манник, с которым мы накануне условились пойти в баню. Придя, он спросил меня, слышал ли я стрельбу. Я удивленно заметил, что никакой стрельбы не слышал. Племянник объяснил мне, что рано утром было большевистское восстание, и оно уже подавлено. Мы отправились в баню, где я пробыл часа полтора. В 10 часов я вернулся к себе в номер. Я услышал отдельные ружейные выстрелы. Я отправился в Гор. Управу. Выстрелы учащались, и началась также пулеметная и орудийная стрельба. В Управе я нашел несколько человек, которые мне рассказали, что Сикора и Ставицкий пошли к коменданту узнать в чем дело. Вскоре они вернулись и сказали, что коменданта арестовали и они никого видеть не могли. Я спросил, кем арестован комендант, мне ответили "большевиками". В чьих же руках власть в городе? - спросил я. "Власть та же" - ответили мне. Это мне показалось странным, и когда Сикора и Ставицкий пошли вторично к коменданту, я отправился с ними. Было несколько рискованно ходить, особенно мне, так как я был в хорошей шубе и мог сойти за буржуя, но другой шубы я не нашел, а что касается Сикоры и д-ра Ставицкого, то они по совету некоторых гласных, для безопасности, одели на рукава повязки Красного Креста. Когда мы подошли к комендатуре, мы увидели подвешенного на лошади Киверчука. Мы спросили его, что происходит. Он ответил: "а я откуда знаю, я был все время арестован." "А кто вас арестовал?" - "Члены Центральной Охраны, большевики подняли восстание, но их очень мало и восстание уже подавлено". В это время со стороны вокзала раздавалась орудийная и пулеметная стрельба. Киверчук направился к вокзалу, а мы пошли обратно в Управу. Там мы услышали орудийную стрельбу со стороны казарм. Кто-то сказал, что обстреливается Реальное Училище, где большевики установили пулеметы. Тогда обеспокоенный Ставицкий, квартира которого находится возле Реального училища, сказал, что должен спешить на помощь своей семье. Он ушел, а через некоторое время вернулся и рассказал, что детей увел к коменданту, проживающему в другом конце города. К часу стрельба прекратилась и мы все успокоились. Начали расходиться по домам, и Ставицкий пригласил меня отобедать вместе с ним. Я принял это приглашение. Так как мы все были уверены в наступившем успокоении, то Ставицкий поехал за своей семьей и скоро ее привез домой. В конце обеда вошла прислуга и сообщила, что она слышала, что в городе избивают евреев. Мы с Ставицким решили отправиться в город, чтобы узнать в чем дело. Для большей безопасности я оста-

13
23.
вил свою [стр. 23] шубу у Ставицкого и одел солдатскую шинель, бывшую у него. Мы пошли по направлению к Александровской улице и вошли в аптеку Оксмана. Мы застали Оксмана за работой. У него был растерянный крайне угнетенный вид, он возился с перевязочным материалом. Он нам рассказал, что у него был фельдшер от Гайдамацкого полка и велел ему собрать весь перевязочный материал, который им нужен так как к ним привезли раненых. Мы его спросили, что происходит в городе. Он ответил, что режут евреев. "Идите на Аптекарскую улицу и вы увидите валяющиеся трупы." Тогда д-р Ставицкий спросил, не согласится ли он, чтоб его аптеку сделать перевязочным пунктом. Оксман изложил согласие. Мы бросились к Аптекарской улице и, действительно, увидели валяющиеся трупы стариков, женщин, детей. Мы тогда вошли в аптеку Деревоеда и там как раз нашли того самого гайдама фельдшера, который обходил все аптеки и требовал выдачи всего перевязочного материала. Я спросил его, зачем ему нужно столько материала, он ответил, что 60 человек привезли раненых с фронта. Я просил оставить хоть немного перевязочного материала для раненых евреев и он обещал. Мы продолжали обходить улицы и везде видели трупы. Наступил вечер и город точно вымер, никого на улице не видеть было. Милиционер мне объяснил, что казаки пошли на вокзал. Мы решили отправиться в Управу, чтоб что-нибудь предпринять. Но там никого не оказалось, а телефон был выключен, как все остальные телефоны. Ставицкий был очень растерян и не знал, что предпринимать, я тоже не знал, что посоветовать. Мы пошли к нему на квартиру. Вскоре прибежала одна соседка с воплем: "Раньше убивали евреев, а теперь убивают русских". При этом она сообщила, что избивают по соседству Мышкиных. Я схватил винтовку и бросился бежать в дом Мышкиных. Там, действительно, ворвались казаки, потребовали денег; и так как денег им не дали, то они выстрелили из ружья и попали в сына. Сын оказался раненым, но впоследствии он выздоровел. Я их успокоил и обратно пошел в Ставицкому. Через некоторое время пришла та же соседка и заявила, что к ней на дом явились казаки и грабят ее квартиру. Я пошел к ней и по дороге встретил двух казаков. На мой вопрос: кто они такие, они ответили, что они патрули. Я зашел в квартиру и узнал, что именно эти казаки покушались на грабеж. То были не гайдамаки. Дело в том, что после происшедшей днем резни, некоторые казаки и другие лица в течение ночи грабили и попадали и в русские дома.

24.
Всю ночь мы провели в тревожном состоянии. На следующий день,
[стр. 24] 16|II, когда еще чуть светало, приблизительно в часе 7,
я один пошел по Каменецк. улице, чтобы увидеть, что делается в го-
роде, видел трупы, затем пошел в Управу. Там я застал Ставиного
и еще кое-кого из гласных. Мы с Ставиным сейчас же отправились
в комендатуру и по дороге мы встретили начальника милиции Карахедя-
скова на кавоау. Я к нему обратился с упреком: "Чем же занимаетесь
в такое время ваша милиция." Он ответил, что милиция бессильна, так
как ее обезоруживают. Я сел к нему и поехали мы по улицам города.
Мы заходили в дома, искали раненых, но видели одни трупы. Ко мне
бросались знавшие меня евреи и умоляли использовать мой приезд и
прийти им на помощь. Я был крайне потрясен всем виденным и готов
был пойти на всякие жертвы. Я старался по мере возможности их успо-
коить. Мы поехали к Комендатуре. Там я вновь встретил Ставиного,
и мы решили в то же утро созвать Думу. Я настаивал на том, чтобы
на это собрание были приглашены Семосенко и Киверчук. Вскоре поя-
вился Семосенко и мы обратились к нему с приглашением. Он нехота
дал свое согласие. Тогда я пошел к Киверчуку и пригласил его, указы-
вая, что и Семосенко придет. Так как было опасение, что казаки мо-
гут нас арестовать на улице, я и Ставинский выхлопотали разрешение
ходить по улице, имея при себе оружие. Мы вернулись в Управу и ве-
медленно написали повестки на заседание. Сторожа отказывались их
разносить, боясь выйти на улицу, но я настоял. В момент открытия
Думы явилось немного гласных, из них все христиане, один только ев-
рей Райгородский. По дороге в Управу, да еще раньше мы узнавали, что
происходят отдельные нападения на евреев и что резня, правда, не
массовая, а в отдельных случаях продолжается, а от казаков, приез-
жавших по делу в Управу, я определенно узнал, что дано 3 дня на рез-
ню евреев и что сегодня они повторят вчерашнее. Тут же около Думы
на наших глазах был убит один еврей. Вскоре появился Семосенко и
Киверчук. Хотя явилось очень мало гласных и кворума не было мы, вви-
ду исключительного момента, решили открыть заседание. Я первый взял
слово и, обрисовав те ужасы, которые произошли в городе, обратился
к Семосенко с вопросом: "Что вы творите, атаман? Неужели вы себя
считаете украинцем? Для моей личности не нужны никаких рекоменда-
ций. Меня знают, как украинца не только в Проскурове, но и во мно-
гих других городах, не исключая Киева, и я считаю себя в праве ска-
зать вам, вы не украинец и вы не украинский казак. История нашего

85. 14
казачества имеет много доблестных страниц. Вы же надели казачье пла-
[стр. 25] тье на простых разбойников и являетесь их атаманом. Вы вою-
ете с большевиками, но разве старики, женщины и дети это есть те
большевики, против которых вы воюете? Разве одни только евреи явля-
ются большевиками, и разве вы не знаете, что есть большевики среди
других народов и также среди украинцев? Что же вы делаете? Я в кон-
це своей речи стал умолять его издать приказ о прекращении резни.
"Покадите сейчас живых, а о мертвых, которых вы зарезали вчера, то
за них вы дадите ответ в другой раз". После меня выступил Райгород-
ский. "Я от имени евреев подтверждаю то, что сказал гласный Верховал",
и тоже просил о пощаде живых. Говорил также д-р Ставинский, но в бо-
лее примирительном тоне. Семосенко поднялся с своего места и, глядя
на меня в упор, сказал: "Все разговоры о том, что казаки мои режут
мирных жителей, женщин и детей, это брехня. По моему приказу они
только борются против большевиков. Я отдал приказ истребить больше-
виков, и если у жидов старики, женщины и дети большевики, то это не
моя, а их вина!" Он говорил о том, что войско вернулось утомленное с
фронта и вместо отдыха, на который оно имело право рассчитывать, оно
встречает заговоры и нападения. Он одобряет действия своих казаков.
"Уорошо", добавил он в конце своей речи, "я дам приказ прекратить
резню. Пусть в продолжение суток будут похоронены все убитые, и
пусть жизнь войдет в свою норму. Но я виню всю Думу в том, что она,
зная о предстоящем выступлении большевиков, меня об этом не преду-
редила. Д-р Ставинский заявил, что Думе ничего не было известно о
восстании. В том же духе, что и Семосенко, высказался Киверчук, и
подчеркнул, что среди тех, которые его арестовали, были евреи. Я
опять взял слово и выразил удовлетворение по поводу обещания прек-
ратить резню в Проскурове, но вместе с тем я заявил, что этого не-
достаточно и что для полного успокоения города надо вывести гайда-
маков за гор. черту. Я предложил Семосенко возложить охрану города
на авиационный отряд, с которым я уже вел переговоры и который выра-
зил на это свое согласие. Я добавил, что все расходы город принимает
на себя. Семосенко на это из"явил согласие. Тогда я к нему обратил-
ся опять: "Относительно Проскурова мы теперь спокойны, но мне изве-
стно, что посланы отряды в различные ^{места} ~~районы~~ Проскуровского уезда: в
Фельштин, Черноостров, Ярмолинцы для вырезывания там евреев", и я
убеждаю его немедленно вернуть эти отряды. На это Семосенко отве-
тил, что в Черно-Остров отряд не послан, а в Фельштинке тоже было

26.
большевистское восстание, и там должно случиться то же, что в Проску-
рове. Я тогда стал говорить: "Неужели [стр. 26] украинский воин может
спокойно говорить о том, что должна произойти резня мирного населе-
ния", и стал просить прекратить этот ужас. В конце концов он обещал
отозвать казачьи отряды. На этом заседание закончилось. Впоследствии
я слышал от евреев, что телеграмма об отзывании отряда была послана
Семосенко, но была задержана начальником почты, расстрелянным больше-
виками за участие в погроме в Фельштине.

Дума постановила назначить меня заведующим охраной, а я, со сво-
ей стороны, после переговоров с начальником авиационного парка, наз-
начил его начальником охраны города. Не теряя времени я тут же от-
правился в типографию и дал к напечатанию следующее об"явление: "По
приказу атамана и с согласия его в Думе резня мирного населения прек-
ращена. Казаки отозваны из города. Охрана города возложена на Авиац.
парк, которому Дума верит и гарантирует жителям полное спокойствие.
Жизнь должна войти в норму. Приказ отдан военным начальством отдель-
ным казакам не появляться в городе. Милиции отдан приказ расстрели-
вать на месте всех грабителей"; и также казаков, которые появятся по-
сле 6 час. вечера. Для работы в контакте с охраной я избран Думой за-
ведующим охраны". Когда оттиск этого об"явления был отпечатан, я по-
шел в комендатуру, чтоб получить разрешение на его опубликование. Я
зашел к Киверчуку. К своему удивлению я увидел, что у него на столе
лежит такой же оттиск. Киверчук меня очень холодно принял. Он меня
спросил, на каком основании я присвоил себе право печатать такие об"-
явления и писать в них о какой-то резне мирного населения. Когда мы
с ним об"яснялись, вошел Семосенко. "Ах", сказал он: "вот это-то есть
Верхола?" Считаю разговоры лишними его надо отправить на вокзал в
суд."

Должен сказать, что на вокзале существовало какое-то подобие су-
да, где несколько подвыпивших казаков изображали из себя судей. Об
этом суде много говорили в городе. К этим "судьям" приводили людей,
а они только говорили: "а, большевик", и отправляли на расстрел. Та-
ким образом ими за два дня было расстреляно много человек, не толь-
ко евреев, но и русских. Когда я услышал распоряжение Семосенки, я
его спросил: "Вы что же, на расстрел меня посылаете?" Он ответил:
"Там суд разберет". Я ему тогда сказал: "Я знаю, что это за суд, и
знаю, что центр тяжести не в этом об"явлении, но как видно я вам ме-
шаю. Но почему вы меня не застрелили в Думе, где я перечислял ваши
подвиги? Или у вас духу тогда не хватало? Или вы собствен- |стр.27|

15
27.
ный патрон пожалели? В таком случае возьмите мой патрон. Действуйте
сами, но не устраивайте комедии суда". И с этими словами я вынул из
кармана патрон. Но Семосенко вышел. Тогда я обратился к Киверчуку
со словами: "Мне смерть не страшна, смерть рано или поздно неизбеж-
на для каждого из нас. Меня на Украине знают и за мою смерть отом-
стят. Страшна не смерть, а страшен позор. И ваш удел не только смерть
но тот позор, который вы заслуживаете." В это время в кабинет Ки-
верчука вошел Гор. Голова Сикора. Он меня спросил, что я тут делаю?
Я ответил, что меня отправляют в суд на вокзал. Сикора сказал: "Что
вы шутите?" Но Киверчук ответил: "Тут не до шуток, вот смотрите, ка-
кие об"явления он пишет." Вошел член Укр. Нац. Союза Матвейчук и, уз-
нав в чем дело, стал хлопотать о моем освобождении, об"яснив Кивер-
чуку, кто я такой, и что со мной нельзя поступать так. Вместе с Си-
корой они пошли к Семосенко, куда позвали и Киверчука. Я был отдан
под судебное следствие и тут же отпущен. Должен заметить, что в раз-
говоре со мной, Киверчук сказал, что мы таких как вы расстреляли,
что расстреляли уже самого есаула, расстрелу подлежит председатель
Центральной охраны Рудницкий, который скрылся. Выходя из комендату-
ры, я встретил, к своему изумлению, Рудницкого, идущего туда. Я пе-
редал ему слова Киверчука и предупредил, чтоб он не пошел. Тогда
Рудницкий сказал, что он знает о тяготеющем над ним обвинении и
идет, чтоб оправдаться. На все мои доводы о том, что теперь не мо-
мент для об"яснений, он все-таки пошел к Семосенке. Я ушел в Управу
В Управе Сикора и Ставинский сообщили мне, что Рудницкий арестован
и просит помочь ему в его горе. Я отправился к Киверчуку, и об"ясо-
нил ему, что нельзя чинить такой быстрой расправы над человеком ко-
торый сам пришел для об"яснений. За него хлопотал и председатель
Нац. Союза, Мудрый, в результате чего он был отдан под следствие.

В Думе как христиане, так и евреи просили меня принять на себя
комиссарство в городе. Они даже обратились ко мне с официальной пи-
сьменной просьбой, так как было известно, что комиссар Таранович хо-
чет выйти в отставку. Я из"явил принципиально согласие, но в том
случае, если социалистические партии дадут на это разрешение. Я по-
видался с некоторыми партийными работниками, и те также присоеди-
нились к этой просьбе. С комиссаром Тарановичем я был хорошо знаком
и считаю нужным сообщить следующий случай: В субботу, в день резни,
он побежал к Семосенке и потребовал прекращения рез- |стр.28| ни, но
согласия не получил. Тогда он отправился на вокзал и по прямому про-

28.
воду сообщил о Проскуровских ужасах командующему фронтом Шапва-
лу, и стал просить, чтобы тот немедленно приказал Семосенке прекра-
тить резню. Шаповал дал приказ Семосенке прекратить резню, и этот
приказ Таранович вручил Семосенке. Через полчаса после приказа ка-
заки были отозваны из города и резня прекращена.

Зная, что Таранович, действительно, тяготится своей должностью,
и что его отставка не принимается, потому что нет заместителя, я от-
правился к нему и заявил, что готов принять на себя обязанность ко-
миссара. Тот очень обрадовался, и мы пошли на вокзал, где по прямому
проводу вызвал Губерн. Ком. Степуру, при котором я еще раньше служил в
качестве комиссара. Последний изъяснил согласие принять отставку Та-
рановича и тут же меня назначил комиссаром. Таким образом, я всту-
пил в исполнение обязанностей комиссара.

Вступив в обязанности комиссара, я считал своим долгом, за вся-
кую цену, во что бы то ни стало не допустить в городе никаких прово-
каций, чтобы не дать повода военной власти к новым эксцессам. Насе-
ление мне верило, я просил в каждом случае провокации или других
эксцессов сообщать мне. Мне стало известно, что гайдамаки убили ев-
реев, что в городе будет новая резня. Я узнал, что еврейской общине
было послано письмо о том, чтоб к часу дня явились представители об-
щины в следственную комиссию по поводу каких-то готовящихся новых
событий. Я нашел нить к раскрытию этой тайны, и оказалось следую-
щее: в городе была следственная комиссия по расследованию дела о
погроме. Члены ее были присланы из губернии и имели на то полномо-
чия. Семосенко такой комиссии не допустил, расформировал ее, а сам
назначил новую из представителей казачества. Комиссия, по его нака-
зу, занялась расследованием исключительно большевистского восстания,
роли, участия в нем местных полков: 8-го Проскуровского и 15-го
Белгородского. Комиссия по ее поступкам была для меня подозритель-
на, и когда мне стало известно требование комиссии к еврейской об-
щине, то я принял меры к ее разоблачению. Сам занялся расследованием
подпольной работы комиссии и узнал, что один из членов ее, действи-
тельно, передал письмо на имя общины, чтоб представители явились в
комиссию для допроса, а на словах предупредил, что в случае невня-
ти плохо придется. Евреи советовались со мной, что им делать в этом
случае. Я обещал принять с своей стороны соответствующие меры. В
это время Семосенко, придравшись к тому, что лавки были закрыты не-
сколько дней, наложил на лавочников штраф в разме- [стр. 29] ре 6000

29.
руб. на каждого. Само собой разумеется, что закрыты были еврейские
лавки в виду происшедшей резни. Тогда евреи собрали 300.000 руб. и
через Гор. Думу внесли Семосенке. Семосенко, хотя знал, что эти день-
ги собраны среди евреев, но издал наказ, в котором благодарил населе-
ние Проскурова за подарок казакам за их труды в пользу отечества.

Я решил отправиться к Семосенке и узнать, для какого допроса тре-
буются евреи. Семосенко ответил, что никакого требования он не пред-
ъявлял. Тогда у меня возникла мысль, что комиссия действует самозванно.
У Семосенки я встретил подозрительных лиц, которые с ним сидели за
столом, свободно себя держали и я понял, что это есть его разведка. Не-
которых из них я знал, они были сыщиками и были удалены из милиции
за разные проделки. Я заметил Семосенке: "чем вы себя окружаете, ведь
это все провокаторы. Я знаю это, и вы, атаман, сами можете погибнуть
от этих провокаторов. Мне известно, что они учинили новую провокацию
в городе, я ее почти уже раскрыл и в 24 часа выдам вам всех провока-
торов". Семосенко не поверил в провокацию и сказал мне, что ему из-
вестно, что готовится новое выступление большевиков и что он выпуска-
ет по этому поводу об"явление и готовит вооруженную силу. Об"явле-
ние, о котором говорил Семосенко, было выпущено на следующий день [от
27 февраля. X I]. Чтобы иметь возможность раскрыть провокацию, я про-
сил Семосенку предоставить мне право арестовать каждого, кого най-
ду нужным, не исключая членов его штаба.

У меня были уже некоторые сведения от Штера, Минца и Кацмана и
других о том, что арестовываются молодые люди, обвиняются в большевиз-
ме и за деньги освобождаются. Я понял, что это исходит от имени той
комиссии, которая назначена для расследования большевистского восста-
ния. Я разузнал, где заседает эта комиссия, и отправился туда. Там я
увидел одного казака и местного еврея Прозера. Я спросил казака,
где я могу видеть председателя комиссии, и тот мне ответил, что пред-
седателем состоит есаул Савельев и в данный момент я его могу найти
в ресторане "Сан-Ремо". Как мне показалось, этот казак был несколь-
ко смущен, увидев меня. Очевидно, он меня знал. По его ащенту я дога-
дался, что он еврей. Я направился в указанный ресторан и там официант
мне указал есаула Савельева. Я себя назвал, спросил его, состоит ли
он председателем следственной комиссии. Он ответил, что он только
член ее. Я его спросил, известно ли ему, что представители еврейской
общины призывает на сегодня эта комиссия для каких-то допросов. Он
ответил, что это ему известно и это правильно, так как [стр. 30] ко-

этот самый, привезший за перевозочным материалом. Д-р Ставинский сказал ему, чтоб он их привез в город, и их разместят по больницам. Я лично не слышал, чтоб Семосенко в комендатуре сказал, чтоб им отдан приказ о прекращении резни. Утверждаю, что в Думе Семосенко говорил о том, что в Тельштине должно произойти то же, самое, что и в Проскурове. И только в конце заседания он обещал дать распоряжение отозвать казаков.

Т. ВЕРХОЛА.

ПРОТОКОЛ № 14.

РАПОРТ, Израиль Зусевич.

Я состоял гласным Думы с первых дней ее преобразования после падения царизма. Я прошел по еврейскому списку, по которому прошло всего 14. Всего в Думе было 50 человек, из которых, кроме упомянутых 14, было еще 9 евреев прошедших по другим спискам. Поляков в Думе было 9 человек, остальные были украинцы и русские. Городским Головой был избран раньше д-р Николаев, который прошел благодаря блоку социалистов с поляками. Тем же блоком был проведен в председатели Думы д-р Ставинский. Должен отметить, что между гласными, прошедшими по еврейскому списку, и евреями, прошедшими по социалистическому списку, происходили частые трения, и они в большинстве случаев голосовали против наших предложений, считая их буржуазными. Первое наше расхождение и было по поводу избрания в Гор. Головы д-ра Николаева. Впрочем, д-р Николаев при тетмане был отозван своей партией, и тогда был избран Сикора.

В день резни, 15-го февраля, я узнал еще утром о большев. восстании, но ничего не знал о предстоящей резне. Правда, мне сообщили, что накануне в пятницу трое проезжавших гайдамаков обратились к стоящим евреям со словами: "Знайте, жида, что мы приехали вас резать". Днем я был со своей женой у своего тестя Гринберга и там я узнал о происходивших в городе убийствах. Я не решался оставить своих и в тот день никуда не выходил и ночевал у тестя. На следующее утро я с гласным Бергером отправился к председателю Думы Ставинскому, чтоб

32.18
узнать в чем дело, но не застали его. Мы пошли в Гор. Управу и там некоторые указывали на то, что убийства продолжаются в разных местах города. При этом было указано, что не грабят, а режут. Слышавший это казак, приехавший в Управу за хлебом, сказал: "Это правда, нам приказано только резать, но не грабить". Я не дождался ни Ставинского, ни Сикора, которые были в комендатуре, и отправился обратно к тестю. Я вместе с другими стал заботиться об организации приемных пунктов для раненых. Во вторник состоялось заседание Гор. Думы, которая избрала Исп. Комитет для решения вопросов, связанных с резней. Этот И.К. вместе с кооптированными членами состоял из 16 человек. Исполнительный Комитет организовал Комитет Помощи из 50 человек, делившийся на ряд отделов. На одном из ближайших заседаний Дума постановила выпустить заем в пользу пострадавших в 500.000 руб., но заем был покрыт лишь в размере 300.000 с лишним рублей. В свою очередь евреи, чтобы избежать дальнейших эксцессов со стороны Семосенки, собрали между собой 300.000 руб. и через Городского Голову передали Семосенке. При этом Сикора передал ему эти деньги не как от евреев, а от всего населения за деятельность его бригады, после чего Семосенко выпустил соответствующий наказ. Должен добавить, что во время резни был убит, между прочим, псаломщик Кочаровский, по внешности похожий на еврея. Когда жена его потом явилась к Семосенке и указала на то, что казаки убили случайно ее мужа, подала прошение о помощи, он на этом прошении сделал надпись, чтоб ей было уплачено проскуровскими богатыми купцами /ясно евреями/ 300.000 рублей. Но этой женщине удалось получить только 4.000 руб.

И.С. РАПОРТ.

ПРОТОКОЛ № 15.

СТАВИНСКИЙ, Мариан Иванович - доктор.

Когда началась погромная волна по Украине, я в качестве председателя Гор. Думы поставил на повестку дня внеочередного заседания вопрос о том, как реагировать. Было постановлено обратиться к местному коменданту Киверчуку с указанием на необходимость усиления охраны и было предложено в останавить квартальную охрану, которая раньше существовала в городе, но Киверчук ответил, что в восстановлении охраны нет надобности, так как местных сил достаточно. Атаман Семосенко появился в городе значительно позднее и я

узнал о его появлении из случайных разговоров, в которых со-
чалось, что город будет об"явлен на осадном положении, и он
станет во главе войска. Чтобы проверить этот слух, я вместе с
Сикорой обратился к комиссару Тарановичу, который о Семосенке
ничего не знал и направил нас к Киверчуку. Киверчук ответил,
что никакого осадного положения не будет, он не допустит. Если
же действительно сданы какие-то указы в этом смысле, то даст
распоряжение не печатать этих об"явлений. И до происшедшего
погрома имя Семосенки не было известно в городе, а под всеми
указами подписывался Киверчук. Заявляю, что даже в пятницу ве-
чером 14/II я еще не знал ни о предстоящем выступлении больше-
виков, а тем паче о предстоящей резне. Но в субботу 15/II ут-
ром, еще будучи дома, я услышал выстрелы и немедленно отправил-
ся в Гор.Управу, чтобы узнать, в чем дело. Там я застал Сикору,
вместе с которым отправился в комендатуру. Но там мы никого не
застали, а узнали, что происходит большевистское восстание и
что командант арестован. От бывшего тут же председателя Нац.
Союза Мудрого я услышал, что будет обстрел Дворянской улицы, на
которой я живу. Должен заметить, что стрельба в это время уси-
ленно продолжалась и сообщили об убийстве Трахтенберга. Обеспе-
коившись участием моих детей, я немедленно поехал домой, перевез
детей на квартиру ксендза, в другой части города. Оттуда я по-
ехал в Управу, и пробыв там некоторое время отправился вместе с
Верхой ко мне обедать. Стрельба продолжалась, жена беспокоилась
за детей, и я поехал к ксендзу, взял детей обратно домой.
Я дома оставался до 6 часов вечера, не подозревая того, что
происходит в городе. Именно к этому времени пришедший к нам ка-
кой-то знакомый сообщил, что в городе не спокойно, но никаких
подробностей тоже не знал. Я с Верхой отправился в Коменда-
туру, чтобы еще раз попытаться узнать в чем дело. Там мы нашли
Киверчука. Он нам сообщил, что было большевистское восстание,
что он был арестован, но теперь выпущен и уже расстрелял своего
ординарца, кажется, Врушневского, который принимал участие в
его аресте. "А в городе совершенно спокойно", сказал Киверчук в
ответ на мой вопрос: "Как в городе". Мы с Верхой пошли по
Александровской улице и подошли к аптеке Деревоеда. Тут мы ста-
ли замечать валяющиеся трупы. Их было свыше 10-ти. Сначала я по-
думал, что это случайные жертвы перестрелки, но в аптеке Деревое-

еда я узнал, что в городе гайдамаками произведена была резня евре-
ев. Я предложил организовать перевязочные пункты для раненых. Как
в аптеке Деревоеда, так и в аптеке Оксмана мне сказали, что весь
перевязочный материал затребован на вокзал для раненых казаков.
Должен добавить, что на следующий день какой-то казачий врач
явился также к нам в Управу с просьбой дать ему перевязочный ма-
териал. Мы ему часть выдали, в виду его настояния, так как он го-
ворил, что есть много раненых казаков на вокзале. Перевязочный
материал был передан под расписку 2-х санитаров. Фамилии врача я
не знаю: это был молодой человек, производивший на меня впечатле-
ние не то алкоголика, не то морфиниста. Были ли раненые на вокза-
ле мне не известно.

В виду наступившей темноты и крайней пустынности улиц я с
Верхой вернулись ко мне домой. Ночью нас вызывали соседи хри-
стиане, которые жаловались на то, что их грабят. На следующее ут-
ро я с Верхой отправился в Управу, где узнал подробности бывшего
резни, а также о том, что вся власть находится в руках Семосенки.
Вместе с Верхой, Сикорой и Мудрым я отправился в комендатуру.
Там мы видались с Киверчуком, а затем с Семосенкой. Последний рас-
порядился, чтобы мы немедленно созвали заседание Думы и обещал
сам явиться на заседание. Обещал явиться и Киверчук. На мою прось-
бу прекратить резню, Семосенко ответил, что отдал в этом смысле
распоряжение и что я в повестках к гласным могу написать, что спо-
койно, и чтоб они не боялись явиться. Однако в городе отдельные
случаи убийств продолжались, и говорили даже о том, что казаки
думают повторить вчерашнее. Я сам был свидетелем того, как два
казака зарезали одного молодого еврея. Когда я увидел тут же
под "ездающего комиссара станции Мисевича, я обратился к нему. Он
ответил: "Вы видите настроение казаков, что я могу сделать?" Дей-
ствительно, когда я перед тем обратился с протестом к казакам,
они мне ответили угрозой. Вскоре после того появился Семосенко
на автомобиле и, когда, по моему настоянию, Мисевич доложил о
случившемся Семосенке, тот спокойно выслушал и, сказав "трогай",
двинулся дальше. Спустя некоторое время состоялось заседание Ду-
мы. Оно было малочисленно, но вопроса о кворуме мы не поднимали.
Из евреев был один Райгородский, насколько помню. Заседание было
открыто моим словом, в котором я выразил скорбь по поводу случив-

36.
шегося. Семосенко затем взял слово, где обвинил евреев во всем происшедшем, указывая на то, что все евреи большевики, назвал, между прочим, и Думу большевистской, так как она не предупредила о восстании. В таком же духе говорил Киверчук и особенно подчеркивал то, что он сам подвергся насилию. С большой речью выступил Верхола, а после него Райгородский. Им ответил Семосенко. В результате Дума приняла решение о передаче охраны авиационному парку и организации Исполнительного Комитета для ликвидации происшедшего ужаса. Сам Семосенко, с которым мне приходилось сталкиваться по обязанностям председателя Думы, производил на меня впечатление человека нервного, мало интеллигентного.

Врач Мариан Иванович Ставинский.

ПРОТОКОЛ № 16.

Ш П И Г Е Л Ь, Иосиф Моисеевич.

В субботу утром я со своим единственным, ныне покойным, братом отправился молиться в синагогу и там же мы узнали, что в городе не спокойно. Мы видели выпущенную большевиками прокламацию. После молитвы мы пошли домой, где победали втроем с матерью моей, старухой уже за 70 лет. В городе было не спокойно, и слышна была перестрелка. Мы сами проживаем на старом базаре, далеко от центра города. Мы с братом решили пойти к нашей знакомой семье, жившей по соседству, Потихе. Они жили на Купеческ. ул., из квартиры можно было видеть всю Купеческую улицу до Александровской ул. Семья Потихи состояла из матери, сына и 3-х дочерей, кроме того, у них гостила родственница из Меджибожа. Мы у Потихи проводили время тревожно и я также нервничал. Я пошел посмотреть, что делает мать и в это время мне на встречу отряд казаков по Стар. базару вверх /человек около 200/ с одним пулеметом, с санитарной линейкой, а за ней сестра милосердия. Я быстро прошигнул мимо этого отряда и скрылся в воротах. Предчувствуя недоброе, я решил поместить свою мать, которая от старости еле передвигает ноги в безопасное место. Околоными путями я провел ее к дому в районе костела, где проживает моя тетя. В этом доме проживает хорошая знакомая моя польская семья и просил, чтобы они приняли мою мать. Те мне наотрез отказали. Я поместил мою мать у тетки. Сам я, крайне обеспокоенный судьбой брата и Потихов, так как отряд направился по направлению к их дому, я отправился туда. Когда я прибли-

37.
зился к дому, стоявшие на улице русские и поляки, предупредили меня, чтобы я не шел, так как режут евреев. Я ответил, что в доме Потихи оставил своего брата, но мне ответили, что там уже всех перережали. Услышав это я бегом бросился к дому Потихи. Первым делом я подошел к брату, который еще дышал. Я крови на нем не заметил и думал, что он не ранен, а оглушен. Но он у меня на руках скончался. Тогда только я заметил смертельную рану в животе. Овладев собой, я бросился к другим, надеясь кому-нибудь помочь. Я первым делом заметил мать Потиху, которую я узнал только по фигуре, так как лицо и голова были так изрублены, что черты лица были совсем неузнаваемы. Около нея же лежал изрубленный саблями, исколотый штыками труп ее сына. Таким же путем изрубленная старшая дочь лежала при входе в дом. Была убита самая младшая дочь Потихи, а средняя лежала тяжело раненая. Также тяжело ранена была их родственница из Меджибожа. Кроме того, в том же доме оказались раненные во дворе 2 брата Ереслер и их старуха мать. Они сами уже приползли в квартиру Потихи. В квартиру скоро прибыла обеспокоенная моя тетя и мы стали оказывать по мере своих сил помощь раненым. Нам было чрезвычайно трудно, особенно поднять раненых, так как доступ к ним был крайне затруднен. Я тогда обратился к пришедшим любопытства ради крестьянам помочь нам, но все они отказались. Нашелся лишь один Сикора - сосед по дому, который помог нам. Из раненых двое умерли: Потиха и Меджибожская, остальные впоследствии оправились.

Иосиф Моисеевич Шпигель.

ПРОТОКОЛ № 17.

К У З Е Л, Павел Андреевич.

В настоящее время заведуя столом арестованных при Ч.К. Я всегда по убеждениям был коммунист. Я служил младшим унтер-офицером в 15 Белгородском полку, стоявшем в Проскурове. Полк всего состоял из 200 человек и в большинстве состоял из коммунистов. Были в Проскурове и другие части большевистски настроенные, как напр. 8-ой Подольский полк и др. О настроениях, господствовавших в этих частях было известно начальству. И 3-й Гайдамацкий полк явился в Проскуров именно для борьбы с большевиками. Уже настойчиво говорили, что на 15 февраля назначено выступление большевиков по всей территории Подольской губернии, и мы с своей стороны стали также

78.
готовиться в этом выступлении. В ночь с 14-го на 15 февраля нам в казармы явились из города человек 50-60 рабочих и др. и заявили, что все готово к выступлению, что 8-й Подольский полк уже находится в полном вооружении, и что из Гречан идут рабочие, у которых имеется около 50 пулеметов. Пришедшие просили, чтобы мы их снабдили оружием. Мы тогда решили арестовать всех офицеров, что и исполнили, подвергнув их домашнему аресту. Затем мы проникли в наш склад оружия, забрали это оружие и вооружили пришедших. Наш полк тогда направился к вокзалу, где эшелонами стояли гайдамаки, окружили вокзал и начали обстреливать вагоны гайдамаков. Вскоре появились райдамаки и начали нам отвечать ручными гранатами. Силы гайдамаков оказались значительно больше наших и в результате боя мы отступили к казармам. Так как нам на подмогу никакая другая часть не приходила и вообще помощи отсюда не являлось, то мы решили отступить по направлению к Фельштину, куда при начале нашего наступления на вокзал послали конный отряд в 29 человек для установления связи с Фельштином. В Фельштин мы прибыли днем. Там мы убедились, что никакой почвы для выступления не имеется, и мы все разбрелись в разные стороны.

П. Кузед.

ПРОТОКОЛ № 18.

И О Ф Ф Е, Илья Израилевич.

Я, председатель Революционно-Демократического органа, обнищавшего все рабочие и социалистические организации гор. Проскурова, в том числе и большевиков-коммунистов, председатель Проскуровской организации Бунда по делу погрома 15-16 февраля с/г. показываю следующее:

Первой причиной, вызвавшей кровавые события в Проскурове нужно считать восстание, организованное местными коммунистами, хотя погромное настроение в городе воцарилось еще с первых дней прихода отряда Самосенко. Мы, ответственные деятели рабочих организаций, понимали, что этим бандитам нужен только некоторый повод, чтобы учинить здесь погром, и, сообразуясь с создавшимся положением, были осторожны в своей деятельности каждым своим шагом. По этой же причине мы не открывали Совета Рабочих Депутатов, который был избран во время петлюровщины. Проскурову тем

89.2
более нужно было быть осторожным, ибо в Подольской губернии он является самым живым городом по своей общественной и политической жизни. Здесь еще во время гетманщины была обнаружена группа коммунистов, которая была присуждена к смертной казни. Можно было, поэтому, ожидать, что взоры провокаторских властей петлюровщины, возведших свою провокацию в систему обнаружения и расправы с анти-самостийническими элементами, устремлены именно на Проскуров, желая здесь найти нить коммунистических ячеек по всей Подольской губ., тогда представлявшей собою полу-Украину. К несчастью этого не понимали местные коммунисты. Организации их, в большинстве своем, состояли из мальчишек, которые жили и действовали на партийные деньги, получившиеся из Великороссии, и малосознательных рабочих, которых им удавалось привлечь в свою подпольную организацию и явно преступных элементов, вступивших туда ради материального использования их, или для того, чтобы их провоцировать. Политика отмежевания от прочих социалистических организаций и старых испытанных деятелей рабочего движения, самая низкопробная демагогия, практикующаяся коммунистами и поныне, создавали прекрасную почву для провокации, привлекали самые темные и подлые элементы и можно почти с уверенностью сказать, что вся работа коммунистов со всех сторон провоцировалась петлюровской властью.

О том, что организовывается восстание коммунисты никому ничего не говорили. Мы, возглавлявшие целые рабочие организации, пользовавшиеся большим влиянием среди местных рабочих, не были предупреждены о том выступлении, которое коммунисты готовили от имени пролетариата, но за спиной его. Несколько недель до выступления, когда отряд Самосенко был уже в городе, в частной беседе с одним товарищем, не принимающим в последнее время никакого участия в общественной и политической жизни, но сочувствующим коммунистам, им было мне заявлено мельком, что коммунисты подумывают о восстании. Констатировав, что это было бы безумием, давшим повод к разгрому города, я совершенно забыл об этом разговоре. Общественная жизнь потекла по-прежнему, но меры предосторожности были приняты нами, в виду того, что чувствовалось что-то грозное впереди, как я об этом уже упомянул вначале. К тому же времени уже поднялась погромная волна на Украине и это естественно увеличило наше беспокойство и тревогу за судьбу нашего города. В четверг, перед кро-

вадой субботой, часов в 10-11 ночи ко мне пришел секретарь Центрального Бюро Профес.Сюзов и заявил мне о том, что коммунистам готовится восстание. Это он узнал от некоторых товарищей и заключил это из того, что некоторые рабочие переоделись в солдатскую одежду.

Дальнейшие свои показания представлю после.

Илья Иоффе.

Продолжение показаний

Илья Израилевича И О Ф Ф Е.

Узнав об этом и поняв серьезность надвигающихся событий, я немедленно отправился в Городскую Думу /там в это время проходило заседание/ с целью встретить там членов комитетов Бунда и Об"единенной Еврейской Социалистической Рабочей Партии, чтобы совместно выработать план действий. По дороге в Думу я встретил председателя Коммунистической организации Речкоблита /Макара/ и нарочно его остановил, думая, что он меня осведомит о готовящемся, но он этого не сделал. Я же его не спросил о восстании, ибо я не считал это для себя достойным, раз он не счел нужным позвать меня в свои планы. К моему приходу кончилось заседание в Думе, и я передал товарищам то, о чем я слышал. Мы отправились искать помещения для устройства совещания по этому поводу, но за поздним временем /это уже было после 12 часов ночи/ мы нигде не могли устроить это совещание. К тому же к нам пристал начальник милиции Каражельяков, которому мы не вполне доверяли и который стеснял нас своим присутствием, чтобы мы могли говорить по вопросу совещания. Он нам рассказывал о том, что происходит в сферах проскурвовских властей и между прочим рассказывал, что накануне один из высших над ним властей, какая именно власть он не сказал, ему заявила, что я, Иоффе, организую здесь восстание против петлюровской власти и назначил даже уже будущих комиссаров. В таких разговорах мы разошлись по домам, сговорившись встретиться завтра в пятницу, в 9 часов утра, и тогда же устроить совещание социалистических комитетов, которое в эту ночь не удалось провести. На завтра утром, когда мы все собрались, мы решили, что невозможно приступить к совещанию, пока не будем информированы о том, что предпринимается. Для этой цели мы послали за коммунистами с тем, чтобы они явились к нам на совещание. А

41.02

между тем мы узнаем от некоторых товарищей, ответствующих принять участие в выступлении, некоторые подробности всего плана восстания. Мы видим, что один хромой рабочий-сапожник, только что узнавший, что такое профессиональный союз /а о его социалистических убеждениях и говорить не приходится/ должен "привести 16 деревень"; мальчик, член нашей организации, которому мы не поручали никакой работы, вследствие его незрелости, должен быть "комиссаром артиллерийского склада" и т.д. и т.д. По тому, кто стоит во главе восстания, мы уже составили себе представление о той почве, которую имеет под собой все это восстание. На кого же опиралось восстание, на кого же рассчитывали коммунисты в своем выступлении? "на ст. Гречани". Там у них имелась незначительная ячейка. Вся же станция состоит из мешанских элементов, которые по существу своему реакционны, но если давить на них, то они могут принять предложенную большевистскую резолюцию, но ни в коем случае нельзя было ожидать, что они с оружием в руках выступят защищать и проводить свои революции в жизнь. "На профессиональный союз пекарей", заведомо антисемитический, даже погромнический /это не голословные заявления, а факты/, который тоже может вынести бумажную большевистскую резолюцию и т.д. и т.д. "На 16 деревень". Смешно даже было об этом говорить, ибо мы прекрасно понимали, что эти люди не владеют и настолько организаторскими способностями, чтобы организовать 16 деревень, ибо у них даже столько людей не было, чтобы провести такую колоссальную работу, как организовать 16 деревень так, чтобы можно было их привести в нужный момент. Да к тому же, не ясно ли было, что деревня вовсе уже не так большевистски настроена, ибо после свержения гетманской власти она удовлетворилась. И теперь же мы видим на деле, как большевистски настроена деревня.

"На Армию". Здесь было два полка с ничтожным количеством солдат, большевистски настроенных. Вот это была база большевистского восстания.

На совещание явился 2 представителя "Ревкома", тайно существовавшего, конечно, и один представитель местной коммунистической организации. Среди этих представителей было двое парней знакомых нам /я бы назвал их мальчишки/ и один, назвавший себя украинским левым с-р., которого мы не проскурвовском горизонте видели

42.
впервые. Открыв собрание, я протестовал против того, что за нашими плечами подготавливается что-то от имени рабочего комитета нашего ведома и объяснил цель приглашения коммунистов /информация/ и всего совещания /выработать отношение к выступлению/. Коммунисты раньше всего спросили, стоим ли мы в принципе за восстание. Я - от Бунда и убитый во время погрома т. Крупник - от Обединенцев указали, что такие вопросы никогда принципиально не решаются, а в связи с теми видами на успех, которые имеются, стоим за советскую власть, как исход из создавшегося положения, и во всяком случае против петлюровской власти, которая устраивает еврейские погромы. Коммунисты заявляют, что вопрос о восстании решен в общегубернском масштабе на губернской конференции коммунистов. Восстание будет по всей Подольской губ. и будет сопровождаться железнодорожной забастовкой и утром из Жмеринки должно прибыть подкрепление. Сколько у них солдат, пушек, винтовок они нам не скажут, но если мы хотим примкнуть, то мы можем делегировать представителей в Ревком. Когда мы спросили, на кого же они опираются, они заявили, на рабочих, солдат и крестьян. Когда же мы спросили, если опираетесь на рабочих, то где же мы, социалистические и профессиональные организации, они в демагогическом и мальчишеском тоне заявили: если рабочими называются ст. Гречани, металлисты, пекаря и проч., то они у нас есть, если же рабочими называются подростки - портные и прочие такие, то их у нас нет. Слыша такой мальчишеский задорный тон их, я считал лишним дальше с ними пререкаться и счел нужным указать им их (фальшивые) расчеты: указал, что такое Гречани, пекаря, деревня, местные полки и какие силы у противника и высказал уверенность, что восстание не удастся и приведет лишь к страшному погрому еврейскому, разгрому общественной жизни в Проскурове на долгие и долгие годы и т.д. и т.д. То же самое сказали и остальные члены наших комитетов и в особенности тов. Крупник. Коммунисты заявили, что выступление неминуемо. Они ушли, мы вынесли резолюцию, в которой призываем всех рабочих не принимать участия в выступлении и всю ответственность за возможные последствия возлагаем на организаторов восстания. Заседание кончилось приблизительно в 5 час. вечера. Когда я вышел после заседания

43. 23
на улицу, я видел, что в городе определенно тревожное настроение. В городе знали о готовящемся восстании. На улицах разезжала конница и создавалось впечатление, что и власти знают о предстоящем выступлении.

К вечеру, по постановлению своего комитета /Бунда/ я должен был оставить город и уехать в Ягмолинку. Но вследствие того, что к Каменецкому переезду отправилась в это время целая вереница извозчиков с гайдамаками, я побоялся ехать в это время и остался на ночь в городе. Что ночью произошло, достоверно не знаю. Знаю только из рассказов других. На завтра, в субботу, я вышел узнать, что происходит в городе, я зашел в наш клуб, куда и сошлись рабочие для того, чтобы узнать, что делается. Когда к нам в клуб пришли деятели восстания, главари его, и заявили нам, что город остался без всякой власти, мы приступили к организации отряда для охраны порядка в городе. Все это создало впечатление для населения о том, что в клубе Вронислава Гроссера находится чуть ли не штаб и что я явился организатором восстания. Вскоре около нашего клуба попал снаряд и все находившиеся там, разбежались. От нашего отряда ничего не осталось. Через часа два на улицах показываются гайдамаки, затихла большевистская артиллерия, на углах Александровск. ул. разставляются пулеметы. Восстание проиграно. Надвигается нечто грозное, и, по настоянию своих товарищей, я покидаю город. Отправился пешком. В с. Изанковцы был арестован, отправили в волостную милицию, освободился и поехал в Старо-Константинов. В разговоре с таковым коммунистом, серьезным, вдумчивым и честным парнем по поводу погрома он заявил мне, что в беседе с Речкоблитом, председателем Проскуровск. организац. коммунистов, бешавших тоже туда, последний высказал уверенность в том, что провокация этого выступления идет из Жмеринской коммунистической организации, или их делегата, выступившего на Винницком съезде коммунистов с категорическим и ультимативным требованием восстания. На этом съезде и был решен вопрос о восстании. Жмеринка, которая имела гораздо больше ресурсов к такому выступлению, ибо там имеется депо из 7 тысяч рабочих, большевистски настроенных, в то время, когда делегат ее так категорически требовал восстания, не обнаружила никаких попыток к такому выступлению.

ПРОТОКОЛ № 19.

П И Л А Т, Моисей Соломонович.

Я состою членом Гор.Управы: Всех нас в Управе было 5 человек, из них я один - еврей. Относительно появления в городе аманана Семосенки я могу сообщить следующее: за несколько дней до памятной субботы 16/II в Управе была получена телефонограмма за подписью Семосенки, в которой сообщалось, что им расстрелян один казачий офицер за грабеж и хулиганство на ст. Комаровцах. Кто-то бывший тут-же в Управе сообщил, что в типографии отпечатано об"явление за подписью того-же Семосенки о том, что он является начальником гарнизона, что он запрещает сборища и т.д. Так как имя Семосенки впервые нам стало известно, то я и Гор.Голова Сикора пошли в типографию узнать, что это за об"явление. Действительно, такое об"явление было отпечатано. Тогда Сикора с председателем Думы д-ром Ставинским отправились к Киверчуку, чтобы узнать, действительно ли власть переходит к Семосенке. Киверчук заявил, что Семосенку мальчишка и самозванец и он не допустит опубликовать это об"явление. Он тут же по телефону распорядился, чтобы такого об"явления не выпускать из типографии. И это об"явление о том, что вся власть переходит к Семосенке, было расклеено по городу лишь после погрома. О предстоящем выступлении большевиков мне ничего не было известно, но в пятницу 14-го я в 8 часов вечера зашел в Гор.Управу. Там я застал Сикору, гл. ^{Васермана и} чл. Управы Волошина. Речь шла об антисемитизме, который больше и больше распространяется среди петлировских войск. Об этом говорил Сикора и другие. В связи с начавшейся волной погромов на Украине, высказали опасение, как бы и в Проскурове этого не случилось. На меня весь этот разговор произвел удручающее впечатление. Так как по поручению Гор.Управы я состою заведующим продовольственным отделом, я просил освободить меня от этой обязанности, указывая, что заведывание продов. весьма трудное дело, способное вызвать нарекания; при этом подчеркнул, что всякие нарекания на одного еврея переносятся на всех евреев, что в теперешнее время особенно нежелательно. Меня поддержал Холоденко, тоже еврей /во время резни убитый/. В результате решено было освободить меня от заведывания продовольствием. В это время в упра

ву явился один казачий военный врач, молодой человек, с несколько хулиганским видом. Он пришел по делу о больнице, при этом стал ругать евреев, которые все, по его словам, настроены против петлюровцев. Он указал, что в Елисаветграде выступил противник, как он назвал, сионистский полк. Его речь произвела на меня особенно удручающее впечатление. Все эти разговоры и общее настроение ничего хорошего не предвещало, а на следующее утро начались известные уже вам события.

М. Пилат.

/Архив Октябрьской Революции, фонд № 1339, Всероссийского Центрального Еврейского Общественного Комитета по оказанию помощи пострадавшим от погромов и стихийных бедствий /Евобщестком/. Переписано по новой орфографии/.

Копия верна:

Сверляли сотрудники Централархива РСФСР:

М. Пилат
Каневская

ПРОСКУРОВСКИЙ

ПОГРОМ.

ПРОТОКОЛЫ.

Том II.

ПРОТОКОЛ № 1.

ДОМ БАЛАГУРА, кв. ЛЕЙДЕРМАНА.

Ранен. 7ч. Ранены: 1| Хайка Балагур, 17 лет, уч-ца 5 кл. гимн. Красавец, в руку, 2| Ада Балагур, 14 лет, 5 ран в голову, лицо и ноги, 3| Бобця Клейнерман в бок, 4| Сура-Рыва Клейнерман в ноги, 5| Соня Лейдерман, 5 лет в глаз, 6| Хава Лейдерман, 32 лет, в бок, 7| неизвестная из Фельштана. Все вышеозначенные лица ранены в погребе брошенной бомбой [ручной гранатой]. В доме забрано около 2000 рублей. Из раненых Л. Балагур выбежала из погреба. Два гайдамака настигли ее, пытались изнасиловать, рзорвали на ней одежду, но ей удалось вырваться и убежать.

Подпись И. Лейдермана.

ПРОТОКОЛ № 2.

КВАРТИРА БАЛАГУРА.

Ранен 1ч. Ранен Шмуль Балагур выстрелом из револьвера гайдамаком, который смеялся над его стонами. Он ранен в щеку. Опасность угрожала и жене Балагура, но она откупилась 400 рублями.

Подпись Шмуля Балагура.

ПРОТОКОЛ № 3.

ДОМ РАТНЕРА.

Исмертн. Берка Ратнер, 30 лет, был 16| II избит на улице, в результате чего оказался у него поврежденный мозг. Повреждение мозга повело Ратнера к сумашествию. 21| II Б. Ратнер скончался.

Подпись Р. Крук.

ПРОТОКОЛ № 4.

ДОМ ГЕРША КИТАЯ.

Ранен. 2. Ранены: 1| Шейндель Срулевна Китай в бок и руки, 2| Рухель-Дея Срулевна Гельман в бок и голову. Раны нанесены штыками.

Убито 8ч. Убиты: 1| Герш Китай, 2| Мендель Китай, 3| Мошко Китай, 4| Шойл Китай. Из них Мендель Китай был болен тифом и убит в постели. Кроме домашних убиты квартиранты и родственники: 1| Фри-ма Эльфанд, 2| Аврум Рейн, 3| Малка Минцберг, 4| Шифра Глаз-ман. Убийцами были казаки в количестве 8 человек. От денег они отказались. После забрано было 6000 руб. и почти все домашние вещи.

Подпись Мошки Гельмана.

Ранен. 2. Ранены: 1 | Перель Котляр холодным оружием, 2 | ее сын холо-
Убит. 3. ным и огнестрельным оружием.
Убиты 3 человека выстрелами. Участвовали один гайдамак и, по
показаниям Вольфа Бурмана, милиционеры. Забраны деньги.
Подпись М. Шварцберга.

ПРОТОКОЛ № 6.

ДОМ ЯНКЕЛЯ ВЕЙЦБЛИТА.

Ранен. 4. Ранены: 1 | Янкель Вейцблит, 2 | Нохемия Вейцблит, 3 | Иохевек
Вейцблит, 4 | Руэл Манделъ, жительница м. Белозерки, гимна-
зистка. Раны произведены штыками и саблями.
Убит. 3. Убиты: 1 | Бруха Вейцблит, 2 | Фрейла Вейцблит, 3 | Лейб Вейц-
блит. Убийства совершены 5 гайдамаками.
Подпись Н. Вейцблита.
ПРОТОКОЛ № 7.

ДОМ КУПЕРШЛЯКА, кв. БОРУХА БРЕСЛЕРА.

Ранен. 1. Ранены: 1 | Хайка Нахмановна Бреслер выстрелом из винтовки.
Убит. 1. Убит ее сын выстрелом из винтовки. Забраны табак и много
домашних вещей. Все это было совершенно гайдамаками. Младшая
дочь Бреслера утверждает, что среди гайдамаков были переодет-
ые милиционеры, которых она потом встречала на улице.
Подпись Б. Бреслера.

ПРОТОКОЛ № 8.

ДОМ ЯНКЕЛЯ БЛЕХМАНА.

Ранен. 1. Ранен Янкель Блехман в грудь штыком. Нанесены 2 раны.
Убит. 6. Убиты: 1 | жена его, Сося Блехман, дети: 2 | Ихиль, 3 | Изидель,
4 | Бася, 5 | Ривка и 6 | Мариа. Убийцами были гайдамаки в ко-
личестве 5-ти человек.
Подпись Янкеля Блехмана.

ПРОТОКОЛ № 9.

ДОМ ГЕНДЛЕРМАНА.

Ранен. 3. Ранены: 1 | Мойше Мордкович Гендлерман, 2 | Ривка Гендлерман,
3 | Хайка Гендлерман, Раны были нанесены холодным оружием 6-тью
казаками.
Убит. 1. Убита: сестра Мамця Гендлерман. 18 февраля все имущество
было разграблено.
Подпись Ривки Гендлерман.

ПРОТОКОЛ № 10.

Раненых 1. ДОМ ЯНКЕЛЯ БЛЕХМАНА, кв. М. КЕРДМАНА.

Ранена дочь, Ривка Кердман, малятка 3-х месяцев. Нанесены
ей 4 раны в живот штыком.
Убитых 6. Убиты: М. Кердман, его жена и трое детей, а также Абрам Ро-
зенбойм, который случайно там был. Все убиты холодным ору-
жием. Только Розенбойм, получив рану, бросился бежать, но
был настигнут у дома Штера и убит выстрелом из винтовки.
Убийц было 5 | казаков |.
Подпись А. Лившица.

ПРОТОКОЛ № 11.

ДОМ ГОФШТЕЙНА.

Раненых 1. Ранен Сруль Гофштейн в грудь, руки и лицо штыком, ран на-
несено ему было около 20-ти.
Убитых 4. Убиты жена С. Гофштейна, сын, дочь и отец. Убийцами было 5 ка-
заков. Забраны вещи и деньги.
Подпись С. Гофштейна.

ПРОТОКОЛ № 12.

ДОМ ГЕРШОНА РАЙЗМАНА.

Ранено 1. Ранен Лейзер Райзман, уч. 7-го кл. Нанесено ему 12 ран хо-
лодным оружием.
Убито 4. Убиты: Гершон Райзман, его сын 16 лет, отец его 73 лет и
мать 70 лет. В убийстве принимали участие около 10 гайдама-
ков и один милиционер.
Подпись М. Райзмана.

ПРОТОКОЛ № 13.

ДОМ Г. РАЙЗМАНА, кв. ШПАН.

Ранено 2. Ранены: Мариа Шпан, 2, Блюма Жиловецкая | хол. оруж. |
Убито 3. Убиты: Бейла Шпан и 2-ое детей ее.
Подпись М. Райзмана.
ПРОТОКОЛ № 13.

ДОМ БОБА САНДЛЕР, кв. КЛЕЙНБУРД.

Убито 1. В субботу 15 | П дочь Лия Клейнбурд 11 л. ушла из дому и
не возвратилась. Она была убита казаками на Набережной ули-
це.
Подпись Клейнбурд.

4.
ПРОТОКОЛ № 14.

ДОМ ГРОЙСМАНА.

Убито 5ч. Убита вся семья, остался один только мальчик. Убийства совершены казаками. Все имущество разграблено на сумму в 50000р. Разграбл. шени казаками. Все имущество разграблено на сумму в 50000р. на 50000р. вещей.

Подпись Б. Такир.

ПРОТОКОЛ № 15.

ДОМ ГРОЙСМАНА, кв. ЛЕЙБА БЕЛЬФЕРА.

Убитых 1. Лейб Бельфер ушел 15|П из дому, был убит на Набережной Забр. 12000 руб. налице гайдамаками. Дом ограблен. Забрано 12000руб. наличными руб. налиц. и тов. на 100000 руб. товаром и вещами. сто тысяч руб.

Подпись Рахиль Бельфер.

ПРОТОКОЛ № 16.

ДОМ ХАИМ-ИСОСЯ ЛЕЙЗЕРОВИЧА ГРАЦЕРШТЕЙНА.

Убитых 4. Убиты: 1| Хаим-Исосья Грацерштейн, 2| жена его Алта Рухля, 3|сын Аврам-Янкель, 4| дочь Песя. Убийцами были гайдамаки. Убиты все штыками наповал, кроме Аврам-Янкедя, который умер от ран. Последний передавал перед смертью, что сестра его предлагала гайдамакам деньги, но те отказались.

Подпись Морки Грацерштейна.

ПРОТОКОЛ № 17.

ДОМ ТЕМЫ ЗЛАТОПОЛЬСКОЙ, кв. ГЕЛЬМАН-КУЧЕРА.

Убитых 3. Убиты: Гельман-Кучер, его жена и дочь. Убийства совершены 8-ью гайдамаками холодным оружием. Часть домашнего имущества разграблена.

Подпись Фейги Гельман.

ПРОТОКОЛ № 18.

ДОМ ЛИТМАНА ШРАГИ, кв. ГИТЛИ ГЕЛЬФАНД.

Раненых 1. Ранена дочь Фейга 4 лет в грудь и спину штыком. Убитых 1. Убита мать холодным оружием. Участвовали один гайдамак и один милиционер, который и указал эту квартиру и тоже вошел вместе с гайдамаками. Забрано 1000 рублей наличными и многие товары.

Подпись Гитли Гельфанд.

ПРОТОКОЛ № 19.

ДОМ ЗУСЯ ФЛАКСМАНА.

Ранены: 1| Зусь Флаксмани, получивший несколько ран в области

Ранено 3. живота, 2|Т. Флаксмани, тоже в области живота, 3|Эля Флаксмани в грудь и живот. Все раны штыковые.

Убито 2. Убиты: 1| Янкель Флаксмани, 2| Рейзля Флаксмани, 3| Кацман квартирант. Участвовало 10-12 гайдамаков. Сначала прибыла одна часть их, взяла с 3. Флаксмани 3 тысячи рублей и собралась уже уходить, как пришло еще несколько гайдамаков, остановили первых возгласов: "вы бабы или казаки". Тогда они все вместе принялись за дело. Забрано все имущество.

Подпись И. Флаксмана.

ПРОТОКОЛ № 20.

ДОМ ЛИТМАНА ШРАГИ.

Убито 5. Убиты: Литман Шрага, жена и трое детей. Из них двое были больны тифом и убиты в постели. Убийства совершены тремя гайдамаками и 2 милиционерами холодным оружием, только Литман убит выстрелом из винтовки. Забрано около 1000 рублей и домашние вещи.

Подпись Пини Фенкеля.

ПРОТОКОЛ № 21.

КВАРТИРА ИЦКО ЛЕЙБОВИЧА ГЕЛЬМАНА.

Убит 1 чел. 19|П Ицко Лейбович Гельман отправился на евр. кладбище хоронить своего родственника. Было там еще несколько евреев. В 12 часов пополудни со стороны Фельштинской дороги под "ехало 3 казака и начали преследовать убежавших от них евреев. Ицка Гельман выстрелом из винтовки был убит.

ПРОТОКОЛ № 22.

СИНАГОГА ИМЕНИ "ФИШЕЛЯ", помещавшаяся в Камен. пер.

Ранено 3. Рассказывает Лейб Файер, очевидец резни, происходившей в помещении синагоги, где было ранено 5 человек, из коих двое скончались. Убиты 3. Файер забежал в синагогу, так как казаки всех встречных загоняли домой. Еще будучи на улице он встретил эшелон солдат с сестрами милосердия. Тут же 3 казаки схватили проходившего мимо еврея и отрубили ему голову. В синагоге Файер застал нескольких евреев за чтением "Мишнаис", он им рассказал о виденном, но те не поверили и продолжали чтение. Через некоторое время подбежал казак к окну и с восклицанием "тут 8" подозвал своих. На его зов сбегалось 8 солдат в простых солдатских шинелях и шап-

представителей политических парт. 5-6 чел. всего 32 чел. Образованному им Комитету Красный передал 2 миллиона марок /1 миллион марков./ Построенный на коалиционных началах Комитет выделил из себя на тех же основаниях президиум из 5 чел. и следующие Секции: 1/ Кредитная Секция, 2/ Кооперативная Секция для отпуски продуктов по себе стоимости, за 75%, 50% и бесплатно, 3/ приютская и хозяйственная Секция, 4/ Юридическая помощь и урегулирование вопросов опекунов над имуществами, оставленными после убийства, 5/ Комиссия по расследованию положения пострадавших. Организация, которой оперировал Комитет, кроме указанного миллиона составлялись из добровольных пожертвований и сумм, образовавшихся от ликвидации имуществ оставшихся без наследников и богатыми наследниками дальними родственниками, у которых Комитет брал часть такого наследства и т.д. 1 августа Комитет открыл 2-й Еврейский сиротский приют на 60 детей. С приходом в город ~~Вильна~~ на 3 приблизительно недели Советской власти работа Комитета почти не прерывалась. Одновременно с возникновением Комитета, позже на пару недель, по инициативе представителей Рос. Миссии Красного Креста г.г. Гуминера и Бройтмана и при содействии местных представителей Культур-Лиги был создан детский очаг на 50 детей, открывшийся 11 августа 1919 г. Последнему даны были средства на оборудование и на содержание на один месяц Рос. Крестом, а дальнейшее свое существование покоилось исключительно на средствах, собираемые Комиссией по управлению и содержанию очага из частных источников. Указанный очаг управлялся совершенно самостоятельно, и ничего общего с Комитетом помощи пострадавшим от погрома не имел и находился во влиянии исключительно членов Комиссии, принадлежавших к Культур-Лиге, которой при первом удобном моменте предполагалось очаг и передать.

Ведя работу по Секциям, первое время довольно, потом, однако, вследствие отсутствия достаточных средств, вследствие трений между Сионистами и социалистами, Комитет постепенно хирел и чтобы спасти его от естественной смерти Сионисты в отлившей Еврейской Общине начали вести кампа-

нию за передачу субсидируемых /больниц, богаделен/ и содержимых /приютов/ учреждений Еврейской Общине, а вместе с тем сионистами был поставлен вопрос о принятии всех учреждений от Еврейских частных благотворительных Обществ. Опираясь на цирк. Красного, который к тому времени вел политику сближения с еврейскими социалистами, приюты были переданы обществу созданному из представит. Общины и профсоюзов Попечительскому Совету. Так как правая и центр. демонстративно от участия в Попечительском Совете отказались, то приюты всецело перешли в руки социалистов и примыкающих к ним. Президиум Общины, весь из сионистов продолжали однако все время ставить в повестку дня пленума Общины вопрос о передаче приютов Общине. Не решаясь однако их принять, не имея на то денег. Хотя еврейск. министерством и были обещаны средства на содержание приютов, однако, Попечит. Совету пришлось их добывать всеми существующими способами в Проскурове и надо ему отдать справедливость, получив в наследие приюты с 120 детьми он ухитрился из местных средств добывать столько, чтобы не пришлось закрывать приюты. Конечно положение приютов в то время, без всякой помощи извне при саботаже части евр. населения, находящегося под влиянием сионистов было далеко не блестящее. Так продолжалось вплоть до середины февраля, пока в город не приехала первая Американская Миссия из Фишера, Пайна и Шайна и не был создан так называемый "Американский Комитет".

Получив в руки деньги сионисты поставили снова наконец вопрос о передаче Общине приютов и одержав победу получили их в свои руки. Социалистическое крыло Общины, из недр коей вышел Американский Комитет, не решалось входить в него, однако, не желая подорвать работу помощи, после некоторых переговоров, в Комитет вошли и последний был составлен следующим образом: от сионистов - четыре, социалистов - 3 и центра - 4. На первом же заседании Комитет раскололся на два лагеря. Сионисты утверждали, что Комитет только распределительный орган но не орган, который управляет учреждениями помощи, кои находятся в ведении Общины, а от Комитета получают только денежную помощь.

Социалисты же наоборот указывали, что хотя Американский

8.
ствах. Утром 16|П Гольденберг вышел на улицу подбирать
трупы. К нему подошел милиционер и предложил пойти с ним
вместе. Когда они дошли до конца Аптекарской улицы, мили-
ционер убил его выстрелом из огнестрельного оружия. Убитый
был ограблен; с него сняты сапоги и забраны бывшие при
нем 3000 руб. Найдены только документы.

Подпись Б. Гольденберга.

ПРОТОКОЛ № 27.

ДОМ СРУЛЯ ОКСМАНА.

Ран. 3. В субботу, 15|П в 5 час. дня ворвались в квартиру С.Оксмана
Убит 1. около 15 вооруженных солдат в серых шинелях. Только один из
них был в папачке с красным шлком. Потребовали они денег,
которые были им даны. Но они этим не удовлетворились и часть
солдат стала взламывать ящики. Всю же семью Оксмана собра-
ли в одной комнате, у каждой двери были поставлены вооружен-
ные. После этого казак в красной шапке дал команду: "хлопцы,
за работу". Винтовки были взяты на перевес и пущены в ход.
Все были ранены. Сруль Оксман получил штыковой удар в ви-
сок. Сын его Саул получил 6 ран: 4 на руке, 1 на груди, 1
на шее. Жена Ср.Оксмана, Мина Моисеевна - 1 рану в голову и
1 в спину. Проживавший в этом доме Семен Борисович Оксман
получил 1 рану в бок и 1 в руку. Саул Оксман, будучи ранен,
выскочил через окно в сад и перелез через забор в следующий
двор. Мина Моисеевна забилась под кровать, и ее сочли мерт-
вой. Семен же Оксман тоже притворился мертвым, но чтобы убе-
диться в этом, ему прокололи штыком руку. Затем вооружен-
ные солдаты тщательно обыскали квартиру, забрали много
белья, одежды, денег и золотых вещей. Между прочим, когда
Саул Оксман выскочил через окно, кто-то из солдат сказал:
"было 4 жиды, а теперь только 3". Казак их стал укорять за
недостаточно энергичную "работу".

16|П найден был во дворе Оксмана труп старика - еврея [неиз-
вестного].

Подпись С.Оксмана.

ПРОТОКОЛ № 28.

ДОМ Ф. БЕРЕНШТЕЙНА. л. Рожицкое.

Уб. 1. Во вторник, 18|П около 2-х часов дня в дверь постучались

9.
неизвестные лица в серых шинелях вооруженные с обнаженными
шашками. Сын мой, Сама, заметил их через дверную скважину и
зашел в комнату предупредить нас. Жена моя с детьми, а так-
же бабушка их, бывшая как раз у меня, выбежала черным ходом
и бросилась бежать полами по глубокому снегу по направлению в
город. Дома остались только я и сын Сама. Мы отирили дверь и
вооруженные солдаты вошли. Они требовали денег, обыскали нас,
взрвали все ящики и шкафы и забрав 800 рублей, белья и одежды,
удалились. После этого я пошел в поле отыскивать жену и детей.
Около 3-х часов показались верхом и на лошадях солдаты в количе-
стве 400 человек из Фельштина. Они стали стрелять и преследо-
вать всех встречных евреев. Двое из моих детей тоже попали под
обстрел, но успели скрыться и убежать на завод Гальперина.
Между тем моя жена дошла до переезда, вышла на Каменецкое шос-
се и увидела похвоту, направляющуюся в город. Она стала про-
сить, чтобы ее вместе с детьми взяли в город. Сидевший на пол-
воде вооруженный винтовкой солдат сказал: "Ах, тебе в город
нужно. Я тебе тут справлю город," и выстрелил в нее из ружья. Пу-
ля попала в правую ногу выше колена. После того как она проле-
жала в больнице 12 дней, ей ампутировали ногу. Через 2 неде-
ли она скончалась.

Подпись рассказч|Ф. Беренштейна|.

ПРОТОКОЛ № 29.

ДОМ ГОРЕНШТЕЙМА.

Ранен 1. Ранен мальчик 11 лет, Меер Шойхет. Убит старик Горенштейн, же-
Убито 4. на его, сын и дочь 10 лет. Удари нанесены пиками в живот.
Старик просил о пощаде, но он был убит. Убийцами были гайда-
маки. Раненый мальчик утверждает, что среди них был и один
милиционер. Все были с пиками, он - с ружьем. Дом ограблен.

Подпись Меера Шойхета.

ПРОТОКОЛ № 30.

ДОМ Е. ЗЕМЕЛЬМАНА, Соборная ул., 13.

Ранен. 2. Убито 21 человек и 2 ранены. Дом угловой. К дому подошли ка-
Убит. 21. заки с красными шлками стройными рядами с 2-мя пулеметами.
С ними были сестра милосердия и один с повязкой Красного Кре-
ста. Некоторые из них и вошли в дом Земельмана и произвели
расправу. Происшедший после грабеж был произведен местными гра-
бителями. Прежде чем убить, казаки требовали, чтобы евреи кре-

стались. В случае отказа или незнания, они убивали с вооружением: "Умри, жид или жидовка".

ПРОТОКОЛ № 31.

Рассказывает портной Л. БАМИНЕР со слов сотн. командира Запорожской Каз. Бригады.

Виноват в резне атаман Семесенко. Казаки стояли в вагонах на вокзале. Утром 15/II в 4 I/2 часа получилось туда известие, что все евреи г. Проскурова - их враги - узнали, что казаки заболели тифом, и желают воспользоваться этим, чтобы вырезать их. Казаки рассыпались по городу; вышеупомянутый казачий офицер был откомандирован на почту, где он застал 10 евреев и 12 неевр. большого сопротивления он не встречал: вся стрельба была случайная; стреляли команды украинских частей по незнанию. 8-ой полк заявил, что он не причастен к восстанию, но его обезоружили.

В I I/2 дня Семесенко устроил для всех солдат большой обед, угощал всех коньяком, водкой и другими напитками. Потом произнес речь, в которой указал, что на примере захвата почты всем должно быть ясно, что жиды хотели их вырезать, что теперь им надо отомстить. Все с ним согласилось, за исключением помощника сотника, который сказал, что лучше окружить город орудиями и потребовать 4-5 миллионов руб. контрибуции. Атаман пригрозил ему, и тот отшел в сторону. Сот. командир заявил, что он и его сотня не пойдут ни в коем случае резать мирных, беззащитных жителей. Его не пристрелили только потому, что его брат в министерстве путей сообщения занимает видное положение. Эту сотню послали за город. Всех оставшихся казаков привели к знамени и заставили присягнуть, что они будут убивать от старого до млада, но не грабить. Когда сот. командир въехал в город, он увидел Семесенко распевавшим "яблоко" и суетящимся. В 5 I/2 час. казаки потребовали прекращения резни. Семесенко продолжил ее до 6 час. Тогда раздался свисток-сигнал, что казаки свободны.

ПРОТОКОЛ № 32.

ДОМ ХАСКЕЛЯ БЛЕХМАНА.

Убито 6. Убито 6 человек. Убийства совершены гайдамаками, в 4 часа дня 15/II холодным оружием. Один убит ударом по голове, от чего череп раскололся пополам. Девушка была ранена в заднюю часть

теда, для чего было приподнято платье. Всех убили на улице, ранее их выгнав из дому. Во время убийства исчезло 90000р. наличными. Через несколько часов, ночью и на следующий день было разграблено табуки и ценных домашних вещей на 150000руб. Как предполагают, грабеж совершили некоторые жители с. Заречья, которые под"ехали к дому с полводами.

Подписи Арона Гальперина, Менделя Гальперина.

ПРОТОКОЛ № 33.

ДОМ М. ВОЛЬФЦУНА. Набережн. ул.

Ранен. I. Вся семья вырезана, осталась в живых только одна девушка, получившая 28 ран по всему телу. Убийство совершили гайдамаки. Незадолго до этого казаки выстроились возле дома Вольфцуна с пулеметами, с сестрой мил. По команде "стой" часть выстроилась цепью, часть из них стала тут же точить оружие и обходить его. Сначала бывшие на улице евреи предполагали, что это просто военный отряд, но когда они услышали команду: "За дело взяться, ребята", они поняли в чем дело, и началась паника. Тут же казаки рассыпались по домам, зашли также в дом Вольфцуна. Они требовали оружия, которого в доме не было. Затем они потребовали денег и получили 5000 руб., а потом лишь стали убивать. Вся одежда, белье и многие ценные вещи на 30000-40000 руб. забрали ночью местные грабители, которые уносили по направлению в старую базару.

Подпись А. Трейтеля.

ПРОТОКОЛ № 34.

ДОМ ЗАЗУЛИ, Набережн. ул.

Ран. I. Убита дочь Бейла Зазуля, ее долго мучили. Получил несколько ран ее мальчик, после чего он притворился мертвым. Мать предлагала убийцам деньги, но они ответили: "мы только за душой пришли".

ПРОТОКОЛ № 35.

Рассказывает ДАВИД ГЛУЗМАН.

Ранен. 8. В субботу 15-го февраля 1919г. около 11 час. утра я узнал, что Убито 8. произошло восстание большевиков, но проходя главные улицы, я, однако, ничего не заметил. На углу Соборной и Купич. улицы стояла группа милиционеров, которые, увидя издали 2-х конных казаков, подозревали их и стали с ними о чем-то разговаривать, после чего казаки уехали. В это время мне с товарищем моим пришлось пройти мимо этих милиционеров, они нам велели уйти

домой. Я хотел затем с Аптекарской пойти на Александровскую, но вся улица была запружена казаками, которые тоже мне везели вернуться. Я почувствовал опасность и пошел домой. На квартире моей было человек 16 соседей, которые жили в том же дворе. Настроение у всех было очень подавленное. Вдруг мы из окна заметили отряд казаков с красными шляпами, проходящих в полном порядке. Они были вооружены с ног до головы, с ними были пулеметы, затем доктор, сестра милосердия и повозка с красным крестом. Женщины и дети, бывшие в моем доме, начали плакать. Я стал уговаривать жену и детей, чтобы они спрятались. Они без меня не соглашались спрятаться. Я не хотел, думая, что будут только грабить, бить, за женщин же я боялся, чтоб их не изнасиловали. Рассказывая по дому, я вдруг увидел возле себя казака, который сказал: "выйдите из дому". Я взял на руки моего 4-х летнего ребенка и, перейдя в следующую комнату, увидел еще одного гайдамака. Другие видели гораздо больше. Мы вышли на двор. Домохозяин мой Ф. Розенфельд еще в комнате стал умолять их о пощаде, предлагал деньги. Один из гайдамаков спросил его, русский ли он. Он сквозь зубы ответил, да, и показав удостоверение в том, что он подрядчик для доставки мяса войску. Но гайдамак, прочтя его еврейское имя, удостоверение разорвал, ударил его в лицо и велел выйти на улицу. Когда мы все уже очутились на улице, один из гайдамаков крикнул: "Товарищи, идите сюда, тут их много", и сейчас мы были окружены со всех сторон. Я почувствовал, что смерть близка. Мне пришлось стоять возле двери, ведущей в погреб, жена и дети мои стояли возле меня. Я получил удар штыком, крикнул и решил упасть в погреб, но тут получил второй удар и молча уже упал в погреб. Моя жена, получив первую рану, хотела сделать то же, но она не упала, а осталась лежать на первой ступеньке, и я видел, как ее еще 3 раза прокололи. Что делали с стоявшими наверху, я не мог видеть, но тетка моя раненая рассказывала, что один молодой человек просил гайдамаков, чтоб они его убили. Один из них 2 раза выстрелил, тогда другой ему сказал: "Что ты делаешь, ты разве не знаешь, что Семесенко велел только колоть, но не стрелять. Тот ответил: "Когда этот просит, черт с ним".

В доме нашем в тому времени были 3 русские прислуги. Когда гайдамаки узнали, что они русские, они их успокоили, ввели им выйти на улицу. Те вышли и все время стояли и наблюдали, как резали евреев.

Подпись Д. Глузмана.

ДОМ ШМУЛЕВИЧА /дядя из Везели/.
 убито 3. Убиты трое. Сам Шмулевич и его две внучки, ранены Мария Шмулевич 48 лет, и ее дочь Рейза Тверская. Из них первая умерла. Ранены нанесены штыками, саблями в голову, грудь. Убитые получили удары также штыками. Сам старик Шмулевич получил несколько ударов и упал. Потом его рубили саблями и страшно надругались над ним. Дом ограбили в субботу вечером и в воскресенье. Убивали гайдамаки и казаки.

Подпись свид. М. Брандмане.

ДОМ РОЗЕНБЕРГА.
 Ранен 5. 5 человек раненых: Зиса Розенберг 29 л., жена его Лиза 24 л. и двое их мальчиков и мать Зиси, Фрейда, 30 л. Ранены нанесены были штыками и саблями. В одну раненую выстрелили, но пуля пролетела мимо. Во время убийства забрано 1000 руб. Ранены наносились гайдамаками с красными шляпами.

ДОМ ФАЕРТА.
 уб. I I убитый и I раненая. Ранены нанесены штыками в грудь, руки и Ран. I. голову.

Подпись Биня Фаерт.

ДОМ ЛЕХТА, квартира Ф. МЕДОВОГО, Набережн. ул.
 уб. 3. Убита жена Медового удель и 2 девочки его. Днем в субботу проезжал по Набережн. ул. гайдамак на коне. Медовой стал возле дома и смотрел. Тогда гайдамак ему сказал: "Смотри, вот скоро вам будет". Через некоторое время явилось несколько гайдамаков. Они разбили окна и ворвались в дом. Медовой вместе с семьей убежали на черный ход. Но там их встретила другая партия. Медовому удалось бежать, а жена и дети были обратно загнаны в кухню и там убиты. Они имели штыковые раны в голову, грудь. Только у матери был выколот глаз и язык высунулся. Среди убитых был и милиционер. В субботу вечером ограблен был дом до чиста, где, кроме мебели, ничего не осталось.

Подпись Ф. Медового.

ДОМ ЛЕХТА, кварт. Толмач.

уб.3.

Убиты мать, дочь и сын штыками и саблями /в голову и шею/. Сын убит был на улице. Очевидица, Сура Толмач, уверяет, что среди убийц был и милиционер. Он стоял у двери и держал ее, чтоб никто не мог убежать. Он именно указал на дом. Когда дочь, бывшая в сарае, спросила его, что там происходит, он сказал: войдите тоже в дом, если хотите. Передают, что и брат был на улице убит милиционером.

Подпись Суры Толмач.

ПРОТОКОЛ № 39.

ДОМ АНБИНДЕРА.

уб.4.

Раны нанесены были саблями по голове. Мозги у всех были обнажены. Черепа были вскрыты и изрублены саблями. Ухо у одного отрублено. Убийцами были гайдамаки. Они вырубали окна вместе со ставнями. Тогда им открыли двери. Они всех выгнали на улицу. Убито 4 человека, остальные соседи скрылись в погреб, куда гайдамаки бросили снаряд. Предполагают, что среди убийц был и милиционер. Дом был ограблен в субботу и воскресенье. Брат убитого Ш. Анбиндер передает, что он видел на Аптек. ул. в 3 часа дня отряд с пулеметами. Среди них было много штетских с винтовками. Со слов ловца собак передает Ш. Анбиндер, что тот видел, как казаки убили ездивших в Ярмолинцы евреев. Убитых было 7 человек, среди них одна женщина, переодетая мужчиной. Когда она была уже при последнем издыхании, ее изнасиловали. Ловец собак говорит, что все это произвело на него страшное впечатление, он никогда так за собаками не гнался и не мучил, как казаки людей.

Подпись Ш. Анбиндера.

ПРОТОКОЛ № 40.

ДОМ И. ГОЙХМАНА, кварт. Геллера.

уб.8.

Ранены 3: Геллер, девушка его и мальчик 6-ти недель. Ран.3. 8, из которых 2 иногородние девушки. Их все и там лишь стали убивать. Раны наносились у девушек лица были изрублены. Когда один

го из гайдамаков: "что хочешь, товарищ?" тот крикнул: "какой я тебе товарищ", и ударил его саблей по голове. Когда гайдамаки со всеми справились, один из них рекомендовал, чтобы они выстрелили. Раздалось три выстрела и они ушли. Лица всех убитых гримасили свиньи и собаки всю ночь. Еще до прихода гайдамаков появились возле дома Гойхмана мужчины в украинской поддевке и штетской фуражке и женщина в шляпе и черном пальто. Они подошли к сивагоге, стали рвать двери, но те были заперты. Они стали ходить по переулкам и рассматривали их.

Подпись Х. Гойхмана и Руди Кофмана.

ПРОТОКОЛ № 41.

ДОМ Х. МАРАНЦА.

уб.3.

Убито трое человек: 2-ое штыковыми ударами, и один выстрелом из револьвера. Убили гайдамаки. Дом ограблен в субботу вечером на сумму в 8.000 руб.

Подпись Суры Маранц.

ПРОТОКОЛ № 42.

ДОМ ГИТЕЛЬМАНА.

уб.1

Жена Гительмана Рухля и дочь Хана-Бейла 21 г. и Гитля 10 лет Ран.3. спрятались на 2-м этаже у Г. Маранца. Туда пришли гайдамаки и стали стучать в дверь. Им открыли. Они убили первого, открывшего им дверь, а всем остальным велели сойти вниз, закрыли наружные двери и стали избивать всех. Матери дали прикладом по голове, она вырвалась и убежала на Зеречье. Там она стучалась к знакомым мужикам, но ее никто не хотел впустить. Ее пустил к себе еврей, живший там, П. Розенфельд. Дочь мая, Хана-Бейла убежала, но ее настигли и штыком ударили под сердце. Она поднялась, за ней погнались, но ей удалось спрятаться у Шапир среди мертвецов. Младшую дочку ударили штыком 3 раза по голове. Сын убежал на улицу, его схватили, он начал просить о пощаде, как солдат, прошедший два года на позициях, но ему рассекли голову. Он поднялся все-таки, к нему еще подошли и убили. Дом был ограблен в воскресенье крестьянами окрестных сел /предполагают из Гречая/.

Подпись Рухли Гительман.

ДОМ ГЕРМА МАРАНЦА.

уб. 8. убиты сын и дочка Г. Маранца, а жена, у которой была отрублена рука умерла в Земской больнице. убиты и мать последней, отруба и сестра ее Линецкая с мужем. Кроме того, две сестры Розенблюм, соседки, спрятавшиеся в доме Маранца, тоже убиты.

Подпись Р. Гиттельман.

ПРОТОКОЛ № 44.

ДОМ КИЦИСА, Купеч. уг. Коммерч.

уб. 10. убито 10 человек: отец семейства Кицис, жена его и трое детей, а также 5 родственников. Среди убитых было 5 девушек. Убийцами были гайдемаки с красными шляками и киваки. Они пробыли в этом доме 3/4 часа. Изнасилованы были 3 девушки: Мамця Кицис, Хана Кицис, 14 лет и Шлима Розенберг. Очевидцы, пришедшие потом в этот дом для оказания им помощи, видели их и констатировали факт насилия. Хана Кицис жила еще до поведельника и подтвердила. Ее потом еще ранили в бок. Остальные девушки, не дававшие себя изнасиловать, были отрезаны изуродованы. у одной из них, девушки лет 17, была отрезана одна из грудей. Вторая была задушена. Мать сошла с ума и бросилась на убитого мужа. Тогда положила другая партия убийц и прикончила ее.

За неграмотного Л. Лабы подписался Тененбойм.

ПРОТОКОЛ № 45.

ДОМ ЗЕЛЬМАНОВИЧА.

уб. 1. Один убит, а Мотя-Бер Зельманович ранен.

Р. 1.

ПРОТОКОЛ № 46.

ДОМ М. ШКАФА.

уб. 2. Один, Шиня Шкаф, убит на месте, он получил 17 ран штыками, а второй умер от ран. Рана была нанесена в бок, его отвезли в больницу, где он 21-го марта скончался. убийцами были гайдемаки с красными и другими шляками. Среди них была какая-то женщина /невозможно установить, кто она/.

Подпись Рухли Шкаф.

ПРОТОКОЛ № 47.

ДОМ ТЕПМАНА.

уб. 1. Т. Тепман убит в Бет-Гамедраше. Туда положило несколько гайдемаков. Двое стали у дверей и не выпускали, а остальные двое или

трое вошли и перебили всех бывших около 26-ти человек. Огребали Тепмана в субботу вечером на сумму около 40.000 руб. В воскресенье повторился грабеж.

ПРОТОКОЛ № 48.

ДОМ ТЕПМАНА, кв. ГОРИНА.

уб. 5. Убиты отец, мать, бабушка и двое дочерей. Раны нанесены саблями в грудь, голову и другие места. Вошли гайдемаки через окна, так как двери были заперты и выгнали их на улицу, только отец и сын остались, но всажал один гайдемак и саблями выгнал их. До этих гайдемаков подошла к окну партия гайдемаков. Гориня заявляла, что они русские. Потребовали паспорта. Стали их умолять о пощаде, тогда, очевидно, старший сказал: "Ну, оставим их и пойдем". Но пришли другие и убили.

ПРОТОКОЛ № 49.

ДОМ ТОПМАНА, кв. Д. МАЛАШОВИЦЕРА.

уб. 3 убит Д. Малашовицер /живот, грудь, голова/, его жена Суре и мальчик Мендель. Другие два мальчика были ранены штыками в голову. I ум. Из них один умер 23-го мая.

Под 47, 48 и 49 показаниями подписаны П. Горин, Ш. Горенштейн.

ПРОТОКОЛ № 50.

ДОМ АЛТЕРА РАБИНА.

убит I. убит Алтер Рабин 65 лет в Бет-Гамедраше. на следующий день его нашли сидящим мертвым между скамьями сложе руки с штыковой раной на голове.

Подписал X. Рабин.

ПРОТОКОЛ № 51.

ДОМ М. ШЕЙНКМАНА.

уб. 4. Убит Мойше Шейнкман, жена его Фрейда-Ривля, Этя Шухгалтер и удя Геллер. Первый получил две огнестрельные раны в грудь, а затем уколол штыками, жена его удари кинжалами и штыком по голове. Этя Шухгалтер была ранена в сердце, но она зывала о помощи, тогда пришли убийцы еще раз и саблей рассекли ей руку пополам продольно. убивали гайдемаки с красными шляками и один солдат. Ранены дети Шейнкмана: сын 16 лет получил 14 штыковых ран, другой 12 лет - 6 штыковых ран, а дочь Маня 19 лет 2 огнестрельные и 1 штыковую рану. Кроме того здесь ранены были Фейга Геллер

18.
и Мойше Нейтер 9 лет. Дочь Маня удостоверяет, что в 6 часов вечера она слышала команду: 3-ья сотня, 8-ая и 5-ая сотня, сюда.

Подпись М.Шейнкман и Л.Шейнкман.

ПРОТОКОЛ № 52.

ДОМ ШЕЙНКМАНА, кв. НЕЙТЕР.

Убит 1. Гитля Нейтер со своими детьми спряталась под кроватью. Пришла одна партия гайдамаков, не заметила их и ушла. Но пришла вторая партия, поломала кровать и саблей убили Гитлю Нейтер, а детям удалось за ней спрятаться.

Подпись Нейтер.

ПРОТОКОЛ № 53.

ДОМ СТАМБУЛЬЧИКА, Аптек. ул.

Убито 7. Убито семь человек: трое мужчин и четыре женщины: муж, жена, 4 детей и невестка. Раньше был убит кован, а семейство убежало и спряталось. Когда дети потом вернулись и увидели убитого отца, они подняли крик. Убийцы вернулись и убили все семейство. Убитые были изрублены на куски. Пальцы их были найдены на следующем дворе. Головы были отрублены от туловища. У сына Элима-леха 18 л. были отрублены кисти рук. у жены голова была разрублена на 2 части. Дом был разграблен. Там была масса вещей, мануфактурных товаров, галон. Все разграблено и уничтожено. В грабеже принимали главное участие солдаты, занявшие квартиру.

Подпись свидет. Ретнера.

ПРОТОКОЛ № 54.

ДОМ АВР. МАЛЕВАННОГО, Купеч. ул.

Убит 4. Убит Малеванный и 3 детей его. Отец был убит дома, а дети убежали. За ними погнались. Один из них спрятался у русского соседа. Его вытащили из под кровати и убили. Удари нанесены колотым оружием. Дом был разграблен в субботу вечером.

ПРОТОКОЛ № 55.

ДОМ С. ШЕЙНБЕРГ.

Убит 1. Убит Шейнберг из винтовки разрывными пулями. С. Шейнберг 41 год.
Ран. 2 да ранена осколками разрывной пули, а также мальчик 3-х лет. Стреляли солдаты и гайдамаки.

Подпись Мойше Шейнберга.

ПРОТОКОЛ № 56.

ДОМ ГОРВИШТЕЙНА.

Убит 4. 4 убитых и 1 раненый. Удари нанесены штыками.
Ран. 1.

ПРОТОКОЛ № 57.

ДОМ ШЛЕЙФЕРА.

Убит 5 Убит Шлейфер, жена его и 3 детей. Ранена дочь Зина Шлейфер и
Ран. 2. Клера Шлифштейн 19 лет, которой нанесли рану штыком в глаз.

Дом и магазин часовой были ограблены на сумму в 100.000 руб.

ПРОТОКОЛ № 58.

ДОМ НАБИРЧУКА, квартира Пинхос-Янкеля ШЕРА.

Убито 2. Убит Шер и жена его саблями. Стены и потолок обрызганы кровью. Шер просил, чтобы их не убивали, обещали деньги, но убийцы ответили: "мы пришли не за деньгами, а за вашими душами."

Подпись С. Натанзон.

ПРОТОКОЛ № 59.

ДОМ НАТАНЗОНА.

Убито 8. Убито 8 человек, ранена Лиза Натанзон. Раны наносились саблями и

Ран. 1. штыками в голову и живот. Большинство умерло не на месте, а лишь спустя некоторое время. Один мальчик, у которого разбили мозг, умер в больнице лишь спустя 2 месяца. у старшей дочери Хаи живот был расколот и внутренности вылезли наружу. Убийца было человек 5-6. Они вошли и сказали, что ищут оружия. Они перернули шкафы, ничего не нашли, после этого стали убивать. Убивал только один без красного пинка. Когда раненая девочка открыла глаз, другой хладноравно заметил: "Когда еще, она еще живёт".

Подписал С. Натанзон.

ПРОТОКОЛ № 60.

ДОМ МУДРИКА И ГРИНШТЕЙНА, Купеч. ул.

Убито 5. Убито семейство Мудрика: он, жена и мальчик 6-ти лет, а у Гринштейна убиты сын и дочь. Ранены были Гринштейн, жена и рабочий Мудрика, Миша Райхвергер. Раны наносились пиками и саблями в голову. У мальчика был снят череп. Дочь Гринштейна, как видно, сопротивлялась. У нее была отрезана кисть руки, рассечена и вырезана часть щеки. Пиками они прокалывали людей насквозь. Мудрик предлагал убийцам около 400000 руб., но те не хотели.

20.
утверждают, что мальчика убили милиционер. Дом Мудрика ограблен до тла. Грабёж происходил при непосредственном участии служенки и милиционера.

Подпись свидет. Дик и Рахиль Мудрик.

ПРОТОКОЛ № 61.

ДОМ Ш. КЛЕЙМАНА, Купеч. ул.

Убито 4. Убит Ш. Клейман, его жена и двое детей. Ранены дочь, Лия, 23 лет, Ран. 3 Яков 14 лет и Иосиф 12 лет. удары нанесены саблями и штыками. Убитой Рахле Клейман вставили копьё в рот и, таким образом, убили. Раненому Якову раздробили мозг и он парализован. Иосифу нанесены 12 ран, а сестре отрезали ступню ноги, убийцы на Купеч. улицу пришли с Аптекарской улицы в количестве 80 человек с красными шляками, с ними было 3 сестры милосердия, они тащили за собой 3 ручных пулемета. Грабили дом Клеймана несколько раз в субботу и воскресенье гайдамаки и штатские. Их приводила служанка. Ограбили товара и вещей на 150000 рублей.

Подпись М. Клеймана.

ПРОТОКОЛ № 62.

ДОМ ОКСМАНА, квартира КРУПНИКА.

Убит 1. Убит Перец Крупник, 28 лет, прикладом по голове. Ранены жена его Ран. 4 Фейга и знакомая их Сура Коен, 20 лет, в плечо и грудь. Двое детей Крупника 6-ти месяцев и 4-х лет ранены в голову и ноги.

Подпись Р. Скородок.

ПРОТОКОЛ № 63.

ДОМ ГРИНЦВАЙГА.

Убито 2. Ранены отец Гринцвайг и 4 детей его: Гедалья 18 лет, Кива 9 лет, Аншель 12 лет и Мниха 14. Затем ранено 3 его родственников. Убита жена Гринцвайга и старуха мать. Убийцы пришли и стали стучать в окна. В комнате было 13 человек. Трое из них спрятались под кроватями, остальные сидели. Комната очень маленькая. Тогда жена открыла им дверь и начала их просить о пощаде, ее сейчас убили из винтовки, других ранили штыками и ушли. Один из раненых начал сильно кричать, тогда пришли во второй раз убили старуху, а остальных тяжело ранили штыками в руку, живот, ноги и т. д. Во время убийства забрали только инструменты сына парикмахера. На следующий день забрали все, даже подушки.

Подпись Мниха Гринцвайг.

32. 36
ПРОТОКОЛ № 64.

ДОМ ХУДЫШ, кв. ДЕРМАНСКОГО.

Убитых 6. Убиты муж, жена и мальчик на месте, а девочка умерла впоследствии от ран. Раны нанесены штыками. Убиты также сестра м-ме. Дерманской с дочерью, которая случайно тут была.

ПРОТОКОЛ № 65.

ДОМ ХУДЫШ, кв. ГУБЕРМАНА.

Убито 2. Убит Губерман и дочь его Песя. Она была исколотая во многих местах. Еще в 5 часов вечера она просила пришедшую прислугу о помощи. Предполагается насилье. Мальчик 12 лет Губерман, спрятавшийся под кроватью, рассказывает также, что отец предлагал деньги, но гайдамаки отказались. Убийцы были с красными и другими шляками. Грабили в субботу вечером и воскресенье.

64, 65 подписаны Л. З. Губерман.

ПРОТОКОЛ № 66.

ДОМ ХУДЫШ, кв. ХУДЫШ.

Убит. 1 Мать семейства убита прикладом по голове, умерла лишь ночью. Ран. 3. Ранены дети ее: двое легко, а девушка 14 лет тяжело ранена в голову, грудь и лицо /10 ран/. Ночью была ограблена квартира на сумму превышающую 20.000 руб. Среди убийц были и штатские. В 5-6 часов старший отдал приказ прекратить резню.

ПРОТОКОЛ № 67.

ДОМ КЕЙСЕРА, кв. ШВАЙГА.

Убито 4. Убиты Швайг, жена его и 2 дочери, а третья дочь Рейзя получила Ран. 1. 10-15 ран в голову, грудь и руку. Швайгов видели в воскресенье с отрубленными ушами, носами, одна девушка лежала с расколотой надвое щекой, как от удара сабли, а другая в красивой позе с распущенными длинными волосами лежала, как спящая. Предполагается насилье. Убивали гайдамаки с красными и другими цветными шляками. Среди них были также солдаты с высокими шапками без шляков. Очевидцы утверждают, что они слышали команду: 5-ая сотня и другие. Потом все стало тихо. Только крики девушек были слышны.

Подпись Х. Кейсера и Ф. Кейсер.

ПРОТОКОЛ № 68.

ДОМ КОПНТА, кв. КЛИГЕРМАНА.

Убит. 6. Семейство Клигермана убито в количестве 6 человек, а один сын
 Ран. 2. Ария тяжело ранен. Убиты были все, кроме мальчика 12 лет. Убитого
 на улице. Его раньше одни гайдамаки ранили, и он скорчившись ле-
 жал на улице. Подошло к нему еще несколько убийц, и, крадучись,
 как кошка вокруг мыши, подошли, подняли его на копьё и повернув
 в воздухе бросили его о землю. у отца Клигермана были порублены
 виски и выколот глаз, у жены отрублен нос и все лицо побито, у
 сына отрублены пальцы. у невестки все тело изрублено на куски.
 Там же в гостях была одна девушка Социн. Когда начались убий-
 стве, она выбежала на улицу, но ее ранили штыком в грудь. Тогда
 прибежал другой гайдамак и крикнул: "ты чего колешь? Это ведь
 полька." /Она похожа на польку/ отвези ее в больницу. Сейчас
 же сняли пулемет с саней, положили ее на сани и отвезли в ев-
 рейскую больницу. Дом Клигермана в субботу и воскресенье от-
 рабили до чиста, товару тоже забрали на 20.000 руб.

Подпись Ф. Кейсер и Л. Копнт.

ПРОТОКОЛ № 69.

ДОМ Г У З А. В.

Убито 2. Убит сын Гуза 16 февраля. Он пошел за ранеными, в него встре-
 лили, и он на месте умер. То были не гайдамаки, а в солдатской
 форме. Предполагают, что это были милиционеры. Затем на вокзале
 убит жених дочери Гуза Элки, Мойше Сойфер. Он ехал в Деражно.
 Говорят, что он лежал около 3-х недель в кирпичном заводе в Д.
 Ракове, пока его похоронили.

Подпись Элки Гуз.

ПРОТОКОЛ № 70.

Уб. 16
 Ран. 5 В ВЕТ-ГАМЕДРАШЕ было около 30-ти человек. К ним прибежал маль-
 чик и сказал, что грабят. Через несколько минут прибежала ранен
 ная Клигерман и сказала, что грабят. Они заперли двери. Через
 окно они увидели гайдамаков с красными шляпами, походивших к
 некоторым домам, и вскоре подошли к Вет-Гамедрашу, штыками взло-
 мали дверь и вошли. Вошло всего 3 или 4 гайдамака, 2 остались
 у дверей, чтобы никого не впускать, а 2 или 3 остались на дворе.

Один из вошедших стал у стола и начал издавать какие-то нечеловече-
 ские крики. Это было, как видно, поощрение товарищам. Один вынул
 саблю, другой штыком согнал всех в один угол, и тогда началось.
 Саблями и штыками они начали рубить во все стороны. Только некото-
 рые спаслись раненые, а один спасся, залезши под скамью. На следую-
 щий день убитые были изрублены все в куски. Кто выбегал из Вет-Га-
 медража, того приканчивали на улице. Очевидец Ойхман рассказывает,
 что один шайдамак колот еврея невероятно, когда другой велел ему
 уйти, он ответил: "да ведь он еще живет". Только один из евреев,
 бывших в Вет-Гамедраше пытался оказать сопротивление - это старик
 Шлойма Розенфельд, но все-таки был убит.

/Архив Октябрьской Революции. Фонд № 1329, Всероссийского Централь-
 ного Еврейского Общественного Комитета по оказанию помощи постра-
 давшим от погромов и стихийных бедствий /Евобщестком//. Переписано
 по новой орфографии.

Копия верна:

Свертали сотрудник Центрархива Р.С.А.С.Р.

И. Радичин
М. Гуров

Д О К Л А Д /из Проскурова/.

После погрома 15-18 февраля 1919 года в городе образовался обывательский Комитет помощи без участия социалистов, вынужденных уйти в подполье. Комитет состоял из лиц случайных. Его представителем был Украинец-галичанин Мудрый и ныне председатель Совнархоза Тузлуков; в состав его вошло несколько евреев гласных из буржуазных списков.

Насколько Комитет этот первые дни после избрания был "энциклопедией" видно из того, что он под видом помощи гайдамакам, устроившим в городе резню дал командиру их атаману Смысенко взятку в 300.000 руб. за то, что только в том случае он может гарантировать, что дальнейшей резни не будет. Совершенно отрезанный от внешнего мира и даже ближайших соседних городов, указанный Комитет свои средства черпал исключительно из добровольных пожертвований местных евреев и за свою пятимесячную с перерывом в 6 недель деятельность он собрал около одного миллиона рублей, которые были израсходованы на содержание одного, ныне первого еврейского приюта, открывшегося сейчас после погрома и на оказание медицинской и питательной помощи раненым и некоторым пострадавшим. Никаких учреждений, непосредственно находившихся в ведении Комитета, за исключением указанного приюта у Комитета не было.

Еврейская Община за все указанное время по политическим соображениям не функционировала и как таковая в работе помощи пострадавшим в первом Комитете участия не принимала. С приходом на 6 недель в город Советской власти /приблизительно с 15 апреля до начала июня/ содержавшийся Комитетом приют и управлявшийся кружком дам-патронесс перешел в ведение Собеса. После ухода из города в начале июня Советской власти и с приходом снова Петлюровских войск в город приехал еврейский министр кабинета Мартоса - Красный, созвал Еврейскую Общину представителей Профсоюзов и представителей всех Еврейских социалистических и буржуазных партий и создал местный Комитет помощи пострадавшим от погрома 15-18 февраля 1919 г. на коалиционных началах приблизительно следующего состава: 1/ от общины 16-17 чел., от Профсоюзов и ремесленников 10 чел. и

6.
ках | в стали тут же колоть евреев. Файер спрятался за ам-
вон. Солдаты собирались стрелять в амвон, тогда он вышел и
стал молить о пощаде, говоря, что у него ни отца, ни матери.
Его спросили, русский ли он или жид, от ответил русский. Но
один солдат крикнул: "жид, коли", и ударил его пикой в
плечо. Он застонал, тогда они ему нанесли еще 5 ран и он за-
молчал, и когда солдаты ушли, он убежал домой.

Подпись Лейба Файера и Бенъмена Криштула.

ПРОТОКОЛ № 23.

Раненый I. Рассказывает переписчик Тори | сойфер | Аврум Шварцман. В суб-
боту днем он лег в кровать спать. Вдруг казак в серой шапке
вошел. На стене висели карманные часы, он их забрал и
сейчас же направился к старику. Тот стал молить о пощаде, но
казак прикладом начал его бить по голове, а затем стал ко-
лоть его через перину, которой он укрывался. Лишь, когда жер-
ва перестала кричать, казак ушел. Соседи потом рассказывали,
что у дверей стоял милиционер, который отозвал казака.

Подпись Аврама Шварцмана.

ПРОТОКОЛ № 24.

Убито 6 чел. СЕМЬЯ ПЕЙСАХА КУШНИРА. Убиты 5 человек детей и мать 45 лет.
Убийцами были казаки с красными шляпками, только один из них
был в обыкновенной солдатской форме, который больше всех не-
истовствовал. Жертвы стали целовать их руки, просить, чтобы их
оставили в живых, но в ответ на это казаки им наносили уда-
ры прямо в рот. Старшая дочь Кушника убежала, но так как все
двери, к которым она подбегала, были закрыты, то она была сх-
вачена казаками, которые с криком "попалась", убили ее.
Пейсах Кушник утверждает, что он слышал, как один из этих
казаков, прежде чем войти, сказал: "хлопцы сюда, тут целая я
куча их есть". При чем Кушник, как и мальчик Келехмана гово-
рят, что эта квартира, а также не которые другие еврейские
квартиры были указаны казакам местной жительницей Левиной.
За неграмотность Пейсаха Кушника подписалась Кушник Песя
и Дайтер, Чарна.

ПРОТОКОЛ № 25.

Ранено 2. Дом КРОЧАКА.

29
7.
Это было в субботу днем, ровно в 3 часа. Все наше семейство
Убитых 5. в составе 6 душ было дома, а также еще один барышня-мастери-
ца, работавшая у моей сестры. Мы знали, что в городе тревож-
но, но о резне даже не думали. Вдруг банда в числе 8-ми чело-
век напала на наш дом, сразу разбила все стекла, как
наружные, так и внутренние | 6 окон |, 5 из этой банды вошли в
дом, а трое остались на улице. Вошедшие сперва схватили
отца моего 57 лет за бороду, потащили его до кухонного окна,
через него выбросили его на улицу, а стоявшие на улице убили
его. В это же время двое других убили мою мать, 2-х сестер
и барышню, бывшую у нас, они за косы вытащили на улицу; как
они там с ними расправились не знаю, но они были зверски уби-
ты. После этого все бандиты вошли обратно в дом, где остава-
лись еще я и мой братик 13 лет. Один из них несколько раз
ударил братика саблей по голове, и он, заливаясь кровью, упал
на пол без чувств, имея на голове 5 больших ран. Он остался
совершенно глухим. Ко мне последнему подошел один и велел
мне выйти на улицу. Но я ответил: "не пойду". Тогда он по-
дозвал еще двоих, они схватили меня за горло, потащили на кух-
ню, положили на убитую мать, и один из них стал наносить мне
удары в живот и бок. Получил я 9 ран и притворился мертвым,
тогда колотящий меня казак сказал: "уж мы и с ним покончили",
но другой этим не удовлетворился и нанес мне еще удар саблей
по щечке, тогда я уже лишился чувств и пришел в себя только
утром. Утром же меня и братика забрали в больницу, где я про-
лежал 3 недели. Возвратившись домой, я нашел платяной шкаф
разбитым, от имущества я и половины не нашел, самых доро-
гих вещей не было, деньги свыше 5000 рублей тоже пропали,
даже дымоходные трубы были совсем разобраны; кто этот сделал
я не знаю.

Имя и фамилия рассказчика Бенцион Крочак. Имеется его под-
пись.

ПРОТОКОЛ № 26.

МАРК ЕФИМОВИЧ ГОЛЬДЕНБЕРГ, 22 лет, рабочий-типограф,

Убит I.

Убит 16-го февраля, как передают, при следующих обстоятель-

Комитет выдел из состава пленума Общины, однако, есть орган совершенно самостоятельный от Общины независимый, перед ней не ответственный, а потому и самостоятельно управляющий подведомственным ему учреждениями оказания помощи пострадавшим от погрома.

В этой плоскости борьба продолжалась до тех пор пока социалистами не был поставлен вопрос об участии в Социальной Комиссии оказания помощи представителям от профсоюзов на что правая Американского Комитета ни за что не соглашалась. Приехавший к тому времени представитель Ц.К. Американского Комитета став на сторону левых предложил компромисс, а именно: организовать указанную Комиссию на представительных началах - по два от каждого течения: сионисты, центр. и социалисты. Опять-таки не желая ставить на карту успешность работы Комитета, социалисты такой компромисс приняли, но на него не пошла правая и социалисты вынуждены были уйти из Американского Комитета; сопровождаемые в огласах сионистов "и без вас обойдемся". Характерно то, что во время выборов новой Секции Общины для управления приютами и для создания нового приюта в состав семи человек был избран только один сионист, так очевидно был велик страх перед принятием приютов, которые, таким образом, не переставали находиться под непосредственным влиянием левой. Конечно были робкие попытки принять в Общину очаг, однако дальнейшие пожелания сионисты в этом отношении не шли.

Таким образом Американский Комитет в Проскурове был исключительно органом распределяющим чер. Общину деньги получаемые от " " все же учреждения или ими субсидируемые, за исключением одного детского очага /находясь в руках старой Комиссии/, находились в ведении Еврейской Общины.

Говорить об особой деятельности Комитета поэтому не приходится и все, что было за время его существования в Проскурове создано, исключительно Секциями Еврейской Общины.

Из заслуживающих внимания созданных за это время учреждений можно указать на третий детский приют на 60 чел. де-

тей, на субсидируемую детскую столовую, получавшую продукты от Американского Комитета спасения детей через Польские Р.К.Р.Д. /на 350 детей/ и на склад снабжения пострадавших продуктами по дешевым ценам и бесплатно.

Кроме указанных учреждений Американский Комитет оказывал денежную помощь следующим вр. учреждениям: 1/ Богдельня, 2/ Еврейской Больнице, 3/ Дешевой столовой, 4/ Еврейской школе и Евр. духовному Ешиботу и Талмуд-Тор, 5/ Медич помощь во время эпидемии и т.п.

С приходом в Проскурове 9/VI 1920 г. Советской власти по требованию профсоюзов в состав Американского Комитета были введены пять представителей социалистических фракций Общины. Однако, сионисты не сочли для себя возможным остаться в Комитете и ушли сопровождаемые их не возгласами "и без вас обойдемся". Не вводя никакой логики в работу субсидируемых учреждений и постановив, что все учреждения переходят к Американскому Комитету, который ими будет впредь управлять, новый состав Американского Комитета совершенно преобразовал Комиссию по оказанию социальной помощи согласно тем требованиям, которые были предъявлены старому комитету, постановив выдавать помощь медицинскую на восстановление хозяйств. питательную и прекратив выдачу месячных пособий, разбивших в часо-сах шнорерство за деятельность старого Комитета и в конце июля месяца по предложению Собеса передал свои книги, отчетность и остатки сумм местному отделу Собеса. Учреждения же были переданы соответствующим комиссариатам. Так, приюты Нароб-разу, Больница - Народадраву, Богдельня - Собесу и т.д. Детский очаг еще до прихода Советской власти в город был передан Культур-Лиге, коей также были переданы суммы на оборудование второго детского очага.

С подлинным верно: Делопроизводитель Тверская.
[Архив Октябрьской Революции, фонд № 1324, Всероссийского Центрального Еврейского Общественного Комитета по оказанию помощи пострадавшим от погромов и стихийных бедствий [Известием]. Переписано по новой орфографии].

Копия верна:
Свердловский Центрархива РСФСР.

И. А. Давидов
Д. А. Давидов

вх. 4240 15.IX-21 г.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ПОГРОМАХ В ПОДОЛЬСКОЙ ГУВ.

1. БРАЦЛАВ.

Цифры взяты из доклада о погроме в Печере. Бандами Во-
лынца Ляховича, пришедшими в Брацлав из Печеры после тамош-
него погрома в последних числах июня 19 года, убито 43 ев-
рея и весь город разграблен.

До погрома еврейск. населения 700 семейств.

2. ПЕЧЕРА Брацлавск. у.

Согласно обследованиям, произведенным представителями
Могилев-Подольского Комитета, получены следующие цифровые
данные: еврейск. населения до погрома 250 семейств; погром
учинен в последних числах июня 19 года украинскими солдата-
ми Волынца Ляховича. Ограблены все 250 семейств. Убито 130.
Вдов и сирот осталось много. Общая сумма убытков 50 миллио-
нов рублей.

Фактическая власть и местное украинское население при-
нимали активное участие в грабежах.

Доклад того же исследователя дает общую картину погро-
ма " в 4 час. утра в одно воскресенье появилась банда сол-
дат во главе с Волинцем Ляховичем и потребовали у евреев
денег. Сейчас было выдано сколько каждый мог.

Потом они|бандиты| пустились по еврейским домам и нача-
ли свое кровавое дело. Грабили, убивали, рубили саблями на
смерть.

В этот день после жестоких и мучительных пыток, убито
116 евреев.

В 2 час. дня банда удалилась в Брацлав, из Брацлава в
Тульчин, оттуда опять в Печеру и через 4 дня после первого
погрома, ограбив все местечко, убили 8 евреев.

Кровь убитых текла по улицам и там застывала.

Уцелевшие евреи скрывались в окрестных лесах около 6
недель."

3. ТРОСТЯНЕЦ Брацлав. у.

Согласно обследования:

Население до погрома 450 евр. семейств. Ограблено все мес-
течко. Погром учинен в мае 19 года украинскими солдатами
Волынца. Убито 400 человек. Местная власть не вмешивалась.
Украинское население грабило и участвовало в погроме. Убыт-
ков 100 миллионов. руб.

4.
У8

ДОКЛАД А.И.ГИЛЛЕРСОНА.

Погром в гор.ПРОСКУРОВЕ в Феврале 1919 г.

Проскуров и
его население.

Проскуров является самым оживленным городом в Подольской губ. Население его простирается до пятидесяти тысяч, из коих до двадцати пяти тысяч - евреи. Демократическая городская Дума его состояла из 50 гласных; из них 26 христиан и 24 еврея. Из числа еврейских гласных 18 человек прошли по еврейским спискам; остальные - по общим социалистическим спискам. Во главе Думы в Проскурове, как почти повсеместно в Подолии и на Волинии стоят поляки. Городским головой состоял поляк Сикора, а председателем городской Думы - поляк доктор Ставинский.-

В административном отношении Проскуров управлялся военным комендантом Киверчуком и комиссаром Тарановичем. Первый был военный служака еще царского времени, а второй бывший народный учитель.-

Город охранялся милицией, которая главным образом, была подчинена коменданту. Городское самоуправление не доверяя всецело милиции, организовало собственную охрану, так называемая "квартальная охрана. Во главе этой охраны стояло Центральное Бюро, имевшее своим председателем - еврея Шемкмана. Так как городская охрана состояла преимущественно из евреев, то она вообще не пользовалась расположением коменданта Киверчука, и он ей чинил всякие затруднения.-

В Проскурове, еще во время царя, имелись на лицо не только все легальные партии, но и нелегальные. Само собой разумеется, что общественно-политическая жизнь в Проскурове особенно оживилась после падения царизма.-

При Гетмане в Проскурове неоднократно подвергались репрессиям представители социалистических партий, а в особенности большевики.-

С падением Гетмана и с воцарением Петлюровской власти большевистские ячейки в Проскурове сохранились, но существовали нелегально. Вообще-же все социалистические фракции, не исключая и большевиков составили в Проскурове один общий фронт, возглавляемый бундовцем Иоффе.

Недели за три проскуровской резни имело место следующее обстоятельство, оказавшееся роковым для Проскурова. В Виннице-резиденция самого Петлюры- состоялся съезд большевиков в Подольской губ. Этот съезд продолжался два дня и его заседания происходили беспрепятственно. Этот съезд вынес резолюции о поднятии большевистского восстания во всей Подольской губ., при чем днем восстания было назначено 15-ое февраля. То обстоятельство, что этот съезд прошел беспрепятственно, дало повод некоторым лицам утверждать, что съезд этот был созван с ведома петлюровской власти в целях провокации. Но объективные исследования приводят к выводу, что в данном случае никакой провокации не было и что съезд прошел благополучно, благодаря лишь плохой организованности, а следовательно, и плохой осведомленности петлюровской власти.

Указывают на то обстоятельство, что большевистское выступление имело место лишь в одном Проскурове, между тем, как в других местах подольской губернии, даже на ст. Жмеринка, где имеется до 7-ми тысяч железнодорожных рабочих, никаких попыток к выступлению сделано не было. В этом также усматривают признак провокации. Об объективные исследования приводят к тому убеждению, что в других местах выступления не было потому, что во главе большевистских организаций стояли более серьезные люди, которые учли, что момент для выступления является неподходящим.

В Проскурове-же во главе большевистской ячейки стояли люди слишком юные и мало сознательные. Но кроме этого было еще одно существенное обстоятельство, которое побудило проскуровских большевиков начать свое выступление.

Съезд большевиков в Виннице.

Появление в Проскурове атамана Самосенко.

В Проскурове были расквартированы два полка, а именно 15-ый Белгородский и 8-ой Подольский, которые были определены большевистски настроены. В первом полку было человек 340, во втором немного меньше.

Дней за десять до погрома в Проскурове появилась запорожская кавалерийская бригада украинского республиканского войска имени главного атамана Петлюры под командой атамана Самосенко. Вместе с этой бригадой появился и 3-ий гайдамак. Как бригада, так и полк, согласно обьявления Самосенко, явились с фронта для отдыха и несения в Проскурове гарнизонной службы.

6-го февраля Самосенко послал в типографию для напечатания обьявление, в котором он обьявляет, что он принимает на себя обязанности начальника гарнизона и в качестве такового запрещает всякие самовольные в городе собрания и митинги. Он предупреждает, что всякая агитация против существующей власти будет караться по законам военного времени. Запрещаются также всякие призывы к погрому, при чем уличенные в таком призыве будут расстреливаться на месте.

В то же время Самосенко послал сообщение в Городскую Думу, что он вступил в исполнение обязанностей начальника гарнизона, что он намерен преследовать всякого нарушителя порядка и при этом сообщает, что на одной из улиц им расстрелен казацкий офицер за попытку грабить.

Об этом сообщении узнал тов. Председателя Центрального Бюро квартальной охраны Шенкман и он отправился к Самосенко, чтобы лично с ним познакомиться. Самосенко его любезно принял, обещал снабдить охрану оружием и оказать им всякое содействие к предотвращению погромов. Об этой беседе с Шенкманом, а равно о том, что Самосенко послал вышеуказанное обьявление для набора стало известно некоторым деятелям городского самоуправления и они по словам председателя городской Думы д-ра Ставиц-

кого отправились к коменданту Киверчуку, чтобы осведомиться, насколько Семосенко правомочен и кем эти полномочия ему предоставлены. Киверчук ответил, что ему ничего об этом неизвестно и при этом он распорядился, чтобы набранное уже в типографии объявление не было опубликовано.

Нужно указать, что с появлением в городе 3-го гайдамацкого полка среди евреев началось тревожное настроение. Этот полк вел себя вызывающе и о нем определенно говорили, что он имеет за собой погромное прошлое. О том, что предполагается большевистское выступление, никому в городе известно не было. Лишь за два дня до 15-го февраля начальник милиции Кара-Желяков сообщил Иоффе, что он слышал будто в Проскурове затевается переворот и что в штабе коменданта определенно говорят, что уже намечена будущая большевистская власть с Иоффе во главе.

Обеспокоенный Иоффе созвал представителей социалистических фракций, в том числе и большевиков, явившиеся на заседание два представителя коммунистической партии заявили, что действительно восстание подготавливается и что уже формируется будущая власть. На протесты представителей других фракций и указание, что восстание это приведет их к краху, а евреев к полному погрому - они ответили, что восстание одновременно произойдет во всей Подольской губернии и что в Проскурове на стороне восставших будет часть гарнизона, и 16 деревень готовятся прийти им на подмогу. О том, когда выступление произойдет они не сообщили /см. показание Иоффе стр. 84, 97 и 92-99.

В пятницу вечером, 14-го февраля в Центральное бюро квартальной охраны явилось два молодых человека из большевистской фракции и объявили, что в 12 часов ночи назначено большевистское выступление и спросили председателя Рудницкого и его товарища Шенкмана, какую позицию займет в отношении их квартальная охрана. Им было отвечено, что

квартальная охрана по своему является беспартийной организацией, имеющая своим назначением лишь охрану жителей и что в данном случае она будет совершенно нейтральна. При этом Шенкман указал на несвоевременность выступления и на то, что это обязательно приведет к еврейскому погрому. Но ему также было отвечено, что выступление будет общегубернское и что благоприятный исход его обеспечен. Позднее явился другой член коммунистической организации и объявил что по постановлению уже организовавшегося Ревкома он назначается комиссаром Бюро квартальной охраны и что Шенкман назначается ими для поддержки связей с организовавшимся уже большевистским штабом. Он сообщил Шенкману пароль, по которому он мог бы пройти в штаб. По показанию Шенкмана он и Рудницкий собрали всех наличных членов охраны и заявили им, что представляют им полную свободу действий и потребовали, чтобы они тут же сняли все внешние знаки принадлежности квартальной охраны, что было исполнено. При этом все опрашиваемые подтвердили, что они никакого участия в политическом выступлении принимать не будут. С полученным паролем Шенкман отправился в большевистский Ревком, а затем и в штаб. Убедившись, что работа у большевиков не налажена и что предполагаемое выступление окажется, по его словам, блефом он обратился к наиболее серьезному большевику с указанием на несвоевременность этого выступления. Тот ему в свою очередь объяснил, что выступление уже перенесено с 12 часов ночи на 6 часов утра и что он примет меры к тому, чтобы оно было отложено на другое более удобное время. Действительно, когда Шенкман после этого разговора, вернулся в Центральное Бюро, то оставленный там комиссар большевистского Ревкома объявил ему, что им получена телефонограмма о том, что восстание отменяется. Шенкман тогда отправился по городу, чтобы убедиться, на местах ли охрана. И когда он вновь вернулся в Бюро, то тот-же комиссар сообщил ему, что произошла новая перемена и что восстание на-

начено после 6-ти часов утра, о чем будет возведено выстрелами.

Действительно, в шесть и три четверти часа утра раздались выстрелы и восстание началось.

Выступление
большевиков.

Первым делом большевики захватили почту и телеграф и арестовали коменданта Киверчука, считая его, не без основания, опасным черносотенцем и погромщиком. В одной из квартир дома Трахтенберга в самом центре на Александровской улице они открыли ...

и 8-го подольского полка. Там они разбудили спавших солдат и объявили им, что восстание началось и что органы большевистской власти уже формируются. Они предложили солдатам выступить против петлюровских войск, которые концентрированы в вагонах за вокзалом. На указание солдат, что у них нет пулеметов, им было отвечено, что пулеметы имеются у крестьян, которые уже приближаются к городу, чтобы принять участие в восстании. Тогда большевики настроенные солдаты арестовали своих офицеров, а равно и тех солдат, которые были против выступления.

Они захватили полковое оружие и выступили по направлению к вокзалу. Там они открыли огонь по вагонам, в которых находились гайдамаки и прочие казаки. Но когда последние вышли из вагонов и пришедшие казаки убедились в их многочисленности-, они отступили к своим казармам. Казаки последовали за ними и начали обстреливать казармы. Тогда солдаты отступили в Фельщину и Ярмолинцам, куда раньше была послана одна ^{их} часть для поднятия большевистского восстания они рассеялись по равным местам и, таким образом, скрылись от преследования.-

После отступления солдат было ясно, что восстание провалилось.-

Стрельба, которая происходила рано утром, ввело на представителей города, и они стали собираться в Городской Думе. Несколько раз городской голова и предсе-

датель городской Думы являлись в комендатуру, но там и никаких сведений не сообщали.

Наконец, они увидели подехавшего к комендатуре Киверчука и от него узнали, что он арестован. На вопрос, кто его арестовал он ответил "виды-члены квартальной охраны". Он прибавил, что вместе с ними выступил против него его ординарец, которого он только что собственноручно застрелил.-

По показанию свидетеля Маранца /стр.17-22/ он в субботу утром, одевшись в солдатское платье, прошел на Александровскую улицу к дому Трахтенберга и где, как он впоследствии узнал, был большевистский штаб. Около дома он заметил много рабочих, одеты в солдатскую одежду. Один из них обратился к нему с предложением, чтобы он примкнул к ним и тогда перешел на другую сторону улицы. В это время он заметил, что от вокзала по направлению к дому Трахтенберга верхом на лошади идет казачья сотня коменданта Киверчука с его помощником Новицким во главе. Он тогда обратился к стоявшему тут же знакомому русскому рабочему и спросил что означает появление Новицкого. Тот ответил: "Новицкий с нами, и он стоит во главе восстания. "но не успел он это сказать, как раздалась быгромкая команда того же Новицкого: "Заряжать ружья".

Вскоре раздался залп, которым, как впоследствии оказало, была убита молодая девушка, дочь домовладельца Трахтенберга, находившаяся у себя в комнате. Окружившие дом Трахтенберга большевики разбежались и восстание было окончательно ликвидировано. Раздались еще залпы в разных местах города, но по видимому холостыми зарядами.

Солдаты - гайдамаки были вновь сконцентрированы на вокзале. В городе происходили аресты, а на вокзале были сервированы столы для угощения гайдамаков. Атаман Семосенко на этот раз, в полном согласии с Киверчуком, вступил в исполнение обязанностей начальника гарнизона.

Свое выступление он ознаменовал пышным угощением гайда-

маков и казаков и за обедом обильно угостил их водкой и коньяком. По окончании трапезы он обратился к гайдамакам с речью, в которой обрисовал тяжкое положение Украины, понесенные там труды на поле сражения и отметил, что самыми опасными врагами украинского народа и казаков являются жида, которых необходимо вырезать для спасения Украины и самих себя. Он потребовал от казаков присяги в том, что они выполняют свою священную обязанность и вырежут еврейское население, но при этом они также должны поклясться, что они жидовского добра грабить не будут.

Кавказки были приведены к знамени, и они принесли присягу, что будут резать, но грабить не будут. Когда один полусотник предложил вместо резни надолжить на евреев контрибуцию, то Семосенко пригрозил ему расстрелом. Нашелся также один сотник, который заявил, что он не позволит своей сотне резать небооруженных людей. Этот сотник, имевший большие связи в правительстве Петлюры, был вместе со своей сотней отправлен в город, а остальные казаки выстроившись в походном порядке, с музыкой впереди и с санитарным отрядом повзды отправились в город и прошли по Александровской улице, в конце которой разбились на отдельные группы и рассыпались по боковым улицам, сплошь населенным евреями /см. II стр. 14 по к. Берлинера/.

Еврейская масса почти не была осведомлена о происшедшем большевистском выступлении. Привыкнув в последнее время ко всякого рода стрельбе, она не придавала особого значения тем выстрелам, которые раздавались утром того дня. Это было в субботу и правочерные евреи с утра отправились в синагогу, где помолились, а затем вернувшись домой, сели за субботнюю трапезу. Многие согласно установившемуся обычаю, после субботнего обеда легли спать.

Рассыпавшись по еврейским улицам казаки группами от 5 до 15 человек с совершенно спокойными лицами входили в дома, вынимали шашки и начинали резать бывших в доме евреев, не различая ни возраста, ни пола. Они убивали стариков, женщин

и даже грудных детей. Они, впрочем, не только резали, но наносили также колотые раны штыками: к огнестрельному оружию они прибегали в том случае, когда отдельным лицам удавалось вырваться на улицу. Тогда им вдогонку посылались пули.

Когда весть о начавшейся резне распространилась среди евреев они начали прятаться по чердакам и погребам, но казаки с чердаков их стаскивали вниз и убивали. В погреба же они бросали ручные гранаты.

По словам того-же свидетеля Шенкмана казаки убили на улице около дома его младшего брата, а затем ворвались в дом и раскололи череп его матери. Прочие члены семьи спрятались под кроватями, но когда его маленький братишка увидел смерть матери - он вылез из под кровати и начал целовать ее труп. Казаки начали рубить ребенка. Тогда старик отец не вытерпел и также вылез из под кровати, и один из казаков убил его двумя выстрелами. Затем они подошли к кроватям начали колотить лежащих под ними. Сам он случайно уцелел. По словам Марагца в доме его друга Авербуха было убито 10 чел. и четверо тяжело ранено. Когда он обратился к соседям - христианам, чтобы те помогли ему перевязать раненых, то только одна крестьянка согласилась оказать ему помощь. Прочие отказались от оказания помощи.

Свидетельница Гринфельд /т. I стр. 29/ рассказывает, что из окна своей квартиры она видела, как у противоположного дома Хаселева остановилась банда гайдамаков в человек 20, из которых четыре человека отделились и вошли в дом Шифмана, где пробыли очень короткое время, а по выходе оттуда начали чистить в снегу свои окровавленные шашки.

В этой квартире оказалось вырезанными 8 человек. Другая часть этой банды вошла в находившейся рядом гостиницу "Франция", оттуда выбежал старик хозяин, за которым они погнались, за ними бежали дети старика и молили о пощаде.

По словам свидетеля Шпигеля /т. I стр. 76/- он вместе

со своим братом были в гостях у семьи Потехи, когда узнал о том, что в городе происходит резня. Обеспокоенный судьбой своей старухи матери он пошел домой и окольными путями повел старуху в дом поляков. Но те наотрез отказались принять их, заявив, что они боятся за свою собственную судьбу. Ему удалось приютить свою мать в доме знакомых евреев. Когда он обратно возвращался к дому Потехи то стоявшие около дома христиане, так называемые мещане предупредили его, чтобы он туда не ходил, так как там режут. Но встревоженный за своего брата, он все-таки пошел и убедился, что вся семья Потехи и все бывшие в его доме, в том числе его брат уже вырезаны. Старуха - мать была настолько изрублена, что он мог ее узнать лишь по фигуре. Около старухи лежал изрубленный саблями и исколотый штыками труп сына. Таким же образом была убита и старшая дочь ее, также была убита младшая дочь, а средняя лежала тяжело раненая. Тяжело раненая младшая также оказалась гостившая у них родственница. Во дворе - же были тяжело ранены два брата Бреслер и их старуха мать. Его брат был тяжело ранен, но еще дышал и у него на руках скончался.

В доме любопытства ради, вошли христиане-соседи, и я обратился к ним с просьбой помочь мне уложить раненых в кровать, но те отказались. Один только сосед по фамилии Сикора оказал мне некоторую помощь. Из раненых две умерли; остальные выздоровели, но остались калеками.-

В доме Вольфшупа /т. II, стр. 16/ оказались вырезанной вся семья и осталась в живых одна девушка, получившая 28 ран. Убийства начались и подошли к дому с пулеметами и санитарным отрядом. По команде: "стой" часть выстроилась цепью и некоторые начали тут-же точить оружие. Затем раздались команда: "за дело" и казаки рассыпались по ближайшим домам и начали резать.

В доме Земельмана /стр. 13/ убито 21 человек и двое ра-

11/ 53
неных. К дому подошли гайдамаки стройными рядами с двумя пулеметами. С ними была сестра милосердия и один с повязкой Красного Креста, оказавшийся впоследствии д-ром Скорником, введывающим санитарным отрядом.

В доме Влехмана /стр. 15/ убито 6 чел., один убит ударом по голове, отчего череп раскололся пополам. Девушка была ранена в заднюю часть тела, для чего было приподнято платье.-

В доме Крочака /стр. 9 т. II/ ворвалось 8 чел. и первым делом равбили вдребезги все окна. Пять вошли в дом, а трое остались на улице. Бошедшие схватили старика Крочака за бо-роду и потащили к кухонному окну, откуда перебросили его к тем, которые стояли на улице и, где его тут-же убили. Затем они убили старуху-мать и двух дочерей, а бывшую у них в гостях барышню они за косы вытащили в другую комнату, затем выбросили ее на улицу, где она была дверски убита. Затем они вновь вернулись в дом и нанесли несколько тяжелых ран 13-ти летнему мальчику, который затем совершенно оглох. Старшему брату они нанесли ран...

В доме Загули стр. 16/ убитая дочь, которую долго мучили. Мальчик в доме получил несколько ран и притворился мертвым. Мать предлагала убийцам деньги, но они ответили: "мы только за душой пришли".

По показанию свидетеля Глузмана т. II стр. 17/ он в субботу 15-го февраля очутился на улице, но милиционеры советывали ему идти домой. Придя домой, он встал у себя на квартире 16 человек соседей. Из окна они заметили отряд гайдамаков, вооруженных с ног до головы, подошедших к дому в полном порядке, он стал уговаривать жену и дочерей, чтобы те спрятались, так как боялся за их честь. Но те не хотели без них прятаться. Гайдамаки всех выгнали во двор, а затем один из них подошел к воротам и крикнул оставшимся: "Идите сюда, здесь много жидов." Гайдамаки вскоре всех окружили, сам Глузман очутился возле двери, ведущей в погреб, а возле не-

12.
го стояла его семья. Его ударили два раза штыком, и он свалился в погреб. Это его спасло. Его жена, которая стояла наверху, была убита. Он только заметил, что один раненый молодой человек просил его пристрелить. Гайдамаки в него два раза выстрелили. Но это другой ему заметил "зачем ты стреляешь, ведь атаман приказал резать, но не стрелять". Тот ответил: "но что делать, ведь он сам просит".

Резня продолжалась от двух часов до пяти с половиной. Она была, вероятно, затянута до поздней ночи, но комиссар Баранович не будучи посвящен во все планы Семосенко и Киверчука, ужаснулся при виде того кровавого разгула, который разыгрался в городе. Он побежал к Семосенко и стал настойчиво просить, чтобы он прекратил резню, но тот на его слова и внимания не обратил. Тогда Баранович отправился на телеграф и по прямому проводу сообщил губернскому начальству Каменца о происходящем в Проскурове. Оттуда ему сообщили местонахождение командующего фронтом Шаповала, и Таранович, по прямому же проводу вызвал последнего и доложил ему о происходящем, а равно и о своем разговоре с Семосенко. Шаповал тут-же телеграфировал приказ Семосенко о немедленном прекращении резни. Этот приказ Таранович отнес Семосенко, и тот тогда заявил: "хорошо, на сегодня резни хватит." Знаком рожка было дано знать гайдамакам о прекращении их действия. Гайдамаки тогда собрались на ранее назначенное место и отсюда в походном порядке с песнями отправились на место своей стоянки за вокзалом.-

Сведения о действиях комиссара Тарановича сообщены свидетелем Верхолой /стр.44-65/, а равно зафиксированы в следственном производстве, произведенного большевистской властью о действиях Тарановича.- С следственным материалом я лично ознакомился.-

Надо отдать справедливость гайдамакам: они честно выполнили свою присягу, они беспощадно резали, но не грабили. В

некоторых домах им предлагали деньги и они деньги ревали на клочки. Если бывали отдельные случаи грабежа, то в виде исключения. Но вместе с гайдамаками резали евреев и другие кавказки, преимущественно из сотни Киверчука, а равно из милиционеры. Эти, не будучи связанными присягой, не только резали, но и грабили. Но, главным образом, грабежи происходили ночью после того, как резня была закончена. Это были не грабежи в точном смысле слова, а расхищение имущества, оставшегося, так сказать, без хозяина, вследствие того, что семьи евреев зывались целиком. В расхищении этого имущества, принимали участие и уголовный элемент, выпущенный из тюрьмы, по всем данным, по распоряжению Киверчука, который это сделал, очевидно, с той целью, чтобы на них, в случае надобности, свалить вину за происшедшее.- По распоряжению того-же Киверчука была обезоружена милиция и о оружием остались лишь те милиционеры, которые явились помощниками гайдамаков.-

О том, что в доме все живое вырезано, по иронии судьбы, свидетельствовали ярко освещенные дома, Дело в том, что в Проскурове все дома освещаются электричеством, которое там весьма доступно. Религиозные же евреи, которых в Проскурове большинство, верные своему закону в субботу или точнее с пятницы на субботу, огня не гасят и электрических рожков не закрывают. Электричество, таким образом, горит до утра, когда оно гаснет за прекращением тока, а затем в субботу вечером с подачей тока, само зажигается. Евреи после ужасного дня, субботы 15-го февраля - огня не зажигали. Тем ярче был огонь в окнах домов, где еврейские семьи были сплошь вырезаны. На этот-то огонек и шли грабители. Бывали, конечно, недоразумения, когда они попадали в христианские дома. Этим объясняется те единичные нападения на христианские квартиры в ночь с субботы на воскресенье, о которых в своих показаниях сообщает свидетель Верхолой и д-р Ставинский /стр.70-75/.- По словам свидетеля Верхолой и предс.гор.думы д-ра

Ставинского они лишь поздно вечером узнали о происшедшем резне и отправились пешком по улицам. Они видели много являвшихся трупов, они также заходили в освещенные кварталы, где лежали зарезанные люди. Предполагая основать перевязочный пункт для раненых, они заходили в некоторые аптеки, но там они встретили уже названного раньше д-ра Скорника, который реквизирует весь перевязочный материал для нужд казаков, утверждая, что среди многих раненых привезенных с фронта, что по проверке не подтвердилось.

Этот д-р Скорник вместе с сестрой милосердия и двумя санитарями принимали активное участие в резне, особенно отличался д-р Скорник, когда другая сестра милосердия, возмущенная его образом действия, крикнула ему: "Что Вы делаете, на вас повязки Красного Креста", он сорвал с себя повязку и бросил ей, а сам продолжал резать.

По показанию трех гимназистов, реквизированных в Елисаветграде гайдамаками для службы в Санитарном отряде, Скорник когда вернулся после резни в свой вагон, хвастал, что в одном доме они встретили такую красавицу-девушку, что ни один гайдамак не решился ее зарезать; тогда он собственноручно ее заколол. Действительно по словам свидетелей на кладбище, среди трупов, оказался труп заколотой девушки редкой красоты.

Так как весь персонал санитарного отряда д-ра Скорника заболел тифом, то никто из этого отряда не успел эвакуироваться с отходом петлюровцев. Он целиком попал в руки большевистской власти и после произведенного следствия уличенные были отправлены в Одессу без суда над ними. Я ознакомился с следственным материалом и должен указать, что д-р Скорник безусловно уличается, как активный участник резни. Установлено, что, между прочим, что он морфинист и вообще на всех производит впечатление странное /см. показ. д-ра Ставинского, Пилата стр. 88-90/.

На следующие утро отдельные убийства евреев, как на

улицы, так и в домах продолжались. Евреи продолжали прятаться и очень немногие из них выходили на улицу. По словам свидетеля Цацкиса /35-40/ он утром в воскресенье, одевшись в крестьянское платье пошел на Александровскую ул. и подошел к группе гайдамаков, беседовавших с обывателями. Он слышал, как гайдамаками, говорили, что до двух часов будут убивать в одиночку евреев, а с двух часов повторят вчерашнюю резню.

Д-р Ставинский, в качестве председателя городской думы, вместе с городской головой и другими лицами, отправился в комендатуру с просьбой прекратить резню. Туда же явился и свид. Берхола, который особенно на этом настаивал. Там же в комендатуре было решено созвать городскую думу, на заседание которой обещали явиться Семосенко и Киверчук. Когда Берхола и Ставинский отправились в думу, то по дороге им пришлось быть свидетелями отдельных случаев убийства и поранения евреев. Один еврей был на их глазах застрелен у самой думы.

В Думу собралось очень немного гласных. Из евреев явился только один Райгородский. Другие евреи должны были с пути вернуться, так как на них производились покушения. /см. показ. Маранца/.

Дума открыла свое заседание сейчас же после появления Семосенко и Киверчука. Открывший заседание д-р Ставинский обрисовал в немногих словах создавшееся положение. Слово взял Семосенко и в своей речи он объяснил, что происшедшее было вызвано исключительно евреями, которые, будучи сплошь большевиками, замышляли вырезать гайдамаков и прочих казаков. Они и впредь будут так поступать, так как он это считает своим священным долгом.

В таком же духе высказался и Киверчук.

Тогда слово взял Берхола.

Считаю здесь необходимым сказать несколько слов о личности Берхолы. Берхола вышел из народа и образовался самоучкой. Он окончил художественное училище; учительствовал в на-

родных школах; слушал лекции в университете. По своим убеждениям, он социал-демократ и украинец-патриот. При первой Раде он был избран гласным городской думы, а также председателем земской управы. Дважды он выполнял обязанности коменданта земской управы. Дважды он выполнял обязанности коменданта гор. Проскурова. Когда произошел переворот в пользу гетмана он, считая гетманскую власть реставрационной, не считал возможным лично продолжать общественную и административную работу. Он сложил с себя обязанности и ушел в частную жизнь. Верхола был очень популярен среди населения, а в особенности среди евреев. Когда начались крестьянские восстания против гетмана, австрийские власти арестовали Верхола, обвиняя его в организации этих восстаний. Он был заключен в Тарнополь, где просидел два месяца в тюрьме, а затем его везли в суд, - ему удалось в пути бежать, и он все время скрывался. В Проскурове он вернулся лишь 13-го февраля, за два дня до резни. Ему немедленно по возвращении предложено было взять обратно свое заявление о сложении гласного думы, на что он согласился. Когда же началась резня, Верхола обвиняли себя на непрерывный труд, чтобы приостановить развивавшиеся события.

Взяв слово после Семосенко и Киверчука, он обратился к думе с большой речью, в которой указал, что то, что произошло в Проскурове, является позором для Украины. Говоря о былых заслугах казачества, он доказывал, что в данном случае Семосенко, одев в казацкое платье разбойников, став их атаманом, обращаясь к Семосенко, он сказал: "Вы боритесь против большевиков, но разве вы не знаете, что есть большевики и среди других наций, а равно среди украинцев".

Он убеждает Семосенко, ради чести Украины, распорядиться о немедленном прекращении происходящих ужасов. После Верхола высказался в кратких словах Райгородский, который от имени евреев всецело присоединился к его словам. Семосенко возразил, Верхоле в тех же словах, в кото-

рых высказался в первой речи. Он заявил, что борется не против стариков, женщин и детей, а исключительно против большевиков. Глядя в у... Верхола, он сказал, что он действительно, не сомневается, что с... украинцев к несчастью имеется большевики, но он и их не пощадит. Он из"являет согласие отдать приказ о прекращении того, что происходит, с тем, чтобы трупы убитых были без замедления преданы земле. Он также считает нужным поставить на вид городской думы, что та, зная о предстоящем большевистском выступлении, его об этом не предупредила.

Против этого упрека возражали д-р Ставинский и гласные думы: Верхола снова взял слово, поблагодарил Семосенко за его готовность отдать приказ о прекращении этих ужасов, но настаивал, чтобы вернул казаков, посланных в Фельц и др. места для учинения там еврейской резни.

На это Семосенко ответил, что в Фельц было такое же большевистское восстание, как и в Проскурове, и, что оно должно иметь те же последствия, что и здесь. Однако после долгих настояний, Семосенко из"явил согласие отовзвать посланных казаков.

В том же заседании думы, в присутствии того же Семосенко и Киверчука, было постановлено, что охрана города передается авиационному отряду, с начальником которого Верхола успел переговорить раньше. Сам Верхола был избран заведующим этой охраны.

В тот же времени он отдал в типографию для печатания следующего об"явления: по приказу атамана и с согласия его, выраженного в думе, резня мирного населения прекращена. Казаки отовзаны из города. Охрана города возложена на авиационный отряд, и дума гарантирует жителям полное спокойствие. Жизнь должна войти в норму. Отдан приказ расстреливать всех пойманных на месте грабежа, а также казаков, которые пойдутся в городе после 5-ти час. вечера.

Когда об"явление было набрано Верхола принес его тиск в комендатуру для получения разрешения на расклею его по городу. Но в комендатуре он был арестован, так как Семосенко и Киварчук нашли, что он не имел права выпускать такое об"явление, которое к тому же написано в неуместных выражениях.

По распоряжению Семосенко Верхола должен был быть отправлен на вокзал для суда над ним, что в сущности означало для РАССТРЕЛА. Но пришедшие в комендатуру городской голова Сикора и члены украинского национального союза, узнав о происшедшем, об"яснили Семосенко и Киверчуку, что такая расправа с Верхолой вызовет жестокую месть многих украинских организаций, его хорошо знающих.

В результате Семосенко распорядился, чтобы над Верхолой было произведено следствие, и он тут-же был освобожден.

Взамен об"явления, которое предполагал Верхола, Семосенко издал наказ, в котрром об"явил Проскуров и уезд на военном положении и запретил всякое движение на улице после 7-ми час. вечера.

В этом наказе он между прочим пишет: "Предупреждаю население, чтобы оно прекратило свои анархистские наступления так как у меня достаточно сил, чтобы бороться с ними.

На это я больше указываю жидам. Знайте, что вы, народ всеми нациями не любимый, а вы производите такой беспорядок между крещеным людом. Неужели вам не жалко своей нации. Вас, если не трогают, то сидите тихо, а то такая несчастная нация да еще бунтует народ." В дальнейшем в том же наказе Семосенко требует, чтобы все склады, магазины, лавки начали немедленно функционировать. Он также приказывает в трехдневный срок переписать все вывески по украински, чтобы я ни одной московской вывески не видел. "Вывески должны быть написаны литературно, наклейка букв строго воспрещается. виновные в этом будут предаваться военному суду."

В тот-же день выпущен был и другой наказ, в котором

19.
57

Семосенко пишет, что в ночь с 14-го на 15-ое февраля какие-то неизвестные -бессовестные-нечестные люди подняли восстание против существующей власти. Люди эти, по имеющимся сведениям, принадлежат к еврейской нации и хотели забрать в свои руки власть, чтобы пронавести путаницу в государственном аппарате и повести столь много перестрадавшую Украину к анархии и беспорядку. Были приняты самые решительные меры, чтобы восстание было подавлено. Возможно, что между жертвами есть много невинных, так как ничто не может быть без ошибки. Но кровь их должна пасть проклятием на тех, которые проявили себя провокаторами и авантюристами".

На следующий день был издан новый наказ, в котором Семосенко пишет, что печальный факт показал, что в час восстания большевиков 14-15 февраля местный гарнизон поддерживал большевиков, что среди солдат этого гарнизона явно перешли на сторону большевиков. Поэтому он об"являет 16-ый Белгородский и 8-ой Подольский полки расформированными. Для принятия от них имущества и документов он назначает представителей 3-го гайдамацкого полка и комиссию из запорожской бригады. Все эти наказания приобщены /см. п.3/.

Как видно из показания Верхола, а равно и других свидетелей - убийства продолжались в течение трех дней. Однако после заседания Городской Думы массовая резня была прекращена. Но в продолжение всего дня воскресенья, а равно и в понедельник были многочисленные случаи отдельных убийств евреев, как в домах, так и на улицах. Происходили также избиения евреев в окрестностях деревень, куда проникали найдамаки по собственному усмотрению или по приглашению крестьян. Евреи метались во все стороны, ища выхода из положения. Больше всего они возлагали свои надежды на Верхолу.

Так как комиссар Таранович давно уж тяготился своими обязанностями и просил об отставке, которая ему не давалась за отсутствием подходящего заместителя, то общественные деяте-

ли, главным образом, евреи просили Верхолу принять на себя обязанности комиссара. Последний согласился, и он вместе с Тарновичем по прямому проводу вызвали Губернского комиссара, который хорошо знал Верхолу по прежней его службе и охотно согласился заменить им Тарновича. Тут же было передано телеграфное распоряжение о назначении Верхоля комиссаром, что, между прочим, было крайне неприятно Семосенко и Киверчуку.

После своего выступления во власть, Верхола выпустил два воззвания, в которых указал, что "всякий призыв к национальной вражде, а особенно к погромам ложится повором на Украину и является препятствием для ее возрождения." Подобные призывы были всегда орудием для реакционеров. Всякое проявление со стороны сильнейшей нации насилия над слабейшей доказывает, что та нация не может воспринять тех форм, которые основаны на равенстве и братстве. Такие приемы только на руку врагам Украины, и он выражает надежду, что население не поддастся на такую провокацию. Он требует всех агитаторов, призывающих к погрому, задерживать для предания военно-полевому суду.

/т. Iii/

В другом воззвании он требует, чтобы все награбленные вещи были снесены в комиссариат для возвращения их по принадлежности.

Как уже было упомянуто, в воскресенье предполагалось повторить субботнюю резню. Три гайдамака, явившиеся в воскресенье утром в городскую управу, между прочим, заявили, в присутствии Верхоля, что им предоставлено резать евреев в течение трех дней.

Но после воскресного заседания городской думы Семосенко действительно распорядился о прекращении резни, и в массовом масштабе она больше не повторялась. Но убийства отдельных евреев, как уже указано, повторялись в воскресенье и понедельник. Эти убийства были многочисленны.

По распоряжению Семосенко жертвы субботней резни должны были быть погребены в понедельник. Таким образом трупы оста-

25.
21.
58
вались в домах и валялись на улицах с субботы до понедельника. Много трупов было изгнано свиньями.

В понедельник с утра многочисленные крестьянские подводы с наваленными на них трупами, направлялись к еврейскому кладбищу. Трупы привозились в течение всего дня и заплнили собой все кладбище. По словам свидетеля Финкеля /стр. 1-4/ он сам, будучи на кладбище, насчитал свыше тысячи трупов. Нанятые крестьяне копали на кладбище огромных размеров ямы, которые должны были стать братской могилы для жертв резни. На кладбище, по словам того же Финкеля, появились мародеры, которые под разными предлогами подходили к трупам, ощупывали их и грабили. Являлись также родственники убитых, рыскали их трупы и вынимали из карманов ценности, во многих случаях весьма значительные но очень много трупов оказались уже раньше ограбленными. Находили женщин с отрезанными на руках пальцами, на которых, очевидно, были кольца.

Похоронами распоряжался надзиратель Добровольский, которому было приказано, чтобы к ночи ни одного трупа не осталось непогребленным. Однако, похоронить все трупы удалось лишь в четыре часа утра во вторник.

Надо добавить, что, кроме общей братской могилы, были выкопаны еще 4 могилы поменьше, в которых также похоронено много трупов. Некоторым удалось похоронить своих родственников в отдельных могилах.

Как уже указано, отдельные убийства евреев продолжались и в следующие дни, как в Проскурове, так и окрестностях. Много людей убито по дороге к ближайшим местечкам, в поле и в лесу; убивались также евреи в ближайших селах и деревнях.

Кроме тех евреев, которых убивали разнузданная гайдамацкая чернь, сами власти многих евреев арестовывали под предлогом, что они большевики, а затем расстреливали. В этом отношении особенно проявил себя помощник Киверчука - Ковалевский сын местного домовладельца, крайне испорченный и жестокий мо-

лодой человек /см. пок. Сары Гельман, стр. 13-15/.-
Весьма интересно в этом отношении показание свидетеля Цацкиса, который вместе с другими 10 лицами был поставлен к расстрелу, но спасся каким-то чудом. Этот Цацкис, о котором мною уже упоминалось, в воскресенье утром, одетый в крестьянское платье, подслушал заявление гайдамаков, обращение к толпе христиан о том, что с двух часов будут повторять вчерашнюю резню. Услышав эти слова он отправился в дом их родителей, живших на Александровской ул. возле комендатуры, чтобы предупредить их о предстоящей резне. В доме, кроме своих родителей, сестер, он застал своего младшего брата, еще двоюродного брата и одного дальнего родственника. Из окна они вскоре увидели, как к дому приближается пять гайдамаков с помощником коменданта Ковалевским. Этот Ковалевский был хорошо знаком с его младшим братом и дал даже ему разрешение на право ношение револьвера. Старик - отец и бывших в доме женщины они на скорую спрятали на чердак; сами же открыли двери гайдамакам. Вошедший Ковалевский заявил, что он пришел искать в доме тайный аппарат и оружие. Брат ему заметил, что аппарата в доме нет и, что у него имеется револьвер с разрешением того же Ковалевского. Этот револьвер, а равно разрешение, он тут-же ему передал. Ковалевский сделал вид, что ищет под кроватями аппарат, а затем приказал им всем следовать за ним. На указание, что они не могут оставить дом и, что необходимо кому-нибудь остаться, - он после долгих просьб, согласился оставить в доме их дальнего родственника. Два гайдамака также остались в квартире а трое отвели их в комендатуру и поместили в камеру, где уже было много арестованных, как евреев, так и христиан, запобаренных в большевизме. В продолжении всего дня туда прибывали много новых арестованных и, наконец туда привели и его отца. Оказалось, что оставшиеся в доме два гайдамака, забрались на чердак и арестовали там отца. К вечеру оказалось, что в этой камере 32 христианина и 15 евреев. Над арестованными всячески издевались, но особенно же таким издевательствам подвергался

25.
59
одна поляк, бывший помещик. Его все время избивали шомполами и подвергали другим истязаниям. Стали выводить отдельных лиц к допросам, вывали также его брата. Допрашивал тоже Ковалевский. Но это был не настоящий допрос, а лишь одна его видимость, так как вопросы предлагались самые несерьезные. На следующий день, около 5 часов вечера всех арестованных вывели на улицу и построили в шеренгу, отдельно христиан и отдельно евреев. К группе евреев подошел один здоровый гайдамак и торжествующе сказал: ну жиды, больше к нам не вернетесь, всех вас отправим в земельный комитет, что на языке гайдамаков означало "отправим на тот свет". Всех арестованных повели к вокзалу, а по дороге продолжали над ними издеваться, особенно над тем поляком. На вокзале их всех поместили в отдельный вагон. Вечером начали по очереди выводить христиан. Их, оказывается, вывали в соседний вагон, где подвыпившие казаки о чем то спрашивали их, а за тем переводили в третий вагон. Прошло некоторое время и из вагона вывели пять евреев, в том числе и брата Цацкиса. Когда в продолжении часа они не вернулись и о них никаких сведений не поступило, то оставшиеся евреи поняли, что их повели на расстрел, как указано, христиан после допроса поместили в другой вагон, только одного из них вернули обратно, и тот вагон, где остались евреи. Часов около 10-ти вечера всех их, т.е. 10 евреев и одного русского вывели из вагона на полотно железной дороги. Евреев отвели в сторону и первым делом обыскали и забрали деньги. Затем всех поставили в два ряда и повели к откосу реки на расстояние 4-х верст от места, где стояли вагоны. Было ясно, что их ведут к расстрелу. По дороге шедшей с ним рядом гайдамак его тулуп. Он заметил: "что смотришь, хорошая ли тебе шкура после меня останется." На это гайдамак, пригрозил ему прикладом, крикнув: "молчи, жидюга, а то набью тебя прикладом." Шедший впереди его отец, услышав эти пререкания, обратился к нему по еврейски с

просьбой не спорить дабы они над ними перед смертью не вались. Всех, наконец, привели к месту откоосу и велели снять с себя платье и сапоги. Они все остались в одном белье. Он просил разрешение проститься с отцом. Ему разрешили. Он пошел к отцу и, взяв его за руку, вместе с ним стали выкрикивать слова предсмертной молитвы, упоминая в ней своих детей. Затем поставили в одну шеренгу лицом к реке, а позади их оказалась команда и были даны три залпа. Все упали, в том числе и он сам. Раздались стоны и крики раненых. Гайдамаки подбежали и стали приканчивать стонавших. Особенно им долго пришлось возиться с русскими, который упорно боролся со смертью. Наконец все стихло. Казаки ушли. Цацкис начал себя ощупывать и удивился, что он не только жив, но и не ранен. Убедившись, что никого вблизи нет, он бросился стремглав бежать по направлению к ближайшей деревне. В одном месте, проходя по реке он провалился сквозь лед и очутился по колено в воде. Но ни усталости, ни холода он не ощущал. Он, наконец, добрался до деревни и пришел в дом знакомого крестьянина, разбудил его и рассказал о всем случившемся. Крестьянин плакал, слушая его рассказ, но советовал ему у него не оставаться, в виду близости города. Он дал ему сапоги и платье, и тот направился в следующую деревню, а оттуда благополучно добрался до м. Меджибож. -

Были и другие случаи чудесного избавления от нависшей смерти в этом отношении интересен рассказ молодого человека Гальперина/стр. 1-34/, который 4 раза был поставлен лицом к лицу смерти, но каждый раз спасался.

Он был учеником коммерческого училища, а перед погромом состоял в карательной охране. Одет он был в солдатскую шинель и шапку.

В субботу после обеда, когда на улице уже валялись трупы зарезанных людей, он отправился к своему дому, находящемуся в конце города, по направлению к деревне Заречье. Недалеко от своего дома он встретил толпу гайдамаков, и один

25.
60 3

из них его остановил и спросил - жид ли он или русский. Он ответил, что он русский. Тот потребовал документ, и он ему показал ученический билет коммерческого училища, в котором вероисповедание обозначено не было. Казак, повертел документ, и отнесся к нему несколько подозрительно, но потом сказал: "ну оиди." Когда затем на Гальперина бросились другие казаки, первый им крикнул: "пустите, это русский". Гальперин подошел к своему дому, который оказался запертым и с выбитыми окнами. Он не решился войти в дом. Впоследствии только он узнал, что его родные спрятались и не пострадали. Зато живший в том же доме богатый еврей Блехман оказался со всей семьей из 6 человек зарезанными и ограбленными. Гальперин отправился в ближайшую деревню Заречье и зашел к своему знакомому еврею Розенфельду. Около 9-ти часов вечера начали ломиться в дверь и в дом ворвались крестьянские парни, которые набросились на стариков Розенфельда и убили его. Сам он вместе с сыном Розенфельда бросились бежать по направлению к лесу. Не будучи в состоянии долго бежать он остановился. Парни окружили его и выстрелили в него, но убедившись, что он не ранен, они решили отнести его в город и отдать в руки гайдамаков. Как раз в это время из города явился один крестьянин и стал рассказывать о том, что там происходит. Парни остановились, чтобы послушать пришедшего и Гальперину удалось в это время скрыться. Он тогда пошел по направлению к деревне Гриновцы. В этой деревне жили его знакомые евреи Бухеры, но так как уже было очень поздно, он не решился пойти к ним в дом и остался ночевать в поле. На следующий день он пошел в дом, и остался ночевать в поле. На следующий день он пошел в дом, но там стало известно, что крестьяне собираются на сход для обсуждения вопроса, как поступить с евреями, живущими в деревне. Он тогда ушел обратно в город, но так как там было неспокойно и своих родных он не нашел, то опять вернулся в деревню.

Он переночевал, а утром в понедельник туда явились гайдамаки и начали искать евреев. Тогда он с двумя молодыми людьми и одной девушкой побежали в лес, чтобы там спрятаться.

Однако, пробыв некоторое время в лесу, они решили, что будет более безопасно, если они отправятся в город, и они пошли по направлению к Проскуррову. По дороге они встретили трех крестьянских парней, возвращавшихся из города в деревню. Один из них был с винтовкой. Парни их остановили и осмотрели их документы, сказали: нам таких не нужно" и повернули в деревню. Он сам с крестьянином, который был с винтовкой сел на дровни; два других парня и двое молодых с барышней пошли пешком. Тут им встретились те трое гайдамаков, которые раньше приходили в деревню, а теперь возвращались в город. Гайдамаки их остановили. Парень с винтовкой в руках сошел с дровень и объяснил гайдамакам, что он везет обратно в деревню захваченных евреев. Тогда гайдамаки выхватили шашки и начали рубить шедших пешком молодых людей, в том числе и девушку. Все трое оказались убитыми. Увидев это Гальперин, оставаясь на дровнях, погнал лошадь и она понесла его по направлению к деревне. Один из гайдамаков бросился бежать, но не мог дотануть его. Отъехав на значительное расстояние, Гальперин сошел с дровень, побежал в поле и распростерся на снегу. Был туман и его нельзя было заметить. Однако через некоторое время около него оказались крестьянские подпостки, которые решили передать его, как еврея, гражданским властям. Они привели его в деревню Гриновцы, стаив с него по дороге браслетные часы. В Гриновцах же, где проживали Бухеры, все евреи оказались арестованными и его присоединили к ним.

Относительно деревни Гриновцы надо отметить следующее: В этой деревне проживали около 40 евреев, считая в том числе и детей. Все они носили фамилию Бухер и представляли собой потомство некого Бухера, недавно поселившегося в этой деревне. Между Бухерами и местными крестьянами всегда были добрососедские отношения. Тем не менее, когда весть о Прокуроровской ре-

не дошла до деревни, то молодые крестьяне решили разделиться и со своими евреями. Некоторые из них отправились в Проскурров и оттуда привели тех трех гайдамаков, о которых уже упомянуто. Узнав об этом все евреи попрятались, но крестьяне разыскали их, в числе 33 человек, и вместе с гайдамаками их окружили. Был поднят вопрос, разделиться ли с ними здесь или где-нибудь в другом месте. Гайдамаки прежде всего обыскали всех евреев и забрали у них все деньги и ценности, в общем на сумму свыше 30 тысяч рубл. Затем гайдамаки предложили их всех тут же перевешать, но старики-крестьяне заявили гайдамакам, что они сами расправятся со всеми жидами, но не здесь в деревне, а где-нибудь за селом. Евреев вместе со женами и детьми посадили на дровнях и повели по направлению к Проскуррову. По пути молодые крестьяне хотели с ними расправиться, но старые крестьяне настояли на том, чтобы передать их в руки властей, которые сами учинят расправу.

Их привезли в Проскурвовскую комендатуру, а оттуда проводили к станционному коменданту на вокзале. Тот, в свою очередь, препроводил их в штаб военно-полевого суда, но оттуда их обратно вернули в комендатуру, а оттуда в камеру для арестованных. Так как воля к реванше в Проскурове уже в значительной мере ослабела, то всех и решено было на следующее утро освободить. Не будучи освобождены, они уж больше в свои дома не вернулись. /см. показания Бухера, стр. 5/.

Что же касается Гальперина, то он во время всех этих переходов успел скрыться.

В случае чудесного избавления рассказывает также свидетель Марак. В воскресенье 15-го февраля он, как гласный думи, направился в Думу, чтобы присутствовать на памятном заседании где выступили Семосенко и Кривечук. По дороге он встретил гласного Штера и пошел вместе с ним. В это время они заметили, что за ними на извозчике гайдамацкий офицер гонится. Поравнявшись с ними, он соскочил с извозчика, выхватил шашку и бросился на них. Еще момент и посыпались бы удары шашкой.

28.
В эту минуту с противоположного тротуара кто то по имени окликнул офицера. Тот обернулся в противоположную сторону. Амара и Штер успели скрыться в ближайший дом и таким образом спаслись.

Должен сказать, что в городе наступило со среды 19-го февр. относительное спокойствие. Само собой разумеется, что евреи магазинов не открывали, так как им было не до того. Семосенко же издал приказ, чтобы магазины были немедленно открыты.

22-го февраля Семосенко выпустил наказ о том, что по имеющимся у него сведениям в Проскурове находятся много большевистских агитаторов, а потому он требует от населения, чтобы сегодня же до 8-ми час. вечера все эти агитаторы-большевики были выданы властям; в противном случае им будут приняты самые решительные меры. Вместе с тем он вновь требует, чтобы все магазины были немедленно открыты под страхом штрафа в 6 тысяч рублей с каждого торговца.

Евреи в этом наказе увидели новую придирку и новую угрозу. Чтобы задобрить Семосенко они собрали между собою сумму в триста тысяч рубл. и через городское самоуправление решили передать их для нужд гарнизона. Передачу этой суммы взял на себя городской голова Сикора, который так неудачно повел дело, что Семосенко, получив означенную сумму и зная, что она собрана исключительно евреями, счел, однако, возможным выпустить наказ, в котором писал, что им получено триста тысяч рублей не от евреев, а от всего населения Проскурова, которое он благодарит за то, что оно надлежащим образом оценило труд его казаков.

Центральным же властям он сообщил, что жители Проскурова в благодарность за введение порядка в городе и освобождение от большевиков внесли ему для нужд гарнизона триста тысяч рублей.

27-го февраля Семосенко выпустил наказ, который начинается словами: Жиды, до меня дошли сведения, что вы вчера

29.
62 3
хотели устроить собрание на Александровской улице для захвата власти и что через 4 дня вы готовитесь устроить такое же восстание, которое было 14-15 февраля. Затем следуют соответствующие угрозы. /см. т. III/.

Этим наказом евреи были окончательно ошеломлены, так как всем было известно, что никакого собрания не предполагалось и что евреи меньше всего думали о захвате власти. Они замешались и, первым делом, обратились к комиссару Верхолю. Верхолю же имел в своих руках некоторые данные, свидетельствующие о том, что кто-то в Проскурове распространяет провокационные слухи в своих корыстных интересах.

Надо заметить, что из Каменца в Проскуров была командирована комиссия для расследования бывшего погрома. Но Семосенко, как показывает Верхолю, своей властью комиссию расформировал и назначил свою комиссию для расследования не погрома, а большевистского выступления. Одним из наиболее деятельных членов этой комиссии оказался гайдамак Рохманенко, настоящая фамилия которого была Рохман. Этот Рохман, будучи, евреем, поступил, по его собственным словам в гайдамаки в качестве добровольца. Он выдавал себя за бывшего студента и за сына богатого кожевенного заводчика из Киева. Но, по собранным сведениям, он был человек мало интеллигентный, нуждающийся и живший раньше на средства, которые он добывал уроками по еврейскому языку. Этот Рохман втерся в доверие к Семосенко и был назначен в следственную комиссию в качестве члена Комиссии, возможность по своему усмотрению арестовывать людей и привлекать их к ответственности. Он арестовывал преимущественно сыновей богатых родителей и через другого еврея Грозера, у которого он проживал на квартире, получал за них выкуп/см. пок. Штера, стр. 7-9/

Верхолю удалось выяснить, что не только Рохманенко занимается шантажем, и вымогательством, но что взятки берут и другие члены Комиссии. Обо всем этом он сделал подробный

доклад Семосенко и настаивал, чтобы тот предоставил ему право арестовать их. Но Семосенко, после больших колебаний, дал согласие на арест Грохманенко, но наотрез отказался дать разрешение на арест других. Верховла произвел обыск у Рахманенко, отобрал у него 13.000 рубл. наличными деньгами, арестовал его и на допросе принудил сознаться в шантаже и вымогательстве. При этом Рахманенко объяснил, что получавшиеся им взятки он большей частью передавал начальнику Штаба Семосенко-Гаращенко. Верховла произведенное им дознание передал Семосенко, а самого Рахманенко передал в руки судебного следователя. Несмотря на неоднократные напоминания Верховлы, следственное производство велось крайне вяло, а затем оно куда то исчезло. На просьбы, обращенные к Семосенко, вернуть хотя бы акты дознания по делу, последние возвращены не были. Сам Рахманенко, будучи в тюрьме, хвастал, что никто не посмеет предать его суду, что он скоро будет свободен и тогда жестоко отомстит своим врагам.-

Когда началась эвакуация петлюровцев из Проскурова, решено было перевести Рахманенко из общей тюрьмы в другое место, так как спасались что его друзья его освободят и увезут. Во время перевода из тюрьмы кто то, из личной мести его застрелил. Так покончил свои дни этот авантюрист и отщепенец, который между прочим хвастал, что принимал активное участие в еврейской резне.

Само собою разумеется, что наказ Семосенко от 27-го февраля был издан под влиянием провокационной деятельности Рахман-Рахманенко и других членов пресловутой следственной комиссии, которым нужно было в своих корыстных интересах сеять панику и тревогу среди евреев.

Действительно евреи не выходили из состояния панического страха. Вместе с комиссаром Верховлой они обсуждали все меры, которые могли бы быть приняты для того, чтобы избавиться от Семосенко. Наконец Верховла обратился к пред-

седателю украинского национального союза - Мудрому, который состоял в дружеских отношениях с непосредственным начальником Семасенко - корпусным командиром Коновальцем, и просил оказать влияние на Коновальца в том смысле, чтобы Семосенко был переведен в другое место, так как при нем успокоение прокурорского населения невозможно. Верховла также заручился в этом отношении содействием Киверчука, который тяготился тем, что вся власть находится в руках Семосенко, которому он несомненно завидовал. Кроме того, Киверчук считал, что Семосенко, вырезав огромную часть еврейского населения, сделал свое дело и что больше в нем нет нужды. Вместе с Мудрым Верховла отправился в ставку Коновальцева и там добился от него приказа о сложении Семосенко обязанностей начальника гарнизона и о возвращении его на фронт. В свою очередь Киверчук также вскоре устранен от исполнения обязанностей коменданта города Проскурова и остался лишь комендантом прокурорского уезда.

Однако Семосенко медлил сложением своих обязанностей. Он предпринимал шаги, чтобы остаться в Проскурове и со своей стороны интриговал против Киверчука. Ему повидному было особенно неприятно то нравственное удовлетворение, которое даст евреям его уход. Но когда он убедился, что уход неизбежен, он воспользовался тем, что страдал осложненной венерической болезнью, созвал консилиум врачей и через своего адъютанта убедил их, чтобы они дали заключение в том, смысле, что ему, в интересах его здоровья, необходимо временно совершенно уйти от дел и эвакуироваться в какой-нибудь лазарет подальше от Проскурова /см.показ. д-ра Салитренника стр.41-48/.-

С большой помпой, в сопровождении санитаров и сестры милосердия Семосенко, наконец, покинул Проскуров.

Этот Семосенко, заливший еврейской кровью дома и улицы Проскурова был по описанию свидетелей, тщедушным молодым человеком 22-23 лет, начавшим свою службу вольноопределяющимся еще в царское время. С деланной серьезностью на лице он на всех производил впечатление человека полуинтеллигентного, нервного и неуравновешенного. Судя по некоторым его резолюциям на докладах, которые я видел, надо признать, что он в то же время был человеком

большой сообразительности и крайне решительный.

По приблизительному моему подсчету в Проскурове и в окрестностях было всего убито свыше 1200 чел. Кроме того, числа 600 с лишним раненых умерло свыше 300 человек.

Припоминая, что в первом своем наказе Семосенко грозил расстрелом на месте всякому, кто будет призывать к погрому, что этот наказ не был опубликован благодаря Киверчуку, когда тогда вообще воспретяствовал переходу власти - Семосенко, помянув также, что эту власть охотно Киверчук предоставил ему, когда он выразил готовность вырезать еврейское население, а кхожу к выводу, что Семосенко был главным образом, физическим исполнителем тех кровавых указов, которые разыгрались в Проскурове. Главным же вдохновителем проскуровской кровавой эпопеи является с моей точки зрения, полковник Киверчук - этот старый царский служака, несомненный погромщик и черносотенец.

За Проскуровым остается та печальная заслуга, что там устанавливается новая фаза с погромной техники.

Предшествующие погромы имели своей главной целью грабежи, т.е. расхищение еврейского имущества; на грабежами следовали убийства, но они все же были на втором плане.

На грабежи казаки смотрели, как на справедливую награду за свою верную службу, а в убийствах мирных и обезоруженных людей видели проявление своей доблести и личной удали.

Начиная с Прокурова основной целью погромов на Украине является сплошное вырезывание еврейского населения. Грабежи также широко практикуются, но отходят на второй план.

В Проскурове повторилась уманская резня времен Гонта. Разница лишь в том, что в Умани при Гонте резали поляков и евреев. В Проскурове же резали одних евреев при строгом нейтралитете со стороны поляков и прочих христиан.....

Переписано по новой орфографии.

Копия верна:

Сверляли сотруди. Центрархива Р.С.Ф.С.Р.

/ Архив Октябрьской Революции. Фонд № 1339, Всероссийского Центрального Еврейского Общественного Комитета по оказанию помощи пострадавшим от погромов и стихийных бедствий / Евобщестком//.

В таком же духе высказался и Коверчек. Тогда слово взял Верхола.

Считаю здесь необходимым сказать несколько слов о личности Верхола.

Верхола вышел из народа и образовался самоучкой. Он окончил художественное училище; учительствовал в народных школах; слушал лекции в университете. По своим убеждениям, он социал-демократ и украинец-патриот. При первой Раде он был избран гласным городской думы, а также председателем земской управы. Дважды он выполнял обязанности комиссара гор. Проскурова. Когда произошел переворот в пользу гетмана он, считая гетманскую власть реставрационной, не ошел возможным лично продолжать общественную и административную работы. Он сложил с себя все обязанности и ушел в частную жизнь. Верхола был очень популярен среди населения, а в особенности среди евреев. Когда начались крестьянские восстания против гетмана, австрийские власти арестовали Верхола, обвиняя его в организации этих восстаний. Он был увезен в Тарнополь, где просидел два месяца в тюрьме, а затем, когда его взяли в суд, - ему удалось с пути бежать, и он все время скрывался. В Проскуров он вернулся лишь 13 февраля, за два дня до резни. Ему немедленно по возвращении предложено было взять обратно свое заявление о сложении обязанности гласного думы, на что он согласился. Когда же началась резня, Верхола обрек себя на непрерывный труд, чтобы приостановить разыгравшиеся события.

Взяв слово после Семосенко и Киверчука, он обратился к думе с большей речью, в которой указал, что то, что произошло в Проскурове, является поворотом для Украины. Говоря о былых заслугах казачества, он доказывал, что в данном случае Семосенко, одели в казацкое платье разбойников, став их атаманом. Обращаясь к Семосенко он сказал: "Вы боретесь против большевиков, но разве те старики и дети, которых валя гайдамаки резали, являются большевиками. Вы утверждаете, что только

евреи дают большевиков. Разве вы не знаете, что есть большевики и среди других наций, а равно среди украинцев".

Он убеждает Семосенку, ради чести Украины, распорядиться о немедленном прекращении происходящих ужасов.

После Верховла высказался в кратких словах Райгородский, который от имени евреев всецело присоединился к его словам.

Семосенко возразил Верховле в тех же словах, в которых он высказался в первой речи. Он заявил, что борется не против стариков, женщин и детей, а исключительно против большевиков.

Глядя в упор на Верховлу, он сказал, что он, действительно, не сомневается, что и среди украинцев к несчастью имеются большевики, но он их не пощадит. Он из"являет согласие издать

приказ о прекращении того, что происходит, с тем, чтобы трупы убитых были без замедления преданы земле. Он также считает

необходимым поставить на вид городской думе, что та, зная о предстоящем большевистском восстании, его об этом не предупредила.

Против этого упрека возражали д-р Ставицкий и гласные думы.

Верхола снова взял слово, поблагодарил Семосенку за его готовность отдать приказ о прекращении этих ужасов, но настаивал, чтобы он вернул казаков, посланных в Фельц и др. места для учинения там еврейской резни.

На это Семосенко ответил, что в Фельц было такое же большевистское восстание, как и в Проскурове, и что оно должно иметь те же последствия, что и здесь. Однако, после долгих настояний, Семосенко из"явил согласие отозвать посланных казаков.

В том же заседании думы, в присутствии того же Семосенко и Киверчука, было постановлено, что охрана города передается авиационному отряду, с начальником которого Верховла успел уже переговорить. Раньше сам Верховла был избран заведующим этой охраны.

31
85
Не теряя времени, он отдал в типографии для напечатания следующее объявление: "По приказу атамана и с согласия его, выраженного в думе резня мирного населения прекращена. Казаки отозваны из города. Охрана города возложена на авиационный отряд, и дума гарантирует жителям полное спокойствие. Жизнь должна войти в норму. Отдан приказ расстреливать всех пойманных на месте грабежа, а также казаков, которые появятся в городе после 6-ти часов вечера".

Когда об"явление было набрано Верховла принес его оттиск в комендатуру для получения разрешения на расклейку его по городу. Но в комендатуре он был арестован, так как Семосенко и Киверчук нашли, что он не имел права выпускать такое об"явление, которое к тому же написано в неуместных выражениях.

По распоряжению Семосенко Верховла должен был быть отправлен на вокзал для суда над ним, что в сущности означало ДЛЯ РАССТРЕЛА. Но пришедшие в комендатуру городской голова Сикора и члены украинского национального союза, узнав о происшедшем об"явили Семосенку и Киверчуку, что такая расправа с Верховлой вызовет жестокую месть многих украинских организаций, его хорошо знающих.

В результате Семосенко распорядился, чтоб над Верховлой было произведено следствие, и он тут же был освобожден.

Взамен об"явления, которое предполагал выпустить Верховла, Семосенко издал наказ, в котором об"явил Проскуров и уезд на военном положении и запретил всякое движение на улице после 7-ми часов вечера.

В этом наказе он, между прочим, пишет: "Предупреждаю население, чтобы оно прекратило свои анархические выступления, так как у меня достаточно сил для борьбы с ними. На это я больше всего указываю жидам. Знайте, что вы, народ, всеми нациями нелюбимый, а вы производите такой беспорядок между крепкими людьми. Неужели вам не хочется жить. Неужели вам не жалко своей нации. Вас, если не трогают, то и сидите тихо, а то такая

4.
несчастная нация да еще бунтует бедный народ. В дальнейшем в том же наказ Семосенко требует, что все склады, магазины и лавки начали немедленно функционировать. Он также приказывает в трехдневный срок переписать все вывески по украински "чтобы я ни одной московской вывески не видел". "Вывески должны быть написаны литературно, заклейка букв строго воспрещается. Виновные в этом будут предаваться военному суду".

В тот же день выпущен был и другой наказ, в котором Семосенко пишет, что "в ночь с 14-го на 15-е февраля какие то неизвестные бесовские, нечестные люди подняли восстание против существующей власти. Люди эти, по имеющимся сведениям, принадлежат к еврейской нации и хотели в свои руки забрать власть, чтобы произвести путаницу в государстве военном аппарате и повести столь много перестрадавшую Украину к анархии и беспорядку. Были приняты самые решительные меры, чтобы восстание было подавлено. Возможно, что между жертвами есть много невинных, так как ничто не может быть без ошибки. Но кровь их должна пасть проклятием на тех, которые проявили себя провокаторами и авантюристами.

На следующий день был издан новый наказ, в котором Семосенко пишет, что печальный факт показал, что в час восстания большевиков 14-15 февраля местный гарнизон поддерживал большевиков, что солдаты этого гарнизона явно перешли на сторону большевиков. Поэтому он объявляет 15-й Белгородский и 8-й Подольский полки расформированными. Для принятия от них имущества и документов он назначает представителей 3-го гайдамацкого полка комиссию из запорожской бригады (Все эти наказания приобщены см. п.3).

Как видно из показаний Верхола, а равно других очевидцев убийства продолжались в течение трех дней. Однако после введения городской Думы массовая резня была прекращена. Но в течение всего дня воскресенья, а равно и в понедельник были многочисленные случаи отдельных убийств евреев, как в домах, так на улицах. Происходили также избиения евреев в окрестных дерев-

5. 66
нях, куда проникли Гайдамаки по собственному усмотрению или по приглашению крестьян. Евреи металсь во все стороны, ища выхода из положения. Больше всего они возлагали свои надежды на Верхола.

Так как комиссар Таранович давно уже тяготился своими обязанностями и просил об отставке, которая ему не давалась за отсутствием подходящего заместителя, то общественные деятели, главным образом, евреи просили Верхола принять на себя обязанности комиссара. Последний согласился, и он вместе с Тарановичем по прямому проводу вызвали Губернского комиссара, который хорошо знал Верхола по прежней его службе и охотно согласился заменить их Тарановича. Тут же было передано телеграфное распоряжение о назначении Верхола комиссаром, что, между прочим, было крайне неприятно Семосенко и Киверчку.

После своего вступления во власти Верхола выпустил два воззвания, в которых указывал, что "всякий призыв к национальной вражде, а особенно к погромам ложится позором на Украину и является препятствием для ее возрождения. Подобные призывы были всегда орудием для реакционеров. Всякое проявление со стороны сильнейшей нации насилия над слабейшей доказывает, что та нация не может воспринять тех форм, которые основаны на равенстве и братстве. Такие приемы только на руку врагам Украины, и он выражает надежду, что население не поддастся на такую провокацию. Он требует всех агитаторов, призывающих к погрому задерживать для предания военно-полевому суду (т.Ш).

В другом воззвании он требует, чтобы все награбленные вещи были снесены в комиссариат для возвращения их по принадлежности.

Как уже было упомянуто, в воскресенье предполагалось повторить субботний резню. 3 гайдамака, явившиеся в воскресенье утром в городскую управу, между прочим заявили, в присутствии Верхола, что им предоставлено резать евреев в течение трех дней.

7.
64

Но после воскресного заседания городской думы Семосенко действительно распорядился о прекращении резни, и в массовом масштабе она больше не повторилась. Но убийства отдельных евреев, как уже указано, повторялись в воскресенье и понедельник. Эти убийства были многочисленны.

По распоряжению Семосенко жертвы субботней резни должны были быть погребены в понедельник. Таким образом трупы оставались в домах и валялись на улицах с субботы до понедельника. Много трупов было загрызано свиньями.

В понедельник с утра многочисленные крестьянские подвалы с наваленными на них трупами, направились к еврейскому кладбищу. Трупы привозились в течении всего дня и заполняли собой все кладбище. По словам свидетелей Финкеля, (стр. I-4) он сам будучи на кладбище, насчитал выше тысячи трупов. Нанятые крестьяне копали на кладбище огромных размеров яму, которая должна была стать братской могилой для жертв резни. На кладбище, по словам того же Финкеля, появились мародеры, которые под разными предлогами подходили к трупам, ощупывали их и грабили. Явились также родственники убитых, разыскивали их трупы и вынимали из карманов ценности, во многих случаях весьма значительные, но очень много трупов оказались уже раньше ограбленными. Находили женщин с отрезанными на руках пальцами, на которых, очевидно, были кольца. Похоронами распоряжался надзиратель Добровольский, которому было приказано, чтобы к ночи ни одного трупа, не осталось непогребенным. Однако, похоронить все трупы удалось лишь в 4 часа утра во вторник.

Надо добавить, что, кроме общей братской могилы, были выкопаны еще 4 могилы поменьше, в которых также похоронено много трупов. Некоторым удалось похоронить своих родственников в отдельных могилах.

Как уже указано, отдельные убийства евреев продолжались и в последующие дни, как в Проскурове, так и в окрестностях. Много

людей было убито по дороге к ближайшим местечкам, в поле и в лесу; убивались также и евреи в ближайших селах и деревнях.

Кроме тех евреев, которых убивала разнузданная гайдацкая чернь, сами власти многих евреев арестовывали под предлогом, что они большевики, а затем расстреливали. В этом отношении особенно проявил себя помощник Киверчука-Ковалевокии, они местного домовладельца, крайне испорченный и жестокий молодой человек (см. пок. Сары Гельман, стр. 13-15).

Весьма интересно в этом отношении показание свидетеля Цацкиса, который вместе с другими 10 лицами был поставлен к расстрелу, но спасся какими-то чудом. Этот Цацкис, о котором уже много упоминалось, в воскресенье утром, олетый в крестьянское платье, подслушал заявление гайдамаков обращение к толпе христиан о том, что с двух часов будут повторять вчерашнюю резню. Услышав эти слова отправился в дом своих родителей, живших на Александровской улице возле комендатуры, чтобы предупредить их о предстоящей резне. В доме кроме своих родителей и сестер он застал своего младшего брата, еще двоюродного брата и одного дальнего родственника. Из окна они вскоре увидели, как к дому приближается пять гайдамаков с помощником коменданта Ковалевокии. Этот Ковалевокии был хорошо знаком с его младшим братом и дал даже ему разрешение на право ношения револьвера. Старика-отца и бывших в доме женщин они наскоро спрятали на чердаке, сами же открыли дверь гайдамакам. Вошедший Ковалевокии заявил, что он пришел искать в доме тайный аппарат и оружие. Брат ему заметил, что аппарата в доме нет и что у него имеется револьвер с разрешением того же Ковалевокии. Это револьвер, а равно и разрешение, он тут же ему передал. Ковалевокии сделал вид, что ищет под кроватями аппарат, а затем приказал им всем следовать за ним. На указание, что они не могут оставить дом и что необходимо

кому-нибудь остаться, - он, после долгих просьб, согласился
оставить в доме их дальнего родственника. Два гайдамака
остались в квартире, а трое отвели их в комендатуру и помес-
тили в камеру, где уже было много арестованных, как евреев,
и христиан, заподозренных в большевизме. В продолжении
дня туда прибывали много новых арестованных, и, наконец,
их привели и его отца. Оказалось, что оставшиеся в доме
гайдамака забрались на чердак и арестовали там отца. К
оказалось в этой камере 32 христианина и 16 евреев. Над арестованными
всячески издевались, но особенно жестоким издеватель-
ствам подвергся один поляк, бывший помещик. Его все время
избивали шомполами и подвергали другим истязаниям. Стали
вызывать отдельных лиц к допросу, вызвали также его брата.
Допрашивал также Ковалевский. Но это был не настоящий допрос,
а лишь одна его видимость, так как вопросы предлагались са-
мые несерьезные. На следующий день, около 5 часов вечера их
арестованных вывели на улицу и построили в шеренгу, отдельно
христиан, отдельно евреев. К группе евреев подошел один
гайдамак и торжествующе сказал: "Ну жида, больше к нам
не вернетесь, всех вас отправим в земельный комитет", что на
языке гайдамаков означало "отправим на тот свет". Всех арестованных
повели к вокзалу, а по дороге продолжали над ними издеваться,
особенно над тем же поляком. На вокзале их всех поместили
в отдельный вагон. Вечером начали по очереди вызывать
христиан. Их, оказывается, вызывали в соседний вагон, где три
подвыпивших казака о чем то спрашивали их, а затем переводили
в третий вагон. Прошло некоторое время и из вагона вывели евреев,
в том числе и брата Цацкиса. Когда в продолжении часа
они обратно не вернулись и о них никаких сведений не поступило,
то оставшиеся евреи поняли, что их повели на расстрел. Как
указано, христиан после опроса поместили в другой вагон, только
одного из них вернули обратно, в тот вагон, где остались
евреи. Часов около 10 вечера всех их, т.е. 10 евреев и одного
русского вывели из вагона на полотно жел. дор. Евреев отвели

2.
68
в сторону и первым делом обыскали и забрали деньги. Затем всех
поставили в два ряда и повели к откоосу реки на расстоянии 4
верст от места, где стояли вагоны. Было ясно, что их ведут на
расстрел. По дороге шедший с ним рядом гайдамак ошупал его
тулуп. Он заметил: "что смотришь, хорошая ли тебе шкура после
меня останется". На это гайдамак пригрозил ему прикладом,
крикнул: "молчи, жидога, а то набью тебя прикладом". Шедший
впереди его отец, улыбаясь эти пререкания, обратился к нему по-
еврейски с просьбой не спорить, дабы они над ним перед смер-
тью не издевались. Всех, наконец, привели к откоосу и велели
снять с себя платье и сапоги. Они все остались в одном белье.
Он просил разрешения проститься с отцом. Ему разрешили. Он
подошел к отцу и, взяв его за руку, вместе с ним стал выкри-
кивать слова предсмертной молитвы, упоминая в ней имена своих
детей. Затем всех поставили в одну шеренгу лицом к реке, а
позади их раздалась команда и были даны 3 залпа. Все упали,
в том числе и он сам. Раздалось стоны и крики раненых. Гайда-
маки подбежали и стали прикалывать стонавших. Особенно дол-
го им пришлось возиться с русским, который упорно боролся со
смертью. Наконец все стихло. Казаки ушли. Цацкис начал себя
ощущать и удивился, что он не только жив, но и не ранен.
Убедившись, что никого вблизи нет, он бросился стремглав бе-
жать по направлению к ближайшей деревне. В одном месте, про-
ходя по реке, он провалился сквозь лед и очутился по колено
в воде. Но ни усталости, ни холода он не ощущал. Он, наконец,
добрался до деревни и пришел в дом знакомого крестьянина, раз-
будил его и рассказал о всем случившемся. Крестьянин плакал,
слушая его рассказ, но советовал ему у него не оставаться, в
виду близости города. Он дал ему сапоги и платье, и тот на-
правился в следующую деревню, а оттуда благополучно добрался
до м. Меджибож.

Были и другие случаи чудесного избавления от нависшей

911.
пить с евреями, живущими в деревне. Он тогда ушел обратно в город, но так как там было беспокойно и своих родных он не нашел, то опять вернулся в деревню.

Он переночевал в деревне, а утром в понедельник туда явились гайдамаки и начали искать евреев. Тогда он с двумя молодыми людьми и одной девушкой побежали в лес чтобы там спрятаться.

Однако пробыв некоторое время в лесу, они решили, что будет более безопасно, если они отправятся в город и они пошли по направлению к Проскурову.

По дороге они встретили трех крестьянских парней, возвращавшихся из города в деревню. Один из них был с винтовкой. Парни их остановили и осмотрев их документы сказали: "нам таких то и нужно" и повернули их обратно в деревню. Он сам с крестьянином, который был с ружьем сел на дровни; два других парня и двое молодых с барышней пошли пешком. Тут их встретились трое гайдамаков, которые раньше приходили в деревню, а теперь возвращались в город. Гайдамаки их остановили. Парень с винтовкой в руках сошел с дровень и объявил гайдамакам, что он везет обратно в деревню захваченных евреев. Тогда гайдамаки выхватили шапки и начали рубить медких пешком молодых людей, в том числе и девушку. Все трое оказались убитыми. Увидев это Гальперин, оставаясь на дровнях погнался лошадь и она понесла его по направлению к деревне. Один из гайдамаков бросился бежать, но не мог его догнать. Отъехав на значительное расстояние Гальперин сошел с дровень побежал в поле и распростерся на снегу. Был туман и его не легко было заметить. Однако, через некоторое время около него оказались крестьянские подростки, которые решили перелать его, как еврея, гражданскими властям. Они привели его в деревню Гриневцы, ставив с него по дороге браслетные часы. В Гриневцах же, где проживали Бухары, все евреи оказались арестованными и его присоединили к ним.

В этом отношении весьма интересен рассказ молодого человека Гальперина (стр. 31-34), который 4 раза был поставлен лицом к лицу смерти, но каждый раз спасался.

Он был учеником коммерческого училища, а перед погромом состоял в квартальной охране. Одет он был в солдатскую шинель и шапку.

В субботу после обеда, когда на улице уже валялись трупы зарезанных людей он отправился к своему дому, находящемуся в конце города, по направлению к деревне Заречью. Недалеко от его дома он встретил толпу гайдамаков, и один из них его остановил и спросил - жид ли он или русский. Он ответил, что русский. Тот потребовал документ и он ему показал ученический билет коммерческого училища, в котором вероисповедание обозначено не было. Казак повертел документ, отнесся к нему несколько подозрительно, но потом сказал: "ну, иди". Когда затем на Гальперина бросились другие казаки, первый из крикнул: "пустите, это русский". Гальперин подошел к своему дому, который оказался запертым: и с выбитым окном. Он не решался войти в дом. Впоследствии он только узнал, что его родные спрятались и не пострадали. Зато живший в том же доме богатый еврей Влехман оказался со всей своей семьей, состоявшей из 6 человек, зарезанным ограбленным. Гальперин отправился в ближайшую деревню Заречье и зашел к своему знакомому еврею Розенфельду. Около 9-ти часов вечера начали ломиться в дверь и в дом ворвались крестьянские парни, которые набросились на старика Розенфельда и убили его. Сам он вместе с сыном Розенфельда бросился бежать по направлению к лесу. Не будучи в состоянии долго бежать он остановился. Парни его окружили и выстрелили в него, но убедившись, что он не ранен, они решили отвезти его в город и отдать в руки гайдамакам. Как раз в это время из города явился один крестьянин и стал рассказывать о том, что там происходит. Парни остановились чтобы послушать пришедшего и Гальперину удалось в это время скрыться. Он тогда пошел по направлению к деревне Гриневцы. В этой деревне жили его знакомые евреи Бухары, но так как было уже поздно, он не решился пойти к ним в дом и остался ночевать в поле. На следующий день он пошел в дом, но там стало известно, что крестьяне собираются на сход для обсуждения вопросов, как посту-

Относительно деревни Гриновцы надо отметить следующее:
В этой деревне проживало около 40 евреев, считая в том числе и детей. Все они носили фамилию Бухер и представляли собой потомство некоего Бухера, издавна поселившегося в этой деревне. Между Бухерами и местными крестьянами всегда были добрососедские отношения. Тем не менее, когда весть о Проскуровской резне дошла до деревни, то молодые крестьяне решили разделаться и со всеми евреями. Некоторые из них отправились в Проскуров и оттуда привели и тех трех гайдамаков, о которых уже упоминалось. Узнав об этом все евреи попрятались, но крестьяне разыскали их, в числе 33 человек и вместе с гайдамаками их окружили. Выл поднят вопрос, разделаться ли с ними здесь, или гденибудь в другом месте. Гайдамаки прежде всего обыскали всех евреев и забрали у них все деньги и ценности, в общем на сумму свыше 30 тысяч рублей. Затем гайдамаки предложили их всех тут же перерезать. Но старики-крестьяне заявили гайдамакам, что они сами расправятся со своими жидками, но не здесь в деревне, а гденибудь за селом. Евреев вместе с женами и детьми посадили на дровни и повезли по направлению к Проскурову. По пути молодые крестьяне хотели с ними расправиться, но старые крестьяне настояли на том, чтобы передать их в руки властей, которые сами учинят расправу.

Их привели в проскуровскую комендатуру, а оттуда перепроводили к станционному коменданту на вокзале. Тот, в свою очередь, перепроводил их в штаб военно-полевого суда, но оттуда их обратно вернули в комендатуру, а оттуда в камеру для арестованных. Так как воля к резне в Проскурове уже в значительной мере ослабела, то всех их решено было на следующее утро освободить. Но будучи освобождены, они уж больше в свои дома в Гриновцах не вернулись (см. показ. Бухером. Стр. 5).

Что же касается Гальперина, то он во время всех этих переходов успел скрыться.

О случае чудесного избавления рассказывает также свидетель Маранц. В воскресенье 15-го февраля он, как гласный думы, напра-

18.
70
визился в Думу чтобы присутствовать на памятной заседании, где выступали Семосенко и Киверчук. По дороге он встретил гласного Штера и пошел вместе с ним. В это время они заметили, что за ними на извозчике гонится гайдамацкий офицер. Порывавшись с ними, он соскочил с извозчика выхватил шапку и бросился на них. Еще момент и посыпался бы улары шапкой. В эту минуту с противоположного тротуара кто то по имени окликнул офицера. Тот обернулся в противоположную сторону а Маранц и Штер успели скрыться в ближайший дом и, таким образом, спаслись.

Должен сказать, что в городе наступило со среды 19-го февраля относительно спокойствие. Само собой разумеется, что евреи магазинов не открывали, так как им было не до того. Семосенко же издал приказ о том, чтобы магазины были немедленно открыты.

22-го февраля Семосенко выпустил приказ о том, что, по имеющимся у него сведениям, в Проскурове находится много большевистских агитаторов, а потому он требует от населения, чтобы сегодня же до 8-ми часов вечера все эти агитаторы-большевики были выданы властям; в противном случае им будут приняты самые решительные меры. Вместе с тем он вновь требует, чтобы все магазины были немедленно открыты под страхом штрафа в 6 тысяч рублей с каждого торговца.

Евреи в этом наказе увидели новую придирку и новую угрозу

Чтобы задобрить Семосенку они собрали между собой сумму в 300 тысяч руб. и через городское самоуправление решили передать их для нужд гарнизона. Передачу этой суммы взял на себя городской голова Сикора, который так неудачно повел дело, что Семосенко, получив означенную сумму и зная, что она собрана исключительно евреями, счел, однако, возможным выпустить наказ, в котором писал, что им получено триста тысяч рублей не от евреев, а "от всего населения Проскурова", которое он благодарит за то, что оно надлежащим образом оценивает труды его казаков.

Центральным же властям он сообщил, что жители Проскуро-

14.
ва в благодарность за введение порядка в городе и освобождение его от большевиков внесли ему для нужд гарнизона триста тысяч рублей.

27 февраля Семосенко выпустил наказ, который начинается словами: "Жиды, до меня дошли сведения, что вы вчера хотели устроить собрание на Александровской улице для захвата власти и что через четыре дня вы готовитесь устроить такое же восстание, которое было 14-15 февраля". Затем следует соответствующая угроза. (См. т. Ш).

Этим наказом евреи были окончательно ошеломлены, так как всем было известно, что никакого собрания не предполагалось и что евреи меньше всего думали о захвате власти. Они заметались и, первым делом, обратились к комиссару Верхоле. Верхола же имел в своих руках некоторые данные, свидетельствующие о том, что кто-то в Проскурове распространяет провокационные слухи в своих корыстных интересах.

Надо заметить, что из Каменца в Проскуров была командирована комиссия для расследования бывшего погрома. Но Семосенко, как показывает Верхола, своей властью комиссию расформировал и назначил свою комиссию для расследования не погрома, а большевистского выступления. Одним из наиболее деятельных членов этой комиссии оказался гайдамак Рохманенко настоящая фамилия которого была Рохман. Этот Рохман, будучи евреем, поступил, по его собственным словам в гайдамаки, в качестве добровольца. Он выдавал себя за бывшего студента и за сына богатого кожевникового заводчика из Киева. Но, по собранным мною сведениям, он был человек мало-интеллигентный, нуждающийся и живший раньше на средства, которые он добывал уроками по еврейскому языку. Этот Рохман втерся в доверие к Семосенко, был назначен в следственную комиссию, в качестве члена комиссии, получив возможность по своему усмотрению арестовать людей и привлекать их к ответственности. Он арестовывал преимущественно сыновей богатых родителей и через другого еврея Прохера, у которого он проживал на

16. 41
квартире, получал за них выкуп (См. пок. Штера, стр. 7-8).

Верхоле удалось выяснить, что не только Рохманенко занимается шантажом, вымогательством, но что взятки берут и другие члены комиссии. Обо всем этом он сделал подробный доклад Семосенко и настаивал, чтобы тот предоставил ему право арестовать их всех. Но Семосенко, после больших колебаний, дал согласие на арест Рохманенко, но наотрез отказался дать разрешение на арест других. Верхола прокатил обход у Рохманенко, отобрал у него 13 тысяч рублей наличными деньгами, арестовал его и на допросе принудил сознаться в шантажах и вымогательствах. При этом Рохманенко объяснил, что получавшиеся им взятки он большей частью передавал начальнику штаба Семосенко-Гарашенко. Верхола произведенное им дознание передал Семосенко, а самого Рохманенко передал в руки судебного следователя. Несмотря на неоднократное напоминание Верхоле, следственное производство велось крайне вяло, а затем оно куда-то исчезло. На просьбы, обращенные к Семосенко, вернуть хотя бы акты дознания по делу, последние возвращены не были. Сам Рохманенко, будучи в тюрьме, хвастал, что никто не посмеет предать его суду, что он скоро будет свободен и тогда жестоко отомстит своим врагам.

Когда началась эвакуация петляровцев из Проскурова, решено было перевести Рохманенко из общей тюрьмы в другое место, так как опасались, что его друзья его освободят и увезут. Во время перевода из тюрьмы кто-то, из личной мести, его застрелил. Так покончил свои дни этот авантюрист и отщепенец, который, между прочим, хвастал, что принимал активное участие в еврейской резне.

Само собой разумеется, что наказ Семосенко от 27-го февраля был издан под влиянием провокационной деятельности Рохмана-Рохманенко и других членов в своих корыстных интересах сеять панику и тревогу среди евреев. Действительно, евреи не выходили из состояния панического страха. Вместе с комиссаром Верхолой они обсуждали все меры, которые могли бы быть приняты для того, чтобы изба-

16.
виться от Семосенко. Наконец Верховла обратился к председателю украинского национального союза-Мудрому, который состоял в жестких отношениях с непосредственным начальником Семосенко - корпусным командиром Коновальцем и просил оказать влияние на Коновальца в том смысле, чтобы Семосенко был переведен в другое место, так как при нем невыносимо успокоение Проскуровского населения. Верховла также заручился в этом отношении содействием Киверчука, который тяготился тем, что вся власть находится в руках Семосенко, которому он несомненно завидовал. Кроме того Киверчук считал, что Семосенко, вырезав огромную часть еврейского населения, сделал свое дело и что больше в нем нет нужды. Вместе с Мудрым Верховла отправился в штаб Коновальца и там добился от него приказа о оложении Семосенко обязанностей начальника гарнизона и о возвращении его на фронт. В свою очередь Киверчук был также вскоре устранен от исполнения обязанностей коменданта города Проскурова и остался лишь комендантом проскуровского уезда.

Однако Семосенко медлил сложением своих обязанностей. Он предпринимал шаги, чтобы остаться в Проскурове и с своей стороны интриги против Киверчука. Ему повидимому было особенно неприятно то нравственное удовлетворение которое даст евреям его уход. Но когда он убедился, что этот уход неизбежен, он воспользовался тем, что страдал осложненной венерической болезнью, созвал консилиум врачей и через своего адъютанта убедил их, чтобы они дали заключение в том смысле, что ему в интересах его здоровья, необходимо временно совершенно уйти от дел и эвакуироваться в какой нибудь лазарет подальше от Проскурова (см. показ. д-ра Салитренника стр. 41-43).

С большой помпой, в сопровождении санитаров и сестры милосердия Семосенко наконец покинул Проскуров.

Этот Семосенко, залитый еврейской кровью дома и улицы Проскурова был по описанию свидетелей, тщедушным молодым человеком 22-23 лет, начавшим свою службу вольноопределяющимся еще в царское время. С деланной серьезностью на лице он на

17.
всех производил впечатление человека полунтelligentного, нервного и неуравновешенного. Судя по некоторым его резолюциям на докладах, которые я видел, надо признать, что он в то же время был человеком большой сообразительности и крайне решительный. По приблизительному моему подсчету в Проскурове и в его окрестностях было всего убито свыше 1200 человек. Кроме того, из числа 600 с лишним раненых умерло свыше 300 человек.

Припоминая, что в первом своем наказе Семосенко грозил расстрелом на месте всякому, кто будет приходить к погрому и что этот наказ не был опубликован благодаря Киверчуку, который тогда вообще воспрепятствовал переходу власти к Семосенко; припоминая также, что эту власть охотно Киверчук предоставил ему, когда он выразил готовность вырезать еврейское население, - я прихожу к выводу, что Семосенко был, главным образом, физическим исполнителем всех кровавых ужасов, которые разыгрались в Проскурове. Главным же вдохновителем проскуровской кровавой эпопеи является, с моей точки зрения, полковник Киверчук - этот старый царский слуга, несомненный погромщик и черносотенник...

За Проскуровым остается та печальная заслуга, что им устанавливается новая фаза погромной техники.

Предшествующие погромы имели своей главной целью грабежи, то есть расхищение еврейского имущества: за грабежами следовали убийства, но они все же были на втором плане.

На грабежи казаки смотрели, как на справедливую награду за свою верную службу, а в убийствах мирных и безоружных людей они видели проявление своей доблести и личной удачи.

Начиная с Проскурова основной целью погромов на Украине является сплошное вырезывание еврейского населения. Грабежи также широко практикуются, но отходят на второй план.

В Проскурове повторилась уманская резня времен Гонты. Разница лишь в том, что в Умане при Гонте резали поляков и евреев. В Проскурове же резали одних евреев при строгом нейтралитете со стороны поляков и прочих христиан.....

М. Фельштин, Подольской губернии.

Погром 16-го февраля.

Фельштинский погром надо рассматривать не как самостоятельный погром, а лишь как эпизод прокурвовской резни.

Как указано мною в докладе о Прокурове, часть воюющих солдат в ночь с пятницы на субботу 15 февраля отправилась по дороге в Фельштин чтобы поднять там восстание.

Явившись туда, они первыми делом арестовали начальника милиции и всем об"явили, что в Прокурове произошел большевистский переворот, и что такой же переворот должен произойти во всем прокурвовском уезде, но вскоре они освободили начальника милиции и от него, как и от других лиц, стоявших во главе административных и общественных учреждений, отобрали подписку в том, что те беспрекословно подчинятся вновь организуемой большевистской власти.

Однако в тот же день 15 февраля они узнали, что большевистское восстание в Прокурове провалилось, тогда они спешно покинули Фельштин и рассеялись по разным направлениям.

Этот эпизод с большевистским выступлением крайне взволновал местное еврейское общество. Вечером же это волнение усилилось, когда стали доходить смутные о происходящих в Прокурове событиях. Тревога евреев еще больше усилилась на следующий день в воскресенье, когда эти слухи стали еще более определенными.

Евреи тогда обратились к начальнику милиции с просьбой усилить охрану. Тот обещал пригласить в помощь местной охране крестьян с соседнего села Поречья, а также из Прокурова, на что он от евреев получил соответствующую сумму денег. Действительно в понедельник утром из Поречья явились вооруженные крестьянские парни, которые окружили местечко.

Это то и была та вспомогательная охрана, которую набрал начальник милиции. Сам он утром в понедельник уехал в Прокуров. Он вернулся в шестом часу вечера и волею за ним появились казаки с "красными штыками", т.е. те самые гайдамаки, которые, как уже определенно было известно в Фельштине, резали евреев в Прокурове

17.
75
Евреи поняли, что они обречены на резню и начали прятаться, кто куда мог. Большинство попало в погребах и на чердаках. Многие хотели бежать из местечка, но окружавшая местечко охрана, приглашенная начальником милиции из Поречья, никого из евреев не пропустила. Евреи, таким образом, оказались окруженными. Ночь прошла крайне тревожно. Иредка раздавались отдельные выстрелы.

// Архив Октябрьской Революции. Фонд № 1339 Всероссийского Центрального Еврейского Общественного Комитета по оказанию помощи пострадавшим от погромов и стихийных бедствий (Евобществон) // Переписано по новой орфографии.

Копия верна:

Сверили сотрудн. Централрхива Р.С.Ф.С.Р. *Мозинский*
М. Суворова

44

По показанию свид. Ланда, дом которого выходит на площадь главной улицы местечка, он из окна квартиры видел, как на площади собралось несколько сот гайдамаков, а с ними вместе были многие крестьянские подводы, прибывшие из окрестных деревень. Утром, приблизительно около 7-ми часов он услышал звук рожка и увидел как на площади гайдамаки строятся в ряды. Кто-то им сказал речь, после которой они рассыпались по городу. Вскоре до него стали доноситься крики убиваемых людей. К нему самому вошли 4 гайдамака и один из них замахнулся на него пашкой, но другой его остановил. От него потребовали денег, и он отдал около 6 тысяч рублей, уверяя, что больше у него нет, и, предлагая взять все его вещи, но оставить ему жизнь. Вещей они не взяли и направились к выходу. Тот самый гайдамак, который остановил своего товарища, грозившего ему пашкой, уходя сказал ему: "Ты лучше спрячься, так как придут другие и тебя, наверное, зарежут".

Ланда, который был один в квартире, т.к. свою жену и единственную дочь он предварительно отправил в другое место, при помощи этого гайдамака взобрался на чердак по приставной лестнице, которую тот же гайдамак потом подал ему на чердак, куда он ее и запрягал. С чердака Ланда мог наблюдать все те ужасы, которые происходили в Фельштинне. Он видел, как убивали стариков и детей, которых вытаскивали из домов. Спустя много времени, он возле своего дома заметил труп женщины, и предположив, что это его жена, соскочил с чердака, чтобы посмотреть на труп. Он убедился, что это не его жена, но обратно в свою квартиру войти не решился, т.к. на чердак уже не мог взобраться в виду того, что на чердаке осталась лестница. Он тогда вбежал в дом русского соседа и просил его прикрыть, но оттуда его вытолкали. Тогда он вбежал на чердак соседнего дома и там спрятался в соломе. Это заметили два парня из поричской охраня. Они погнались за ним, взобрались на чердак, но его не нашли, они пытались поджечь солому, но это им не удалось.

Другой свидетель, Свинояр, ^{недавно} вернувшийся с фронта, рассказывает, что он со своей матерью и сестрами прятался у себя дома и что у них перебивало несколько гайдамацких групп, от которых

он откупался деньгами. Когда явилась последняя группа у него уже денег не оказалось. Он вышел к ней на улицу и стал умолять, чтобы его пощадил. Он прибег к хитрости и, обращаясь к одному гайдамаку заявил, что он вместе с ним лежал в окопах во время войны. Гайдамак стал в него всматриваться, затем перевел взор на его ноги и сказал: "У тебя хорошие сапоги, отдай мне их". Тот охотно согласился и вместе с гайдамаками вошел в дом, где он снял свои сапоги. Гайдамак в свою очередь, снял свои и вынул его сапоги. Затем он вынул из кармана свежие портянки и передал их Свицеру и помог ему надеть его старые сапоги. Получив еще галоши, он обратился к своим товарищам со словами: "Не будем же мы резать человека, с которым я сидел в окопах." Гайдамаки ушли. К вечеру Свицер со своими домашними, не зная, что резня уже кончилась решил больше в квартире не оставаться и, пробравшись сквозь трупы по улицам, они все выбрались из местечка и всю ночь провели в поле. Они вернулись на следующий день, когда узнали, что в местечке спокойно. Свицер тогда отправился на квартиру своего брата, бывшего председателем Еврейской Общины; с трудом, шагая через трупы, добрался до его квартиры и там увидел своего брата, его жену, ее родителей, а также еще несколько человек, прятанных в этом доме - всех зарезанными.

Свид. Креймер рассказывает, что он был в Проскурове и во время происходившего там погрома. Спасая свою жизнь, он в воскресенье 16 февраля в 12 час. дня отправился пешком в Фельштин, где он постоянно проживает, но в деревне Малинички он был арестован милиционером и препровожден в милицию. Начальник милиции объявил, что он должен его препроводить обратно в Проскуров в комендатуру. На указание, что там его расстреляют, и на просьбу не посылать его туда, начальник милиции ответил, что он сам подвергается большому риску, если он этого не сделает. Он показал ему телеграмму, полученную им от Проскуровского Команданта Киверчука о том, чтобы всех агитаторов и евреев расстреливать на месте или препровождать для расстрела к нему в Проскуров.

В это время милиционеры привели целую семью, которая таким же образом спаслась из Проскурова, направляясь в Фельштин.

75
Но на вопрос откуда и куда эта семья следует, глава семьи договорился ответить, что они направляются из Фельштейна в Проскуров. Тогда начальник милиции распорядился препроводить эту семью обратно в Фельштейн. Этим воспользовался свидетель Креймер и тут же в присутствии начальника просил эту семью сообщить его родным в Фельштейне о том опасном положении, в котором они оказались и просить их, чтобы они не останавливались ни перед какими средствами, чтобы спасти его. После этого начальник согласился оставить его в деревне до следующего утра. Но через некоторое время, и приблизительно часа через два, милиционеры привели еще 16 евреев из Проскурова. Тогда начальник милиции заявил, что текущую массу людей он не может оставить до утра у себя и решил всех их, в том числе и Креймера, немедленно отправить в Проскуров. Их уже посадили на повозки, но в это время из Фельштейна позвонили по телефону и знакомый начальник милиции настоятельно просил его за Креймера. Тогда вновь было решено оставить всех до утра в деревне. Вечером Креймеру удалось переговорить с одним местным евреем, который от имени его и еще 4 евреев вошел в переговоры с начальником милиции об отпуске их в Фельштин за определенную сумму. Была условлена сумма в 5 тысяч рублей, которая была внесена. Благодаря этому Креймеру и еще 4 евреям с семьями последних удалось на повозках уехать в Фельштин. Прочие же евреи, не имевшие денег, чтобы уплатить по тысяче рублей, были препровождены обратно в Проскуров.

В Фельштин Креймер прибыл в понедельник днем, а вечером туда прибыли гайдамаки. Он успел заблаговременно отправить своих родных в ближайшее село, а сам он спрятался в погреб, где провел всю ночь, а также весь следующий день. Сквозь щели досок, которыми был прикрыт погреб, он наблюдал отдаленные эпизоды происходившей резни, а также видел, как милиционеры, а особенности крестьяне, грабили товары из магазинов, а также имущество из домов.

Свид. Швейдер утверждает, что такие же телеграммы, какая была получена от Киверчука начальником милиции в Малиничках, были разосланы по другим селам и деревням, а что благодаря этому мно-

гие евреи были расстреляны на местах. Ему известно, что бежавшая из Фельштыне еврейка Бровер с детьми также была предпринята для расстрела, но откупилась за большие деньги.

По словам того же свидетеля Шнейдера, будучи хорошо знаком с начальником почтово-телеграфной конторы, который вместе с тем заведывал местным информационным бюро, он в понедельник в 12 час. дня отправился к нему, осведомиться о положении. При нем начальника вызвали из Проскурова по прямому проводу. Он оставался у аппарата около часа. Когда он вернулся, Шнейдер обратился к нему с вопросом: "что же Вам сообщают из Проскурова". Тот ответил, что гайдамаки пошли по всему Проскуровскому уезду и, вероятно, будут и в Фельштыне. Не вопрос, что же будет в Фельштыне, неужели повторение проскуровских ужасов, тот дал уклончивый ответ. Не повторенные же вопросы он ничего не ответил. Тогда Шнейдер стал с ним торопливо прощаться, чтобы сообщить о слышанном евреям. Когда он уходил начальник ему сказал: "Заходите вечером". Но Шнейдер в сердцах ему ответил, что ему в такое время некогда ходить по гостям.

Недо заметить, что вечером уже пришли гайдамаки, которые все равно не выпускали евреев из домов. Шнейдер провел ночь с шестидесятилетним на вторник, весь день вторника и ночь на среду в погребе, где прятался, не зная, что резня к двум часам дня во вторник уже была закончена. Он вышел из погреба лишь утром в среду, но и тогда еще трупы в изобилии валялись на улицах. Он стал помогать раненым и с этой целью отправился в земскую больницу. Там также находился начальник милиции, и Шнейдер был невольным свидетелем следующего разговора начальника милиции с губернским начальником из Каменца. Очевидно на вопрос из Каменца о бывших в Фельштыне событиях, начальник милиции докладывал: "В понедельник утром явились казаки, которые назвали себя гайдамаками. Атаман их обрелся ко мне с предложением не мешать поступить с евреями так, как им заслегорассудится. И когда он меня спросил, согласен ли я на это, - я ему ответил: "у меня сил против вас нет, и я вам мешать не могу".

Далее он сообщил о происшедшей резне в местечке и указал, что число убитых около 500. "Перед тем, как покинуть местечко", сообщил он, "тот же атаман сказал мне не мешайте крестьянам сделать то, что сочтут нужным. Пусть заберут то, что жиды за долгое время выносили из народа." И крестьяне действительно приехали с поводами и забрали еврейское имущество.

В Фельштыне собралось несколько сотен гайдамаков, т.е., очевидно, все те гайдамаки, которые были в Проскурове, т.к. весь третий гайдамацкий полк состоял всего из нескольких сотен.

Характерно, что некоторые из прибывших в Фельштыне вечером в понедельник гайдамаки приходили в еврейские квартиры и просились на ночлег. Им не только предоставили ночлег, но обильно угостили ужином и сластями. Эти гайдамаки вели себя чинно и даже учтиво. Они уверяли, что придли в Фельштыне без всяких злых намерений и что на следующий день уйдут обратно. Однако, утром, после сигнального рожка, эти же гайдамаки резали тех самых евреев, которые их пригласили.

Возник вопрос, как сопоставить Фельштынский резню с тем обещанием, которое по словам Верхоля и других, Семосенко дал в воскресенье в заседании думы - отозвать гайдамаков из Фельштыны.

Фельштынские евреи утверждают, что Семосенко дал соответствующее телеграфное распоряжение, но что оно было окрыто начальником почтово-телеграфной конторы.

Тут явное недоразумение. Между Фельштыном и Проскуровом расстояние всего 25 вер. и гайдамаки, пришедшие в понедельник вечером в Фельштыне, видели, несомненно, из Проскурова в тот же день утром. Ясно, что от Семосенко требовалось не отозвать казаков из Фельштыны, а просто их туда не посылать, но возможно, что уже не во власти Семосенко было удержать их в Проскурове.

Недо помнить, что гайдамакам была обещана в Проскурове кровавая потеха над евреями в продолжении трех дней. Но опять первого субботнего дня, очевидно, превзошел ожидания самого Семосенко и Киверчука. Решено было поэтому резню в Проскурове приостановить. Но в то же время гайдамаки, отведав еврейской крови, разохотились и проявили волю к дальнейшей резне. Не так

47

то легко, по видимому, было их оставить. Вместе с тем и телеграммы, разосланные Киверчуком по уезду, о которых упоминается выше, взбудоражили весь уезд. С точки зрения Киверчука после того, что произошло в уездном городе Проскурове - было бы несправедливо и, пожалуй, обидно для уезда оставить его совершенно без еврейской крови. Как бы то ни было, но гайдамаки получили возможность отправиться в уезд. При этом, надо думать, что им была предоставлена свобода действовать по их собственному усмотрению. От них зависело поступать так или иначе. Этим объясняется, что в м. Ярмелинцы, где также побывали большевики, они ограничились значительной суммой денег, которые местные евреи им вручали, выйдя из местеч. им навстречу и резни не произвели. Но когда они пришли в Фельштейн, то там они нашли уже того - все погромно настроенным. Это погромное настроение создалось той охраной из Поричья, которую пригласил начальник милиции, а равно и самим начальником милиции, который по всем данным сочувствовал и содействовал погрому. Даже его 80-тилетний старик-отец во время резни держал толстую доску в руках, добывая раненых евреев, что подтверждается несколькими свидетелями, видевшими это с чердака, на котором они прятались. Это погромное настроение поддерживалось и начальником почтовой телеграфной конторы, который обо всем был осведомлен, но ничего не сделал не только для предотвращения погрома, но даже для смягчения его, что в достаточной мере явствует также из показания свид. Шнейдера. Под влиянием этого погромного настроения разгул гайдамацкой черни в Фельштине был безудержан.

Фельштинский погром продолжался несколько часов.

Убитых оказалось 435 человек, а раненых 180. Из числа раненых свыше ста человек умерло от ран. Таким образом всех убитых оказалось 600 человек, что составляет почти одну треть еврейского населения в местечке, насчитывающего всего около 1900 еврейских жителей.

Надо заметить, что в Проскурове гайдамаки, приняв в субботу присягу резать, но не грабить, честно выполнили святую присягу.

Грабежи со стороны гайдамаков были тем редки. Но от субботы до вторника, когда произошла фельштинская резня, прошло несколько дней и за это время святость присяги, очевидно, выдохлась из сознания гайдамаков. В фельштинские грабежи шли об руку с резней.

Надо еще заметить, что в то время, как в Проскурове случаи изнасилования были единичны - в фельштине их было слишком много. Большинство из зарезанных женщин предварительно изнасиловались. Но и многие из уцелевших подверглись той же участи. Зарегистрировано двенадцать случаев, когда несчастные женщины вынуждены были лечиться от последствий.

Уходя после донного сигнального рожка, гайдамаки облили керосином и бензином 5 лучших в местечке домов и положили. Так завершили эти воины свою работу на благо украинского отечества.

Так закончилась эта Проскуровско-Фельштинская вакханалия.

/ Архив Октябрьской Революции. фонд № 1329 Всероссийского Центрального Еврейского Общественного Комитета по оказанию помощи пострадавшим от погромов и стихийных бедствий / Евробестком // . Переписано по новой орфографии.

Копия верна:

Свертели сотрудн. Централархива Р.С.Ф.С.Р. *М. Суворова*
Минимале

ПОГРОМ В ФЕЛЬШТИНЕ.

ПРОТОКОЛ № 1.

КРЕЙМЕР, Ицка-Свшия Гершкович.

Я сам житель м. Фельштина, но во время Проскуровского погрома был в Проскурове. Спасая свою жизнь, я в воскресенье, 16/II в 12 часов дня отправился пешком в Фельштин. Но когда я проходил через село Малинычи, меня остановил милиционер, которому я объяснил, что бегу из Проскурова, так как там происходит резня. Он потребовал у меня документ и я ему представил удостоверение личности. Он заявил мне, что этот документ является недостаточным и отправил меня в милицию. Там начальник милиции заявил, что я должен быть обратно препровожден в Проскуров. Когда я выразил свое недоумение и заявил, что там меня зарежут, а также стал просить его, чтоб он меня в Проскуров не отправлял, он ответил, что, к несчастью, должен меня отправить в Проскуров, так как сам подвергается большому риску, и в подтверждение своих слов, показал мне одну телеграмму от Проскуровского команданта от 14/II, чтобы всех тех, которые из Проскурова проезжают через село без пропуска команданта, надо препроводить обратно в Проскуров в команду, а другую телеграмму от него же от 15/II, чтобы всех молодых людей и евреев, которые будут проходить через село, считать агитаторами и расстреливать их на месте, или же препроводить в Проскуров для расстрела. Эта телеграмма еще больше заставила меня не просить, а умолять его не посылать меня на смерть. В это время привели в канцелярию 21 проскуровск. семью, которая на вопрос милиционера, откуда и куда едет, догадалась ответить, что отправляется не из Проскурова в Фельштин, а из Фельштина в Проскуров. На этом основании начальник милиции распорядился ее отправить обратно в Фельштин. Я воспользовался этим и просил эту семью сообщить моим родным о моем критическом положении, и просить их, чтобы они не останавлились ни перед какими средствами, чтоб меня выручить. Должен заметить, что я убеждал начальника милиции в крайнем случае отправить меня не сегодня, а оставить в дерев.

не до утра, но он не соглашался, но после разговора о том, чтобы мои родные "не остановились ни перед какими средствами", он стал более покладлив. Семья эта уехала, но зато в канцелярию привели еще 16 человек бежавших из Проскурова. Тогда он заявил, что такую массу людей он не может оставить на ночь, а должен отправить нас немедленно в Проскуров. В этих переговорах прошло часа три. Но когда мы уже все были на подводах, чтобы ехать в Проскуров, как оказалось впоследствии, один из фельштинских милиционеров по просьбе моих родных, вызвал по телефону начальника милиции и имел с ним разговор обо мне. Тогда начальник милиции распорядился, чтобы всех нас оставили до утра. Этой ночью мне удалось войти в сношение с местным евреем, которого просил переговорить с начальником милиции о том, чтобы он меня отпустил за определенную сумму. Тот согласился это сделать за 1000 руб. Оказалось, что еще четверо, из коих некоторые были даже с семьями, могли заплатить тоже по 1000 рублей. Таким образом, мы представили ему 5000 рублей и он всех нас отправил в Фельштин, а тех, которые не могли уплатить, отправили обратно в Проскуров. Когда я приехал в Фельштин, местное население, уже осведомленное о случае со мною, о том, что я был во время погрома в Проскурове, высыпало навстречу ко мне с разными вопросами. Всех мучил вопрос, не будет ли повторения проскуровских ужасов в Фельштин. Я им ответил, что если вы увидите в Фельштин гайдамаков с красными шляпами /3-й гайдамацкий полк/, то спасайся, кто может. Деньгами вы не откупитесь. Они деньги возьмут и все-таки зарежут. Я пошел к себе в дом, чтобы что-нибудь поесть, так как все эти дни ничего не ел. Начало уже темнеть, когда я узнал, что казаки с красными шляпами приехали. В местечке произошло смятение. Я спешно отправил сестру с мужем и ребенком на подводе в ближайшую деревню. Сам же я вынес наиболее ценные вещи в погреб, и спрятался туда, загородив ход в погреб досками. Вся ночь я провел в погребе. В местечке было мертвенно тихо, но эта тишина временами нарушалась одиночными выстрелами. Утром, когда начало светать, я услы-

шал звук рожка, и вскоре после того раздались крики и предсмертные стоны. Я понял, что резня началась. Я от ужаса забился в погреб. Через 2 часа после того вновь раздался звук рожка, затем я слышал, как проезжают какие-то подводы. Грохот этих подвод непрерывно продолжался в течение долгого времени. Я решил взглянуть на улицу сквозь щели досок и увидел, что это не подводы, а пожарные. Я понял, что в местечке происходит пожар. Тут же я заметил, что проезжают крестьянские подводы. На некоторых возили трупы, а на других товары и имущество из домов. Я еще несколько раз выглядывал из щелей и видел, как милиционеры открывали лавки и выносили оттуда товары. Часа в 2 я увидел проходящего знакомого еврея, и тогда я решил, что казаки ушли, и сам вышел из своей засады. Я узнал, что казаки пришли в количестве нескольких сот человек, провели ночь в Фельштин, а на утро после дающего в рождком сигнала начали резать еврейское население. Были также грабежи и изнасилования женщин. Уходя казаки обливали дома керосином и поджигали. Всего вырезано до 600 человек, что составляет 1/3 населения. Лучшие дома были преданы сожжению.

И.А. Креймер.

ПРОТОКОЛ № 2.

С В И Н Е Р, Шая Беркович. 28/V-1919 г.

Еще в субботу вечером от проезжавших крестьян мы узнали, что в Проскурове что-то творится, но точных сведений не имели. Так как между Фельштином и Проскуровами курсирует несколько извозчиков, которые уезжают рано утром и возвращаются в Фельштин поздно вечером, то в воскресенье жители были крайне удивлены, когда извозчики вернулись около 12 часов. Оказалось, что их в Проскуров не впустили, а по дороге они узнали о резне, произведенной там гайдамаками. Мой брат, убитый во время резни, состоял председателем Общины и он от имени евреев повел переговоры с начальником милиции о том, чтобы он принял меры для надлежащей охраны местечка, причем обещал ему 15000 рублей и в виде подарка ценный мебельный гарнитур. Тот обещал пригласить в помощь своим милиционерам охрану из с.Парича и Проскурова. Действительно, в понедельник утром по-

явились молодые единственные крестьяне из Парича, которые должны были представлять собой охрану. Сам же начальник уехал в Проскуров и вернулся в 6-ом часу вечера, и вскоре после его приезда показали казаки с красными шляпами, и евреи, уже зная, что именно такие казаки ревели в Проскурове, начали в смутении бегать по местечку. Многие хотели бежать из местечка, но оказалось, что крестьяне из Парича, которые должны были представлять охрану, не выпускали из местечка. Таким образом, евреи оказались окруженными. Я пересел со своими домашними у себя на квартире. Но желая, все-таки узнать в чем дело, я через некоторое время попытался прорваться на квартиру к своему брату, но гайдамаки вернули меня домой. Ночь прошла для нас в большой тревоге. Изредка раздавались одиночные выстрелы. Утром к нам пришли несколько гайдамаков, я запрятал своих родных подальше, а сам вышел к ним. Они потребовали денег, и я отдал им часть денег, которые были у меня на этот случай приготовлены. Я им начал указывать на то, что я сам солдат, вернулся недавно с фронта и умолял их пощадить меня. Они ушли, но пришли через некоторое время другие, и я от них также откупился деньгами. Некоторые из них хотели произвести насилие над мной, но один из них до насилия не допустил. Я тогда начал умолять, чтобы он остался, а то придут другие и меня зарежут. Но остаться он отказался, а на мои повторные просьбы сказал: если к вам еще придут, скажите, что у вас был полусотник Сергей, этого будет достаточно. Несколько времени спустя появилась новая банда, и я ради безопасности моих домашних решился выйти к ним на улицу. Я стал их умолять, чтобы они оставили меня в покое, я им указывал, что я всю кампанию провёл на фронте и сидел в окопах. При этом я пустился на хитрость и, обращаясь к одному из них, сказал: "ведь с вами, товарищ, мы вместе были в окопах". Тот начал меня внимательно рассматривать, а затем перевел свой взор на мои ноги и сказал: "у тебя хорошие сапоги, дай их мне". Я им ответил: "Берите, я их охотно отдам", тут же хотел их скинуть, дабы они не вошли в дом. Но тот настойчиво

80
- 5 -
мне ответил: "Нет, зайдём в дом". Нечего было делать, мы вошли в дом. Там я снял с себя сапоги, а гайдамак в свою очередь снял свои. Я помог ему одеть мои сапоги, которые, как мне казалось, на него несколько малы. Тот меня поблагодарил и сказал: "А ты теперь надевай мои". При этом он вытащил из кармана несколько чистых портянок и передал мне. Когда он вынимал портянки, у него из кармана выпал карандаш. Я поднял его, чтобы вернуть ему, но он сказал: "Оставь его на память". Затем он мне помог надеть его сапоги. Когда его сапоги были уже на меня надеты, он спросил: "нет ли у тебя калош?" Я ему калоши. Он их надел, а затем он обратился к своим со словами: "ну что же, не будем же мы убивать человека, с которым я сидел в окопах". Мы еще не помню сколько просидели дома, опасаясь прихода новых гайдамаков, а к вечеру мы решили уйти за город. Всю ночь мы провели в поле, не зная, что резня кончилась. На следующий день мы вернулись в местечко, и я отправился в квартиру брата, чтобы узнать, что с ним. Оказалось, что брат, его жена, ее родители и еще несколько человек, бывших в доме, были вырезаны. Когда мы убегали в поле, то улицы полны были трупов, так что пробираться можно было с трудом. Горели дома, подожженные гайдамаками.
За него расписалась бывшая при показании М.Эннштейн.

ПРОТОКОЛ № 3.

ПЕЙСАХ ДУВИДОВИЧ ЛАНДА из Фельштина.
В субботу вечером я был у начальника милиции и при мне он получил телефонограмму из Проскурова от коменданта, в которой тот сообщает, что у них было большевистское восстание и что жиды даже его самого арестовали. Он требует, чтобы если встретятся в Фельштине большевики, чтобы их расстреляли на месте. Должен добавить, что утром я в Фельштине заметил группу солдат человек в 40, и когда я спросил, кто они такие, мне сказали, что это пришедшие из Проскурова большевики, которые уже захватили власть и что они собрали подписи от местных служащих в том, что они им будут верно служить. Но уже в поддень в местечке не оказалось ни одного большевика. На следующий день в воскресенье, когда стало известно о Проскуровской рез-

не, евреи собрались в синагоге и по предложению председателя общины, который уже говорил с начальником милиции, собрали между собой 1 1/2 тысячи рублей, чтобы вручить последнему для найма милиционеров из Поречья. Я сам на этом собрании не был, но если бы я был, то я до этого постановления не допустил, так как знаю Поречьях крестьян, как головорезов и погромщиков. В тот же вечер я опять был у начальника милиции и он мне высказал опасение, как бы Проскуровский погром не повторился в Фельштин. В понедельник с полдня появились из Поречья вооруженные молодые крестьяне, которые заняли все дороги, ведущие в Фельштин. Они были приглашены в помощь милиции. Начальник милиции вернулся из Проскурова около 6 часов, вслед за ним приехали те самые гайдамаки с красными штыками, которые учинили резню в Проскурове. Я тогда отослал свою жену и единственную дочь к знакомому крестьянину. Но, как впоследствии оказалось, им загородили путь гайдамаки, и она, отдав им два кольца и двести рублей, ушла от них и забежала в дом к еврею цирюльнику, у которого и осталась. Сам я заперся дома. Ночь я провел в большой тревоге, и из окна моего дома находящегося на главной улице и выходящего окнами на главную площадь, я мог видеть при лунном свете, что площадь запружена подводами, около них стоят крестьяне и множество гайдамаков. Утром ко мне ворвались 4 гайдамака и один, увидя меня, выхватил шашку, но другой остановил его, и они у меня потребовали денег. Я им отдал все имевшиеся у меня дома деньги, свыше 6000 руб., предложил взять вещи, если хотят, чтобы только оставили жизнь. Они вещей не взяли и направились к выходу. Тот самый казак, который сказал своему товарищу, чтобы он меня не резал, обратился ко мне со словами: "ты лучше спрячься, а то придут другие и, наверное, тебя зарежут". Я по приставной лестнице взобрался на чердак и этот же казак помог мне взять на верх лестницу. Из своего чердака я мог видеть, все, что происходит на улице. Через несколько времени казаки стали строиться в походном порядке, а затем они пошли в рассыпную по разным улицам

и тут начались крики и стон. Я видел падающих людей. Я видел, как гайдамаки рубят молодых и старых. Было нечто ужасное и невообразимое. Но тут же я заметил, что возле моего дома лежит убитая женщина. Должен заметить, что ко мне в дом ворвалось несколько солдат и начали разбивать ту комнату, которая была заперта и где были спрятаны самые ценные вещи. Но когда я увидел женский труп, я подумал, что это моя жена, и решил, пренебрегая всякой опасностью, сойти к ней. Я вышел на улицу и убедился, что это не моя жена. Но в дом уже не решился обратно вернуться, и забежал к соседу крестьянину, прося его дать мне приют. Но оттуда меня вытолкали, так как был отдан приказ под страхом смерти евреям не прятать. Я тогда бросился в соседний дом, взобрался на чердак и спрятался в соломе. Следом за мной погнались два молодых крестьянина, которые требовали, чтобы я вышел, так как они меня все равно найдут и убьют. Но я не подавал голоса, они пробовали подпалить чердак, но не успев в этом, ушли. Эти два крестьянина оказались из Поречской охраны. Через некоторое время один знакомый крестьянин начал меня звать по имени и обяснять, что резня кончена, и я могу выйти на улицу. Я отправился разыскивать мою жену и дочь. Я не знал, что они находятся у цирюльника, и был уверен, что они убиты. Я их искал среди трупов на улицах, но не находил. Должен заметить, что по улицам было трудно ходить, вследствие валявшихся трупов. В конце концов я узнал о месте пребывания моей жены и дочери. Они спаслись на чердаке у цирюльника, где было около 35 человек.

Пейсах Ланда.

ПРОТОКОЛ № 4.

ШНАЙДЕР, Вольф Шмулевич.
В субботу днем в Фельштин было тревожно, так как стало известно, что появился отряд каких-то солдат, а равно и других лиц, которые объявили представителям местной власти, что в Проскурове произошел большевистский переворот, что они сами большевики и требуют от властей, чтобы они дали подписку в том, что они подчиняются новой большевистской власти. Все власти согласились дать такую подписку, за исключением ев-

рейского межданского старосты, который от дачи подписки уклонился под тем предлогом, что он в субботу не пишет. К вечеру оказалось, что явившиеся большевики куда-то исчезли. Будучи хорошо знаком с начальником почтово-телеграфной конторы, который был и начальником информационного бюро, я пошел к нему и он мне сообщил, что в Проскурове гайдамаки уже изрезали больше 1000 евреев. На мой вопрос, что будет в Фельштине, он ответил более или менее успокоительно. Свои сведения я сообщил еврейской общине и еврейское население начало испытывать состояние панического страха. Так как начальник милиции еще раньше просил у евреев денег для пополнения сил милиции, то евреи тут же собрали деньги, которые передали ему, а он обещал привезти милиционеров из Проскурова, а также из Порича. На следующий день, а в особенности в понедельник утром, о Проскуровской резне стало известно более определенно от лиц, бежавших из Проскурова. Волнение усиливалось. В 12 часов дня в понедельник я вновь отправился к начальнику телеграфа и присутствовал при том, как его вызвали к аппарату для переговоров с Проскуровым. Он долго, должно быть, около часу, стоял у аппарата. Когда он кончил, я с тревогой спросил: "Что же вам сообщают из Проскурова?" Он ответил, что гайдамаки пошли по всему Проскуровскому уезду и будут, вероятно, в Фельштине. "Что же будет в Фельштине?" спросил я. На это он дал уклончивый ответ. Я его еще раз спросил, с какой целью идут гайдамаки. Он ничего не ответил. Я начал с ним торопливо прощаться, и он мне сказал: "заходите вечером". Я ему в сердцах ответил, что мне не до того, чтоб ходить по гостям, и ушел. Впрочем, прийти к нему вечером все равно не представлялось возможности, так как в часе около 6 пришли в Фельштин гайдамаки. Евреи начали прятаться. Я вместе с другими спрятался в погребе дома, в котором жил. Должен добавить, что в воскресенье ночью, когда я вышел из заседания общины, я встретил своего знакомого, который показал мне копию только что отправленной в волость телеграммы Начальником телеграфа,шедшей из

82
Проскурова: "Иудовское большевистское восстание ликвидировано". Ночь с понедельника мы провели в погребе и были совершенно отрезаны от внешнего мира. С утра же, с часов 8 мы слышали, как люди входят в наши квартиры и что-то там делают. Слышно было, что одни уходят, другие приходят. Это продолжалось не только в течение всего дня, но и всей следующей ночи. Было ясно, что различные группы лиц приходят и грабят наши квартиры. Мы в погребе провели две ночи и один день, и лишь в среду утром, поднявшись на ступеньки погреба, я услышал голос знакомого соседа, который нас окликал. Мы вышли из погреба, и на улицах видели валявшиеся еще трупы. Много трупов, а также раненных было отвезено в земскую больницу. Между прочим, врач больницы Дейчер /еврей/ отказывался принимать раненных, опасаясь каких-либо эксцессов со стороны крестьян. Тогда мы обратились к начальнику милиции и по его требованию раненные были приняты. Я сам вместе с другими лицами явился в больницу и занялся перевязыванием раненных. Вечером того же дня и в больнице видел начальника милиции, которого при мне потребовали к телефону из Каменца. Я был невольным свидетелем следующего разговора. Я не слышал того, о чем спрашивали его, но ответ его гласил следующее: "В понедельник вечером явились в Фельштин казаки, которые назвали себя гайдамаками. Их атаман обратился ко мне с предложением не мешать поступить с евреями так, как им заблагорассудится. И когда он спросил меня, согласен ли я на это, я ответил, что у меня сил нет против вас, чтоб помешать". Дальше он сообщил о том, что они резали евреев в местечке и всех убитых до 500. Перед тем как покинуть местечко, тот же атаман сказал ему: "Не мешайте крестьянам сделать то, что сочтут нужным. Пусть заберут то, что жида за долгое время высосали у народа". И крестьяне, действительно, приехали на подводах и грабили еврейское имущество. Мне достоверно известно, что по селам была разослана телеграмма о том, чтоб всех бежавших из Фельштина евреев, препроводили в волостные охраны для расстрела на месте. Знаю, что несколько евреев таким образом был и расстреляны, а также могу сообщить, что еврейка Бровер с деть-

ми также были препровождены в охрану для расстрела, но купилась за большие деньги.

Зав. Еврейским Училищем Вольф Шмулевич Шнайдер.

ПРОТОКОЛ № 5.

ФАЕРМАН, Арон Шахнович.

Я житель Фельштина и могу сообщить следующее. Ночью с 14 на 15 февраля к нам в местечко прибыл отряд солдат в полка, которые арестовали всю милицию с ее начальником, а также и других представителей власти, об"явили, что в Проскурове уже произошел большевистский переворот и что то же самое должно произойти в Фельштине. Позднее всех выпустили, но взяли расписку в том, что они будут подчиняться советской власти. На следующее утро у нас в местечке считали, что большевики, действительно, подошли к Проскурову, и что в Проскурове и во всем уезде воцарилась большевистская власть. Однако к вечеру стало известно, что в Проскурове происходит избиение евреев и в местечке началась паника. В воскресенье евреи обратились к начальнику милиции с просьбой принять все меры предотвращения погрома. Его просили взять сколько он хочет денег, но он заявил, что никаких денег ему не нужно, что он и без того все сделает. Он до- бавил, что в Проскурове происходило избиение евреев, но он телефонировал туда, что в Фельштине спокойно. На сле- дующее утро он обратился к еврейской общине, что ему надо усилить милицию, а для этого ему нужны деньги. Деньги ему были даны, и в тот же день появились крестьяне из Порича, которые об"явили себя охраной. В это утро местечку было доподлинно известно о тех ужасах, которые творились в Проскурове. Всех охватило состояние ужаса. Был об"явлен общий пост. Сам начальник милиции куда то уехал и вернул- ся вечером, а вслед за ним появился отряд гайдамаков с красными шляпами. Мы приняли этих гайдамаков за ту имен- но охрану, которую обещал доставить местечку начальник. Но те, которые знали, что в Проскурове резали гайдамаки с красными шляпами, поняли, что к нам они приехали не ради

Местечко оказалось окруженным со всех сторон. В ту же ночь повсеместные грабежи и произошло три убийства. Был убит один старик, старуха, которая пыталась уйти из местечка, а также изнасилована и убита одна девушка. Я сам еще с двумя молодыми людьми отправился на окраину города, но за нами погнались гайдамаки. Мы тогда в потьмах бросились в глубокий ров. Те нас потеряли из виду, и мы в этом рву остались. В продолже- нии ночи мы слышали, как разрывались гранаты, но стоны и кри- ки до нас не доходили. На следующее утро мы услышали душераз- дительные крики и стоны и поняли, что резня началась. Мы про- лежали во рву до 2-х часов дня, а затем, боясь, что нас мо- гут заметить, мы, улучив момент наиболее безопасный, обра- тились к соседнему крестьянину, который нас приютил, хотя, как он об"яснил, ему грозит большая опасность. Жена и дети крестьянина накормили нас и старались нас успокоить. У него мы ос- тались до 12 часов следующего дня /среды/. Мы узнали, что в местечке все успокоилось и пошли туда. Трупы в обилии валя- лись по всем улицам и на крестьянских подводах их возили на кладбище. Другие крестьяне в это время открыто грабили еврей- ские имущество. Были наняты крестьяне копать братские могилы. Всех убитых оказалось 485 человек, а раненых 180, из коих большинство умерло. Зарегистрировано 12 изнасилований. Не- сколько домов, в местечке лучшие, были подожжены уходящими гайдамаками, которые предварительно их облили не то кероси- ном, не то бензином.

А. Фаерман.

[Архив Октябрьской Революции. Фонд 1329, Всероссийского Центрального Еврейского Общественного Комитета по оказа- нию помощи пострадавшим от погромов и стихийных бедствий [Евробестком]. Переписано по новой орфографии.]

Копия верна:
Сотрудники Центрархива Р.С.С.С.Р.

Шнайдер
Каневская

ПОГРОМ В М.ТЕПЛИКЕ, ПОДОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Копия.

84

4.

П О К А З А Н И Я :

Я постоянный житель м.Теплика был свидетелем всех погромов и насилий учиненных в Теплике Петлюровцами, Волиницием, казаковцами, др. бандами и Кубанскими казаками.

За 5 дней до евр. праздника "Пурима" 1919 г., во вторник в час дня прибыла в местечко первая партия Петлюровцев, которые отступили из под умани. При вступлении в город они застрелили еврейскую женщину 59 лет и еврея 38 лет. Такое поведение Петлюровцев заставило еврейское население закрыть свои магазины и попрятать ся по своим домам. Солдаты вместе с местными крестьянами воспользовались этим случаем и громили и грабили в течение всей ночи и следующего дня, так что к четвергу, все местечко уже было разграблено и было несколько убитых и раненых. Ночь, однако, прошла спокойно, но к 10 час. утра в м-ко ворвалось чел. 30 крестьян из соседнего села и убили 12 евреев, ранили 70 и в общем число достигло уже 22 убитых и 70 раненых. В числе убитых были три меламеда: Алтер Бузильнер, Иосиф Лейб Гальцер, Исруль Бул, Мендель Турчак и др. В субботу в м-ко вступили большевики и резня прекратилась. На следующий день прибыли петлюровцы, прогнали большевиков и в день "Пурима" убили больше 100 евреев, большей частью стариков, женщин и детей. Погром этот продолжался два дня и потом по приказу высшей власти был остановлен: убитых уже насчитывалось до 180-ти и раненых 79. Прежних 70 раненых Петлюровцы вытащили с больницы и бросили в грязь и убили. В числе убитых были: Иосиф Лейб-Пуриц - старик 87 л. и малютки месячного возраста. Денежные и имущественные убытки достигают 45-50 миллионов.

В начале мая Волиниц организовал свою банду, которая делала частные набеги на местечко и терризировала население своими контрибуц. обложениями и погромами, и в которых погибло около 200 человек евреев. - Так в середине июля прибыл в м-ко Дачак - правая рука Волиница, обложил жителей небывалой контрибуцией и за неимением возможности уплатить таковую было взято им шесть заложников; старший милиционер поспорил с Дачуком и убил его. Через несколько дней прибыл Волинец с большой бандой, созвал соб-

режье всего населения и при этом все сопровождалось такими издевательствами над еврейским населением, которые не поддаются описанию, женщины избивались наравне с мужчинами, их унижали и оскорбляли, 19 из них изнасиловали и наконец потребовали одну миллион деньгами и невероятную сумму продуктов и наказание за смерть Датчука, взяли 28 евреев в заложники, их всех связали, бросили на землю и приказали верховым несколько раз проехать по их телам: из них 17 чел. оказались убитыми и 11 раненых, которые впоследствии были спасены большевиками и по сие время находятся на излечении в больницах. Кроме указанных убийств, там же на собрании было убито 8 евреев. Через некоторое время прибыли руководители Соколов и Казаков и обложили опять большой контрибуцией м-ко. Когда внесли контрибуцию, они ограничились убийством двух евреев и оставили м-ко.

После Казаковцев м-ко Теплик посетила другая часть петляровцев. Они стояли там продолжительное время, живя на полном издичении населения. Наконец, в Теплик прибыл отряд кубанских казаков, петляровцы перед отступлением подожгли несколько домов и за покушение тушить пожар убили: В. Ярославского и М. Бейтмана, казаки же при вступлении в м-ко грабили в течение 3-х дней.

В общем за все это время было убитых и умерших от ран около 600 евреев мужчин и женщин, изнасилованных около 30 женщин.

Большинство крестьян, поскольку являются "самостийцами", поскольку Петляра им разрешает громить и убивать евреев.

Теперь под господством "Добровольцев", которые убили 6 из бандитов руководителей, живетя немного спокойнее и еврейское население свободнее вздохнуло.

/Архив Октябрьской Революции, Фонд № 1339, Всероссийского Центрального Еврейского Общественного Комитета по оказанию помощи пострадавшим от погромов и стихийных бедствий /Евобществом/. Перелисана по новой орфографии/.

Копия верна.

Сверляи сотрудники Централхива РСФСР:

М. П. Шварц
Каневская

Копия.

КУБЛИЧ Гайсинского уезда.

Прежде всего нужно сказать, что это местечко существовало, теперь же фактически от него ничего не осталось. Первый погром произошел в марте во времена петляровщины. Тогда уже было около 30 убитых и около 50 изнасилованных женщин, кроме того петляровцы вместе с местными крестьянами грабили местечко днем и ночью в продолжение двух недель. Местечко тогда так сильно пострадало, что вследствие Гайсинского Комитета помощи пострадавшим показало, что около 50-60% остались без всяких средств к жизни. Большая часть населения выехала днем в окрестные местечки и очень незначительная часть из них сумела устроиться. Население так сильно пострадало, что несмотря на двухмесячное пребывание советской власти жизнь еще не вошла в нормальную колею. Все старания Гайсинского Комитета получить помощь для пострадавших местечек равно как и для Кублича у Гайсинского ревкома успехом не увенчались. Ревком ассигновал только 10.000 рублей для всего округа, из которых было выдано всего несколько сот рублей и то лишь как пожертвование. После восстания Волынца было взято 15 заложников за контрибуцию, все они были расстреляны, несмотря на то, что контрибуция была внесена. Через несколько дней бандиты снова вошли в местечко и вырезали всех евреев /80 душ/, которые остались жить в местечке. Местечко таким образом сметено с лица земли, местные крестьяне разобрали большинство еврейских домов, и в некоторых местах они распахали местечко. Оставшиеся евреи идут группами из города в город просить милостыню, часть же ушла в местечки, которые меньше пострадали.

Герш Айзик Поляк.

М. П.

Перевод с оригиналом согласен /подпись/

/Архив Октябрьской Революции, Фонд № 1339, Всероссийского Центрального Еврейского Общественного Комитета по оказанию помощи пострадавшим от погромов и стихийных бедствий /Евобществом/. Перелисана по новой орфографии/.

Копия верна.

Сверляи сотрудники Централхива РСФСР:

М. П. Шварц
Каневская

О ВСТУПЛЕНИИ В ДОЛЖНОСТЬ И ЗАПРЕЩЕНИИ СЪЕРАНИЙ И
ВСЯКОЙ А Г И Т А Ц И И.

НАКАЗ Ч. 13.

По Запоріжській Козацької Бригаді Українського Республікансь-
кого Війська імені Головного Отамана Петлюри.

6 лютого 1919 року. М.Проскурів.

§ 1.

6 лютого 1919 року в м.Проскурів починають концентрувати
війська Запоріжської Козацької Бригаді для віддиху і несення
залогової служби згідно власного розпорядження пана команді-
ра корпусу січових стрільців Отамана Коновальця, де я прий-
маю на себе обовязки Отамана Залого.

§ 3.

Забороняю всякі мітінги і зібрання, всякі зібрання повинні
проводитися тільки з дозволу Коменданта і Комісара повіту, а
також і начальника Штабу Бригаді і всякі заяви про зібрання
подавати за 3 доби раніш прикладая повістку дня, а також
після зібрання приставляти копії протоколів зібрання.

§ 4.

Рішуче забороняю збиратися на вулицях більше як двум персонам
а також вести агітації проти Укр.Народньої Республіки і її
уряду, то буде вести агітації, то буде преданий військовому
суду.

§ 5.

Забороняю вести агітації з метою погромів і грабіжництва, а
кто буде замічений в такій агітації будет без суду ростріля-
ний.

§ 7.

Для більшого спокою і порядку наказую Комісару і начальникам
міліції зформувати міліцію з певних людей і щоб такі були
дисципліновані і знали свої обовязки а всі урядові інститу-
ції повинні стежити за сим аби мій наказ виконувався.
Оригінал підписав Командір Запоріжської бригаді Укр.Республ.
Війська імені Головн.Отамана Петлюри Отаман Семесенко.
З оригіналом згідно. Осаул бригади значковий Яценко.

Архив Октябрьской Революции. Фонд № 1329. Всероссийский
го Центрального Временного Общественного Комитета по на-
казанию помощи пострадавшим от погромов и стихийных бед-
ствий в Крещатом. Переписано по новой орфографии.

Копия верна:

Сверяли сотрудники Центра архива Р.С.Ф.С.Р.

*Клименко
Маслюк*

ПАКАЗ Ч. 14

По Запорізької Козацької Бригаді Українського Республікансь-
кого Війська імені Головного Отамана Петлюри.

17 лютого 1919 року м. Проскурів.

Відділ Заголовий.

§ 1.

Смутний випадок показав в час повстання більшовиків 14 на 15
що місцева залоза цілковито підтримувала більшовиків як ко-
заки цієї залози явно перейшли на бік більшовиків, а старши-
ни цілком люди не бажаючи того робити не вихвали козаків
щоб сі козаки могли принести користь Української Народньої
Республіці, то оголошую полки 15 Вілгородський і 8 Проскурів-
ський розформованими і щоб від цих частин відібрати всі спра-
ви і майно то наказую командіру 8 Гайдамацького полку зазна-
чити комісію і прийняти від командіра 15 Вілгородського полку
все майно і всі справи, а старшин і козаків направити на
фронт для поповнення рядів дієвої армії. Третью Гайдамаць-
кому полку занять казарні Вілгородського полку для себе, а
для прийма справ і майна від 8 Проскурівського полку закла-
даю комісію від Запорізької Бригади під головуванням сотника
Мошенського членами сеї комісії назначаю значкового Федорця
і полк.Красулю, котрі наказую негайно прийняти всі справи від
командіра 8 Проскурівського полку, про виконання сього мене
оповістити обом комісіям.

§ 2.

Командіру 8 Проскурівського полку наказую негайно виготовити
списки для старшин підстаршин і козаків сього полку.

§ 3.

Штабам 2 і 4 дивізії виконувати свої обов'язки, як і виконували,
але доставити негайно же списки співробітників зазначав-
ши хто де родився звідки уродженець і чи працював у 1917 і
18 роках в Українських організаціях і яку приніс користь.

§ 4.

З гарматній бригаді наказую перейти в розпорядження команді-
ра Запорізької батареї полковника Красулі в повнім складі з
майном, людьми, гарматами, амуніцією. Полковнику Красулі на-
казую відібрати помешкання в казармах Проскурівського полку,

куди перевести Бригаду і чекати дальніших распоряжень.

§ 5.

Всім командурам других частин за випадком 3 гайдамацького полку, теж доставити відомості як і штабам дивізій.

§ 6.

Наказію командірам частин зауважити казаків щоб без увільнительних записок у місто не ходили і увільнительні записки можуть даватися днём від 12 до 14 годин і від 18 до 20 годин, а після цих годин щоб ніхто окрім патрулю і охорони по місті не був, патрулю наказую затримувати, всіх військових хто буде без увільнительної записки затримувати, також рішуче забороняю військовим робити бешкет, бо хто буде робити бешкет то буде преданий суду і розстріляний.

Оригінал підписав командір Запоріжської Бригади Укр. Республ. війська імені Головного Отамана Петлюри Отаман

Семесенко

З оригіналом згідно

оперативний Осаул значковій Меркулі.

/Архив Октябрьской Революции. Фонд № 1329, Всероссийско-го Центрального Общественного Комитета по оказанию помощи пострадавшим от погромов и стихийных бедствий /В обще-мстве/. Переписано по новій орфографії.

Копия верна.

Сверяди сотрудиniki Центрархива РСФСР: Каневская

Каневская

Копия. 88

ОТ 17 ФЕВРАЛЯ О РАСТОРИМОВАНИИ 17 ПОЛКОВ.

НАКАЗ Ч.14.

По Запорожской Кавказкой Бригаде Укр.Республ.Войска имени Главного Атамана Петлюры

17 февраля 1919 года г. Проскуров.

§ 1.

Печальный факт показал в час восстания большевиков 14 на 15, что местный гарнизон целиком поддерживал большевиков, что казаки этого гарнизона явно перешли на сторону большевиков, а старшины не постарались воспитать казаков так, чтобы они могли принести пользу Украинской Народной Республике, поэтому об"являю полки 15-ый Белгородский и 8 Проскуровский расформированными. У этих частей должны быть отобраны все дела и имущество. Приказываю командиру 3-го Гайдамацкого полка назначить комиссию, чтоб принять от командира 15-го Белгор.полка все имущество и все дела, а старшин и казаков отправить на фронт для пополнения рядов действующей армии. Третьему Гайдамацкому полку занять казармы Белгородского полка для себя. А для перенятия дел и имущества от 8-го Проскуровского полка назначаю комиссию из Запорожской Бригады с сотником Моденским во главе; членами этой комиссии назначаю Федора и полковника Красулю, которым приказываю немедленно же принять все дела от командира 8-го Проскуровского полка. Об исполнении сего обе комиссии должны меня известить.

§ 2.

Командиру 8-го Проскуровского полка приказываю немедленно приготовить списки старшин, подстаршин и казаков этого полка

§ 3.

Штабам 3-ей и 4-ой дивизий исполнять свои обязанности, как до сих пор, но доставить немедленно же списки работников с обозначением того, кто где родился и работал ли он в 1917, 1918 годах в Украинских организациях и какую пользу принес.

§ 4.

3-ей артиллерийской бригаде приказываю перейти в распоряжение командира Запорожской батареи полковника Красули в полном составе, с имуществом, людьми, оружием и амуницией.

Полковнику Красуле приказываю занять помещение в казармах Проскуровского полка, туда перевести бригаду и ждать дальнейших распоряжений.

§ 5.

Всем командирам других частей, за исключением 3-го Гайдамацкого полка, так же доставить тоже сведения, как и штабам дивизий.

§ 6.

Приказываю командирам частей указать казакам на то, чтоб без увольнительных записок они в город не ходили. Увольнительные записки могут даваться днем от 12-14 ч. и от 18-20 часов, и чтобы после этого времени никто, кроме патруля и охраны в городе не был. Патрулю приказываю задерживать всех военных, у которых не будет увольнительных записок. Строго запрещаю военным производить беспорядки, кто это сделает, будет предан суду и расстрелян.

Оригинал подписал комендант

Запор. Бригады Укр. Республ. Войска имени Главного Атамана Петлюры Атаман Семесенко.

С подлинным верно

оперативный есаул Меркулий.

[Архив Октябрьской Революции. Фонд № 1339, Всероссийского Центрального Общественного Комитета по оказанию помощи пострадавшим от погромов и стихийных бедствий (Евобщестком). Переписано по новой орфографии.]

Копия верна.

Свертали сотруди. Централрхива Р.С.Ф.С.Р.

*Каневская
Климух*

Из материалов Датского
Красного Креста.

Поступило в редакцию
22-го августа 1919 г.

В Миссию Датского Красного Креста

Москва.
Пименовский пер., д. 10.

Д о к л а д .

В уездном городе Подольской Губернии Проскурове, в котором с 16-го декабря 1918 года по 28-ое апреля 1919 года - находится Этап Датского Красного Креста для возвращавшихся на родину военнопленных, 15-18 февраля 1919 г. происходил еврейский погром.

Город в то время находился под властью Директории Украинской Народной Республики. Утром 15-го февраля в нем произошло открытое выступление против Директории под лозунгом восстановления Советской власти. Выступление, крайне слабое и неорганизованное, было немедленно и без всякого затруднения подавлено. В тот же день, под предлогом борьбы с большевизмом, начался грабеж и избиение еврейского населения.

Как впоследствии выяснилось еще с ночи к городу под "скала" 60 крестьянских подвод из окрестных деревень, вызванных комендантом города, бывшим фельдфебелем Русской Армии Кизерчуком, и еще накануне начали рить возле станции, около пакгауза, братские могилы.

Погром происходил вполне организованно. Отряды гайдамаков по 10-30 человек оцепляли дом и убивали и ранили всех евреев, не считаясь ни с полом, ни с возрастом, как грудных детей, так и глубоких старцев. Избиение происходило как в домах, так и на улицах, а также на станции, находящейся в версте от города, где проезжавших евреев извлекали из вагонов. Улицы были завалены телами убитых и раненых. Когонить мертвых их близким не дозволялось. Тела родственников не выдавались. Не дозволялось оказывать помощь раненым. Некоторые лица с повязками Красного Креста на рукавах, рискувшие подбирать раненых 15-го и 16-го февраля были расстреляны и исколоты. Таким образом были расстреляны Кизерчуком 16-го февраля студенты Шомштейн и Кулимер.

День 15-го февраля прошел в сплошных избиениях. К вечеру вид

города был ужасен. Разграбленные магазины, разбитые окна, изломанные двери, залитые кровью улицы, предметы и вещи домашнего обихода, сломанные и разбитые, завалившие панели. Рассказы очевидцев об этих днях потрясают. Рассказывают о ручке грудного двухнедельного ребенка с шестью колотыми ранами, о травле ковыми гайдамаками дряхлых стариков и старух, не могущих ходить без посторонней помощи, о вспоротых животах беременных женщин, об убийствах сонных детей, о выколотых глазах, о сотнях изнасилованных девушек.

Подсчитать общее количество убитых и раненых трудно. После вступления советских войск, т.е. после 7-го апреля, был произведен приблизительный подсчет жертв среди постоянного населения Проскурова, причем оказалось, что среди них одних убито и ранено более 1500 человек. В это число не вошли приезжие, временно проезжавшие, случайно, в связи с войною задержавшиеся, проезжавшие через станцию. Известно, что около цинного завода Клавс, возле станции только в одной из братских могил зарыто более 100 человек. Местные жители определяют общее количество жертв не менее, чем в 3500 - 4000 человек.

Помощь раненым возможно было начать оказывать только с 16-го февраля. В течение 15-го числа частными лицами были открыты 6 перевязочных пунктов: № 1, Каменецкая ул., д. 48, врач Горещтейн, № 2, Каменецкая ул., д. № 54, врач Дорфман, № 3 Каменецкая ул., д. № 59, врач Зальцман, № 4 Каменецкая ул., д. 45, врач Вайнтрауб, № 5 Каменецкая ул., д. 47, врач Коган, № 6 Каменецкая ул., д. 44, врач Таксар.

Раненых доставляли, кроме того, в Еврейскую и в Земскую больницы.

В первую, в объем поступило 184 человека, во вторую - 118. Процент смертности среди больных, доставленных в Еврейскую больницу весьма велик - более 20%. - Объясняется это как тяжестью ранения /большинство ран колотых и рубленых/ так и запоздалостью медицинской помощи. Попадались раненные с 20 и более колотыми ранами. К 13 мая в Еврейской больнице оставалось 18 раненых, в Земской - 2. Из раненых, доставленных в Еврейскую больницу, согласно жур-

нала больницы скончалось

- 8 - доставленных в агонию,
- 9 - от плевро-пневмонии,
- 2 - от гипокровия,
- 2 - от гнойного перитонита
- 3 - от кровоизлияния в мозг,
- 3 - от острого менингита,
- 1 - от ранения спинного мозга.

А всего 28 человек.

Прилагаемые при сем ведомости Еврейской больницы и некоторых перевязочных пунктов с кратким описанием ранения дают некоторое представление о происходивших ужасах.

Выписка из дневника Проскуровской Земской больницы - кратка, но выразительна: "все ранения только тяжелые, требующие оперативного вмешательства".

Погром закончился 18-го февраля вечером. Прекращению его предшествовали переговоры, в результате которых "Командир Запорожской казачьей бригады Украинского Республиканского войска имени Главного атамана Петлюры" атаман Семосенко согласился принять от еврейского населения г. Проскурова "на усиление средств отряда" - 300.000 руб.лей. - Сбор производился официально, по раскладке. Деньги принял адъютант Семосенко, какой-то Эсаул, считав их в помещении Городской Управы.

Однако и после этого, вплоть до марта, в больницы и на пункты продолжали поступать раненные. Подавляющее большинство из тех, кто будучи ранены 15-18 февраля боялся обратиться за медицинской помощью.

Все эти дни раненные чувствовали себя в лечебных учреждениях отнюдь не в безопасности. По городу шли темные слухи о том, что с минуты на минуту погром может возобновиться и начнется добивание раненых. Слухи эти особенно усилились после 22-го февраля, когда при авом по Запорожской бригаде атаман Семосенко приказал немедленно снять все знаки Красного Креста, как с рукавов, так и с частных госпиталей, угрожал неисполнявших привлечь к ответственности /копия прилагаются/.

Тогда комендант Эстада Датского Красного Креста Г.С.Пряновский взял под свою заботу и покровительство как Еврейскую больницу, так и все Перевязочные Пункты, добившись официального согласия на это атамана Семосенко. Отношение об этом за № 647 за подписью Эсаула Россизевича было получено 26-го февраля.

Все работавшие в больнице и на пунктах получили от Эстада свои ответственные удостоверения, и на зданиях этих лечебных заведений были подняты флаги Красного Креста и были прибиты вывески, на которых значилось, что больница или пункт "находится под покровительством Эстада Миссии Датского Красного Креста на Украине". Выступление Датского Красного Креста спасло всех раненых, внесло успокоение в город и оказало огромную моральную поддержку всем работавшим по оказанию помощи жертвам 15-18 февраля.

При моем посещении Проскурова в мае 1919 года мне неоднократно приходилось выслушивать выражения самой горячей, самой искренней благодарности от представителей неповинного населения, не участвовавшего в гражданской войне, по мнению которых выступление представителя Датского Красного Креста не только спасло раненых, но и предотвратило возможность возобновления погрома.

Узнав об этом я счел своим долгом выразить официально благодарность от имени Датского Красного Креста бывш. коменданту Эстада Г.С.Пряновскому за эту сторону его деятельности, исполненную гуманных начал, провозглашенных Международной Женевской Конвенцией.

О всем изложенном я прошу довести до сведения Датского Красного Креста в Копенгагене.

Приложения: Копия документов на листах.

Делегаты Датского Красного Креста.

/Архив Октябрьской Революции, фонд № 1334, Все-русского центрального Еврейского Общественного Комитета по оказанию помощи пострадавшим от погромов и стихийных бедствий/ Копия верна: обществом/Переписано по новой описи графии/.

Сверили сотрудники Централархива РСФСР:

*Цылева
Каневская*

91

Имя, отчество и фамилия	Возр.	Пол.	Время поступления	Перечисления ран чем нанесены и в какую область	Примечание.
1. Мордухай Идко. вич ВАРМАН.	16	муж.	18/11	итык. ран. руки и пр. бока.	выбыл 1/III
2. Сарга Давидов. КЕПЕЛЬМАН.	12	жен.	25/11	итык ран. в шею ласквою ит. рана в спину.	пробыла из евр. больницы.
3. Роза Давидов. КИЦИС.	18	"	20/11	ит. и шашк. нанесены раны в голлову, руку и грудь темп. до 40.	перевезена для операции в Земск. б. 3/III
4. Ципа Срулевна ЗЕМКЕЛЬМАН	16	"	20/11	ит. рана в лев. бок паралич лев. ноги.	пробыла из Земск. больницы.
5. Гедалий Менашев. ВЕРЕЗИН.	14	муж.	16/11	огнестр. ран. внутр. части лев. бедра.	
6. Давид Шлемович КИЦИС.	44	"	16/11	ран. шашк. в голлову и в прав. руку.	выбыл 21/II для амб. леч.
7. Вельвел Мошков АЙЗМАН	16	"	16/11	ран. ит. в наружной части бедра.	
8. Рухля Белковна САНТИТУРСКАЯ	16	жен.	22/11	шашкой в лев. руку сняты два пальца.	пробыла из Земск. больницы.
9. Ривка Фриделев. АЛЕКСИНГЗЕР.	13	"	16/11	ит. ран. лев. бедра нагноение, разрез.	выбыла для амб. леч. 1/III.
10. Фейга Срулевна ГРИНЦВВИТ:	18	"	16/11	ит. рана груди живота, спины и бедра мастит	
11. Лейб Ицкович ФАЕР.	11	муж.	16/11	ит. рана спины и груди	
12. Зейда Ицкович ЗИНТЕР	50	"	16/11	ит. ран. груди рук. и бок. Плеврит.	
13. Манка Товьевна КУДОМНИК	16	жен.	16/11	ит. и шашк. в шею плечо и в прав. бок.	выбыла для амб. леч. 1/III.
14. Мана Товьевна ПЕИМ	15	"	16/11	ит. ран. лопатки и шеи.	

Имя, отчество и фамилия.	Возр.	Пол.	Время поступления.	Перечисл. ран чем нанесены и в какую область.	Примечания.
15. Меер Товьевич ПЕЛМ.	8	муж.	16/II	шт. сквозн. рана в области шеи.	выбл. для амб. леч. I/III.
16. Сура ГЕРШГОРИН	15	жен.	24/II	шт. раны в грудн. обл. темп. 40	перев. из гор. лазар.
17. Этя КОПЫТ	22	"	16/II	скв. рана прав. руки.	перев. в евр. больн. 28/II
18. Гита Янкелевна ФЛАКСМАН	43	"	16/II	шт. рана в области живота	выб. для амб. леч. I/III.
19. Зусь Мейрович ФЛАКСМАН	48	муж.	16/II	шт. рана в обл. жив. и груди	"
20. Сруль Иосефович ЦАЦКИС	45	"	16/II	шт. ран. в обл. груди, шеи и позвон.	"
21. Янкель Мошков. АИЗМАН	19	"	24/II	шт. ран. руки, головы и плеча	"
22. Янкель Нехемов. ВЕЙЦЕЛИТ	54	муж.	26/II	шашк. нанес. ран. в гол. пл. и руки	перев. из Гор. лаз.
23. Цирель Шмулевна РАВИНОВИЧ	17	жен.	16/II	шт. раны шеи, пр. руки и позв.	выбл. для амб. I/III
24. Абрам Давидов. ВАЛИЦКИИ	14	муж.	22/II	паралич ног. ран. шт. в прав. бок, руку и 2 раны в позв.	прибыл из Евр. больницы.
25. Рухля Янкелевна ИВАНКОВИЦЕР	14	жен.	28/II	рана шт. в голову рук. и лев. бок.	"
26. Сруль Янкелевич ИВАНКОВИЦЕР	16	муж.	28/II	ран. шт. в голову и в прав. руку	"
27. Шлима Мойшевна ОКС	12	жен.	16/II	2 шт. раны в лев. бок	"
28. Айзик Мошков ОКС	3	муж.	16/II	шт. рана в позвон.	"
29. Иона Борухович ГРИНЦВАЙТ	41	"	20/II	удар шт. в зат. парал. пр. руки и ноги	"
30. Мойше Дайб Меер ВАССЕРМАН	65	"	16/II	2 раны шт. в шею.	"

Имя, отчество и фамилия.	Возр.	Пол.	Время поступления.	Перечисл. ран чем нанесены и в какую область.	Примечания.
31. Юлка Давидович ВАЛИЦКИИ	12	муж.	18/II	шашк. ран. в грудь и в лев. руку	перев. из евр. больн.
32. Соля Абгамовна ГЕРШКОВИЧ	8	жен.	16/II	шт. нанесено 4 раны в обл. грудной клетк.	перев. в Гор. лазар.
33. Сура Овшивевна САФЬЯН	45	"	3/III	ран. шашкой в голову	перев. в земск. бол.
34. Рейля Ухилевна ШВАЙТ	20	"	2/III	рана в лев. руку	"
35. Дея Хаимовна ВИННИКОВА	20	"	16/II	ран. в прав. руку	выбл. для амб. леч. 20/II
36. Ента Абрамовна ВИННИКОВИЧ	50	"	16/II	ран. в голову, руку и грудь	выбл. 22/II в гор. лаз.
37. Ханця ВУВЕРМАН	19	"	16/II	ран. шт. в гол.	"
38. Ханя Давидовна КЕЦЕЛЬМАН	19	"	16/II	шт. ран. в спину темп. до 40	выб. в евр. больн.
39. Гися ПЕЙМ	25	"	16/II	шт. ран. в обл. груди насквозь	выб. в гор. лаз.
40. Шлойма ПОЛЯК	24	муж.	16/II	шт. рана в обл. живота	выб. для амб. леч. 27/II.
41. Сура САНДИГЕРСКАЯ	40	жен.	16/II	шт. рана в гол. с поврежден. кости, в плече и в обе руки.	выб. в земск. больн. 25/II
42. Шейна Янкелевна ТЕНЦЕР	22	"	16/II	шт. ран. в спину и в прав. бок парал. ног.	выб. с зем. больн. 25/II
43. Меер Ицкович КАМЕН	5	мальч.	16/II	ранен штык. в лицо	выб. 21/II для амб. леч.
44. Хал-Дейга-Хашк. ВАССЕРМАН	45	жен.	16/II	шт. рана в груди	умерла 25/II
45. Хаим Мошкович БРАЦАНСКИИ	15	муж.	16/II	шт. рана в прав. руку	выб. для амб. леч. 21/II
46. Дайб КАРИЧ	50	"	16/II	шт. ран. в лицо	выб. для амб. леч. 24/II
47. Этя ШМИДТ	50	жен.	16/II	шт. ран. в голову	выб. в зем. бол.

Имя, отчество и фамилия.	возр.	Пол.	Время поступления.	Перечисл. ран чем нанесены и в какую обл.	Примечания
48. Ихиль-Мехель КАРГМАН	10	муж.	16/II	шт. ран. в руку	выб. для амб. леч. 23/II
49. Перель-Хаим Мордковна ШИФМАН	14	жен.	16/II	шт. ран. в спину	выб. 20/II амб. леч.
50. Яков-Хаим Иос ГРАЙШЕРШТЕЙН	36	муж.	16/II	шт. рана в гол.	умер 17/II
51. Герш РАЙЗЕН-ВОЛМ	13	"	16/II	шт. ран. в прав. ногу	выб. 24/II для амб. лев.
52. Идес Хаимовна ШУСТЕРМАН	45	жен.	16/II	шт. рана в гол. пр. руку и спину.	умерла
53. Иосиф РОЗЕН-ФЕЛЬД	15	муж.	16/II	шашк. ран. в пр. бок насквозь	выб. для амб. леч. 12/II
54. Фаня Хаимовна ФЕЛЬДМАН	17	жен.	16/II	шт. ран. в гол. в пр. руку, в лев. обл. и в спину.	выб. 26/II
55. Ида ВАЙСМАН	14	"	16/II	шт. ран. в грудн. области	выб. в Евр. бол. 18/II
56. Ицик Хаимович МЕЙЛОХ	10	муж.	16/II	шт. ран. в лицо и в лев. руку	выб. для амб. леч. 25/II
57. Сура Дейбовна ШНАЙДЕР	11	жен.	16/II	шт. ран. в грудн. обл. восп. легк.	выб. в Гор. лаз. 21/II
58. Верин ШПАЦИР	16	муж.	16/II	шт. ран. в пр. ногу	выб. для амб. леч. 21/II
59. Нухим ПИЛЬДИШ	13	"	16/II	шт. ран. в руку	"
60. Нухим Хоткелев БАЛКУН	9	"	16/II	шт. ран. в голову	умер
61. Туба Мошкович ОКС	2	жен.	16/II	шт. ран. в спину	выб. I/III
62. Герш Мошкович ЭПШТЕЙН	22	муж.	16/II	шт. ран. в голову спину, парал. ног	выб. 19/II в Гор. лаз.
63. Лейбис ДЕРЕВИЦКИЙ	13	"	16/II	шт. ран. в руку	выб. для амб. леч. 22/II
64. Хая МИЛЬДРОН	50	жен.	16/II	шт. рана в лопатку	выб. 19/II
65. Абрам Срулевич ЦАЦКИС	15	муж.	16/II	шт. рана в лопатку.	"

93

Имя, отчество и фамилия.	возр.	Пол.	Время поступления	Перечисл. ран чем нанесены и в какую обл.	Примечания
66. Хая Срулевна ГРИНЦВАЙГ	13	жен.	16/II	шт. ран. в руку	приход.
67. Ита ИВАНКОВИЦЕР	50	"	"	шт. ран. в голову.	умерла
68. Этя ШПОЛЬ	13	"	"	шт. ран. в спину	выб. для амб. леч. 27/II
69. Фаня Юдкович БАРМАК	17	"	"	шт. ран. в лицо	"
70. Абрам-Герш-Лейб КУНСУТНИК	17	муж.	"	сквозн. раны в грудн. обл.	выб. для амб. леч. 22/II
71. Мендель Абрамов ГЕРШКОВИЧ	2	"	"	шт. рана в грудь	"
72. АШКИНАЗИ	40	жен.	"	шт. рана в голову	умерла 19/II

Из них находятся на лечении 23 человека, свободных коек 13.

Заведующий II-том № 3 д-р /подпись/

С подлинным верно: Зав. Канц. /подпись/

/Архив Октябрьской Революции, фонд № 1339, Всероссийского Центрального Еврейского Общественного Комитета по оказанию помощи пострадавшим от погромов в стихийных бедствиях /Вс-обществом/ Переписано по новой орфографии/.

Копия верна:
Сверляли сотрудники Центархива РСФСР:

*st. Gussak
Kaulvskaya*

В е д о м о с т ь

раненым Пункта № 5, находящегося под покровительством Этапа № 3 Миссии Датского Красного Креста.

Имя, отчество и фамилия.	Возр.	Пол.	Время поступления.	Перечисление ран, чем нанесены и в какой области.
1. Двоя Давидовна ФРИМАН	22	жен.	17/11	Одна колотая рана в верхней части грудицы; нанесена штыком.
2. Шейндель Яковлев. БАРАН	8	"	"	рубленая рана в области лев. запяточн. кости, две рез. раны в области 5 и 7 ребра, нанесены штыком
3. Голда Иосифовна СОДИН	17	"	"	Две колотые штык. раны в области крестца
4. Хая Мотелевна ФИШ	38	"	"	Пять ран в области предплечья, две колот. раны в обл. пр. ягодицы, нанесены штыком.
5. Нухим Мошкович РАВИНОВИЧ	77	муж.	"	Одна рубл. рана на т. поверх. лев. руки, одна колот рана в темн. части головы Нанесены саблей.
6. Давид Хаимович КЕСТАЛЬБОИМ	43	"	"	Колот. штык. рана в боков. пр. грудицы.-сосковой обл.
7. Ноех Вольфович ГЕРШТОРН	30	"	"	Одна колот. штык. рана в обл. груд., одна рез. в верх. трет. плеча.
8. Врана Зельмановна ШЕКВИЦ	22	жен.	28/11	Одна рубл. штык. рана на лбу, 2 колот. на затыл. и тем. поверх. головы
9. Идя Мехелевна БАЛЬЦЕР	33	"	17/11	Одна колот. штык. рана на лбу 2 колот. на шею, 1 рез. в серед. пр. плеча, 10 кол. ран в области туловища.
10. Дея Мехелевна БАЛЬЦЕР	8	"	"	Одна колот. рана в поясн. части спины.
11. Гечи. Мехелев. БАЛЬЦЕР	5	муж.	"	Одна резан. рана в поясн. части спины. Нанес. штыком
12. Маня Мехелевна БАЛЬЦЕР	1	жен.	"	Две рез. штык. раны в обл. шеи
13. Баба Абрамовна КЛАЙНЕРМАН	25	"	19/11	Одна штык. кол. скв. рана нижн. губы, две рез. раны в обл. 7 и 8 пр. ребер, раненные голени осколк. руч. гран

Имя, отчество и фамилия.	Возр.	Пол.	Время поступления	Перечисление ран, нанесенных и в какой области.
14. Сура Ниселевна КЛЕЙНЕРМАН	65	жен.	19/II	Ранение пр. голени от ручн. гранаты.
15. Моисей Хаимович КОТЛЯР	18	муж.	17/II	Рубл. рана ищлн. по лев. кисти, нанесена
16. Хаим Моисефович НИСЕННИК	5	"	"	2 колотые штыков. раны в области грудины.

Заведующий пунктом : Врач И. Коган.

С подлинным верно: Завед. Канцел. /подпись/ /Архив Октябрьской Революции, Фонд № 1339, Всероссийского Центрального Еврейского Общественного Комитета по оказанию помощи пострадавшим от погромов и стихийных бедствий /Ев-общеском/ Переписано по новой орфографии/

Копия верна :

Сверили сотрудники Центражива РСФСР:

М. Лукоя
Каневская

25

З е д о м о щ ь
раненым Еврейской больницы, находящейся под
покровительством Этапа № 3
Миссии Датского Красного Креста
по 1-ое марта 1919 г.

Имя, отчество и фамилия.	Возр.	Пол.	Время поступления	Перечисл. ран чем нанесены и в какой обл.	Примечание
1. Яков ШЕЙЦЕР	19	муж.	15/II		
2. Эстер ВАЙНТРУБ	19	жен.	"		
3. Хая БАЛАГУР	17	"	"		
4. Баба КЛЕЙНЕРМАН	24	муж.	"		
5. Сура-Ривка КЛЕЙНЕРМАН	60	жен.	"		
6. Хана ПАХТЕР	48	"	"		
7. Эля ПАХТЕР	12	муж.	"		
8. Мойше БРЕСЛЕР	16	"	"		
9. Ицхок СВЕРДИК	60	"	"		
10. Дайзер РАЙЗМАН	19	"	"		
11. Голда СОЛИН	19	жен.	"		
12. Клара ЗАЛЫЦАН	22	"	16/II		
13. Сура ТЕРЫЦ	23	"	"		
14. Хая САНДЯК	21	"	"		
15. Двойра ФРИСМАН	28	"	"		
16. Шлима ШВАРИМАН	25	жен.	"		
17. Фейга ГРИНЦВЕЙГ	17	"	"		
18. Кава ГРИНЦВЕЙГ	19	муж.	"		
19. Гудалия ГРИНЦВЕЙГ	17	"	"		
20. Хана ФИШМАН	25	жен.	"		
21. Малка ФИШМАН	57	"	"		
22. Маня ГЛУЗМАН	27	"	"		
23. Эстер ГЛУЗМАН	30	"	"		
24. Давид ГЛУЗМАН	32	муж.	"		
25. Исаак ГЛУЗМАН	9	"	"		
26. Голда РОЗЕНБЕРГ	15	жен.	"		

т е л а

ч а с т ы х

р а н

и

р а н

и

р а н

и

лево-стор. превр. пневмония.

р о д н

раздр. перел. обеих кист. пр. предп.

сильное кровоох.

Имя, отчество и фамилия.	Возр.	Пол.	Время поступления.	Перечислен. ран, чем нанесены и в какой области.	Примечание.
27. Ривка РОЗЕНФЕЛЬД	18	жен.	16/II		
28. Вейла РОЗЕНФЕЛЬД	18	"	"		
29. Вейрах КОГЕН	13	муж.	"		
30. Рося ВИНКУР	25	жен.	"		
31. Дудя ШЛОЙШМАН	11	муж.	"		
32. Фрида ШАПИРО	52	жен.	"		лево-ст. суа. плев.
33. Ента ЗЕМЕЛЬМАН	50	"	"		пр. ст. плевр. пневм.
34. Эля ПРЕСМЕР	24	муж.	"		парал. нижн. полов. тела
35. Фейга ЗОН	30	жен.	"		пр. ст. плевр. пл. пар. пр. но.
36. Рися ОВЕРМАН	18	"	"		
37. Арон-Шмуль КОГАН	30	муж.	"		гное-кровоие /пневмия/
38. Деля КОГАН	28	жен.	"		
39. Хая-Сура КОГАН	25	"	"		
40. Рейва КОГАН	20	"	"		
41. Израель КОГАН	8	муж.	"		кровоиз. мозг /смерть/
42. Меня КОГЕН	55	"	"		
43. Хася ГОЛЕНДЕР	24	жен.	"		перитонит
44. Дейзер ВЛАНК	9	муж.	"		
45. Сура ВЛАНК	31	жен.	"		
46. Дия ВЛАНК	7	"	"		раздраж. пер. ф. кост. пр. пред. плечья.
47. Иосиф РАЙНИШ	19	муж.	"		
48. Маля КЕЙСЕР	33	жен.	"		перитонит /роды/ смерть.
49. Зусь ВАРЗАХ	26	муж.	"		
50. Миля ВАРЗАХ	3/4	жен.	"		перитонит
51. Рухель САНДЛЕР	14	"	"		
52. Эта САНДЛЕР	13	"	"		
53. Марьям ШМУЛЕВИЧ	50	"	"		
54. Рейва ТВЕРСКАЯ	33	"	"		
55. Гиталь ПЕКОВСКАЯ	23	"	"		
56. Вруня ШЕХВИЦ	22	"	"		
57. Эстер ПОЛЯК	6	"	"		перитонит
58. Эна АШКИНАЗИ	36	"	"		парал. нижн. части тела.

в разных частях тела
в разных частях
раны в разных частях
Колотые и резаные

Имя, отчество и фамилия.	Возр.	Пол.	Время поступления.	Перечислен. ран, чем нанесены и в какой обл.	Примечание.
59. Дия ЛАНГБУРТ	19	жен.	16/II		
60. Хая ШОЙМЕТ	19	"	"		
61. Иада РАВИШОВИЧ	55	"	"		лев. ст. суа. плевр.
62. Ита ИВАНКОВИЦЕР	20	жен.	"		
63. Аврам ЗАЛЫМАН	55	муж.	"		
64. Соня СЕНДЕРОВИЧ	22	жен.	"		дв. ст. плевр. пл.
65. Шмуль СЕНДЕРОВИЧ	30	муж.	"		
66. Бася СОРОКА	30	жен.	"		пр. ст. плевр. пл.
67. Шендер ШЕЙНЕР	14	муж.	"		
68. Вруня ФЕЙЕРТ	19	"	"		
69. Рися ЧАЙКОВА	34	жен.	"		
70. Мойша ЧАЙКОВ	5	муж.	"		
71. Тауба ВЕРНИЕР	14	жен.	"		раздр. пер. пл. с.
72. Хиня ЛЕРНИЕР	12	"	"		
73. Итель ЛЕВ	18	"	"		
74. Брана ЛЕВ	20	"	"		
75. Сура СТОЛЯР	6	"	"		
76. Ривка СТОЛЯР	3	"	"		
77. Тауба ПОРНОЙ	4	"	"		
78. Брундя ЗАМЛЯ	30	"	"		
79. Паша ЗАМЛЯ	6	"	"		
80. ГЕРШ ЗАМЛЯ	5	муж.	"		
81. Мее р ВЕРЕТНИЙ	28	"	"		лев. ст. плевр. пл.
82. Сруль ГОШИТЕЙ	56	"	"		раздр. пер. пр. чел.
83. Зельман ПРЕСВЯЖЕН	45	жен.	"		
84. Дия ПЕТЕНЗОН	13	жен.	"		дв. ст. пневмония
85. Зисель АВЕРБУХ	40	муж.	"		
86. Маня АВЕРБУХ	7	жен.	"		дв. ст. пневмон. менингит /смерть/
87. Герш АВЕРБУХ	46	муж.	"		
88. Мотель-Бер КРОЧИК	30	"	"		
89. Иосиф КЛЕЙМАН	15	"	"		
90. Дия ЗЕМЕЛЬМАН	15	"	"		дв. ст. пневмон. /смерть/
91. Соня СОРОКА	11	жен.	"		
92. Хайма СОРОКА	9	"	"		

в разных частях тела
в разных частях
Колотые и резаные

Имя, отчество и фамилия.	Возр.	Пол.	Время поступления.	Перчисл. ран, чем нанесены и в какой обл.	Примечание
93. Ривка АЛЕКСИНИЦЕР	13	жен.	16/11		
94. Аврум ВОЛИЦКИЙ	15	муж.	"		мененгит
95. Мотель КАЦ.	14	"	"		
96. Голда ИУДАВЕР	66	жен.	"		
97. Неизвестная	50	"	"		мененгит / смерть / посер. пр.п.
98. Хая ШЛЕЙЗЕР	19	"	"		
99. Малка РАВИНОВИЧ	30	"	"		о.-ст. плевр.
100. Этя ВРЕСЛЕР	56	"	"		
101. Ита ВАЙСМАН	17	"	"		
102. Шпринца ЗИЛЬ-ВЕРМИНЦ	18	"	"		
103. Хана КЕПЕЛЬМАН	15	"	"		
104. Нека ВАЙСВУРД	12	"	"		
105. Лейб ЛЕКСМАН	55	муж.	"		
106. Дора Лексман	22	жен.	"		
107. Янкель БРИНШТЕЙН	58	муж.	"		
108. Рувин ГРЕЙЗЕР	23	"	"		пер. 3 реб. плевр. л.-ст. пневмо
109. Юкель ВЛЕКМАН	42	"	"		пр. " "
110. Герш ДЕРАМНЕР	57	"	"		
111. Иосиф РЕЙН	21	"	"		
112. Лейб КАЦ	18	"	"		
113. Рейза ЛЕРНЕР	20	жен.	"		
114. Сруль ТЕПМАН	7.	муж.	"		
115. Сима ТЕПМАН	5	"	"		
116. Иосиф КАЦ	34	"	"		
117. Ираиль НЕЙТЕР	28	"	"		пр. ст. с. плевр.
118. Исаак ВОЛЬНИЦКИЙ	12	"	"		
119. Шулим ВОЛЬНИЦКИЙ	17	"	"		
120. Темный ЗУСЬ	30	"	"		
121. Фрима ШЕНКЕР	22	жен.	"		
122. Малка ТЕМНАЯ	20	"	"		
123. Мо-Иша КОГАН	50	муж.	"		
124. Дипа КОРЕКМАН	35	"	"		
125. Плема ПОЛЯК		"	"		

Колотые и резаные раны в разник частях тела

Имя, отчество и фамилия.	Возр.	Пол.	Время поступления.	Нанесен. ран, чем и в какой области.	Примечание
126. Сара КЕПЕЛЬМАН		жен.	16/11		
127. Рухля ИВАНКОВИ-ЦЕР		муж.	"		
128. Ноек ГЕРШГОРН		жен.	"		
129. Лея ВАЛЬЦЕР		муж.	"		
130. Герш ВАЛЬЦЕР		жен.	"		
131. Маршам ВАЛЬЦЕР		"	"		
132. Шендля БАРАН		"	"		
133. Двося ФРИДМАН		"	"		
134. Хая ФИШ		муж.	"		
135. Сруль ИВАНКОВИЦЕР		"	"		
136. Дувид КАПЛАН		жен.	"		
137. Хая КАПЛАН		"	"		
138. Маршам ШАМИС		"	"		
139. Хая ФИШ	38	"	"		
140. Дувид ШМОШМАН	11	муж.	"		
141. Хая СИГАЛ	16	жен.	"		
142. Маршам КАЦ	20	"	"		
143. Дувид КЕСЕЛЬБАУМ	43	муж.	"		
144. Плема ПОЛЯК	19	"	"		
145. Эйнох РЕЗНИК	7	"	"		
146. Мир РАЙЗМАН	15	"	"		
147. Вейла ОСИМ	17	жен.	"		
148. Фаня БАРМАК	15	"	"		
149. Мордухай БАРМАК	16	муж.	"		
150. Назмая ШНАЙДЕР	16	"	"		
151. Фольф ВЕРМАН	8	жен.	"		
152. Шендля ФИНГЕРН	40	"	"		
153. Фаня ФЕЛЬДМАН	17	"	"		
154. Хана КЕЛЬМАН	14	муж.	18/11		
155. Сура ВЕРЕНШТЕЙН	32	"	"		
156. Николай СЛУШНЫЙ	17	жен.	19/11		
157. Хая-Титля ПОЛЯК	55	муж.	"		
158. Маршам КОГАН	22	"	"		

Колотые и резаные раны в разник частях тела

ущ. пр. колена

Имя, отчество и фамилия.	Возр.	Пол.	Время поступления.	Нанес. ран, чем и в какой обл.	Примечания
159. Роза ШВЕЙЦЕР	25	жен.	21/II		Роды
160. Эсфирь ШИШМАН	23	"	"		"
161. Лазарь ВУРСЖ	21	муж.	"		"
162. Ита ШИШЛОНЕР	26	жен.	24/II		"
163. Нексель ФИШМАН	16	муж.	26/II		"
164. РЕЙТЕЛЬ Мендель	12	"	25/II		"
165. Дия ВЕРНИШТЕЙН	25	жен.	27/II		раздробл. об. кост. л. их прав. плече в мочка
166. Хана ГИТЕЛЬМАН	20	"	28/II		"

восемь больных были доставлены в состоянии агонии и умерли через несколько часов по поступлении в больницу.

Заведующий Проскурвской Еврейской больницей

Врач : /подпись/

С подлинным верно: Завед. Канцел. /подпись/

/Архив Октябрьской Революции, фонд № 1334, Всероссийского Центрального Еврейского Общественного Комитета по оказанию помощи пострадавшим от погромов и стихийных бедствий /Ев-об-вестком/ Переписано по новой орфографии/.

Копия верна:

Сверяли сотрудники Центархива РСФСР:

М. Губель
Каневская

В е д о м о с т ь
раненым Проскурвской Еврейской Больницы,
находящейся под покровительством Этана Е 3
Миссии Датского Красного Креста
за время с 1-го марта по 15-е апреля 1919 г.

Имя, отчество и фамилия.	возр.	Пол.	Время пост.	Перечисление ран, чем нанесены и в какой обл.
1. Этель КОПЫТ	22	жен.	1/III	кол. рана пр. предпл. и живота
2. Герш ЭПШТЕЙН	19	муж.	2/III	кол. ран. груди и спины, пар. л. и н. пол. тела.
3. Перель ВОЛЬФУН	20	жен.	4/III	28 кол. ран гр. оп. рук и ног
4. Гитель ГИТЕЛЬМАН	10	"	"	рубр. ран. головы
5. Двойра РОЙТ	15	"	"	кол. ран. груди и спины ушиб головы, пар. лев. рук.
6. Ципа ЗЕМЗЕЛМАН	17	"	6/III	кол. раны спины, пар. нижн. полов. тела.
7. Шлейма ГОЛЬЦЕР	55	муж.	"	рубр. раны гол. и обеих рук, л. и н. пальцев об. рук.
8. Лейб ПОЛЯК	13	"	11/III	кол. раны спины.
9. Энта ВИННИКОВЕЦКАЯ	46	жен.	"	кол. раны головы и лба
10. Шелл ШИТРАЙХ	21	муж.	12/III	рубр. ран. гол., лица и лев. предпл. потеря пр. гл. оне стр. откр. перелом лев. локт. суст. и рубл. ран. головы
11. Лейзер НЕМИТТИНЦЕР	22	"	12/III	колот. раны лица, ушиб головы парал. лев. руки.
12. Мойше ГЕНДЕЛМАН	17	"	"	колот. раны гр. и спин. пр. ст. гнойн. плевр.
13. Двойра ЗЕМЛЕНЧЕР	23	жен.	15/III	рубр. ран. головы
14. Исраэль ЗЕМЛЕНЧЕР	7	муж.	26/III	рубр. раны головы и лица раздр. перел. пр. плеча.
15. Рухль-Дей ВИСИ	38	жен.	3/IV	кол. раны головы и л. руки
16. Фрида КАЦ	21	"	"	рубр. раны головы
17. Исраф НАТАНСОН	4	муж.	"	кол. раны груди
18. Шейна ТЕНЦЕР	17	жен.	10/IV	рубр. раны головы
19. Вейла ВИСИ	16	"	15/IV	"

Врач : И. Диссер.

С подлинным верно: Завед. Канц. /подпись/
/Архив Октябрьской Революции, фонд № 1334, Всероссийского Центрального Еврейского Общественного Комитета по оказанию помощи пострадавшим от погромов и стихийных бедствий /Ев-об-вестком/ Переписано по новой орфографии/.

Копия верна: Сверяли сотрудники Центархива РСФСР:

М. Губель
Каневская

В е д о м о с т ь
раненым пункта № 4, находящегося под покровительством
этапа № 3 Миссии Датского Красного Креста.

Имя, отчество и фамилия.	Возр.	Пол.	Время пост.	Перечисление ран, чем нанесены и в какой об- ласти.
1. Авриль Мордк НЕЙТЕР				
2. Ида Лейбовна ВАЙСМАН.	28	муж.	18/II	Скв. пул. ран. мягк. ткани середине грудины.
3. Ривка Лейбовна ЮСИМ	18	жен.	24/II	рубл. р. лев. тем. части головы с обнаж. мозг. обол. Рубл. ран. лев. руки ампути больш. пальца.
4. Рухель Иос. ЦАЦК	10	"	22/II	2 рубл. раны тем. пов. гол.
5. ГОЙХМАН Як. Шимон	20	"	18/II	Кол. раны щеки и шеи
6. Рива Як. ЗИЛЬБЕРМИНЦ	26	муж.	17/II	кол. раны в спедн. трет. лев. плеча, 3 кол. р. в обл. тулов.
7. Рива Вольфовна ЛЕМБЕРГ	15	жен.	26/II	рубл. р. пр. тем. части гол. проникающая в кость
8. Мошко Иосиф. КАПЛАН	50	"	12/II	Рубл. р. лев. тем. ч. гол.
9. Идысь Мотелевна ШИФМАН	21	муж.	17/II	Скв. пул. ран. мягк. тк.
10. Брана ШИНДЕЛЬМАН	14	жен.	17/II	2 рез. раны шт. в обл. 8 и 9 лев. ребр.
11. Клара КЕПЕЛЬМАН	22	"	"	Рез. ран. на лбу, 2 рубл. об. кистей.
12. Брана Нахмановна ВИЛЬК	8	"	"	ушиб затылка нанес. туп. оруж. 7 кол. ран в обл. за- тылка.
	30	"	"	Колот. шт. рана в голень и прав. боку.

Заведующий Пунктом

Врач Н. Коган.

4/III 1919 года

С подлинным верно: Завед. Канц. /подпись/

/ Архив Октябрьской Революции, фонд № 1329, Всероссийского
Центрального Еврейского Общественного Комитета по оказанию
помощи пострадавшим от погромов и стихийных бедствий
Еврейским обществом / Переписано по новой орфографии /.

Копия верна:

Сверляли сотрудники Централархива РСФСР:

М. Чубов
Каневская

100

Проскуровская Земская Больница .

Выписка из дневника амбулаторных больных евреях, пострадавших
15-16-го февраля 1919 года во время погрома:

16-го	прибыло	86
17-го	"	2
18-го	"	14
19-го	"	1
20-го	"	9
21-го	"	6

Итого . . . 118

Все ранения только тяжелые, требующие оперативного вмешательства .

Подписал Врач Голубев.

С подлинным верно: Заведующий Канцелярией: /подпись/

/Архив Октябрьской Революции, Фонд № 1339, Всероссийского
Центрального Еврейского Общественного Комитета по оказанию
помощи пострадавшим от поромов и стихийных бедствий /Евобщес-
твом/ /Перелисано по новой орфографии./

Копия верна:

Сверяли сотрудники Центархива РСФСР:

М. Шевель
Каневская

101

Делегатам Миссии Датского Красного Креста.

Врача Филиппа Степановича Горенштейна
/Завед. Перевязочным пунктом № 1, состоявшего
под покровительством Этапа № 3 Миссии
Датского Красного Креста на Украине/.

З а я в л е н и е .

Считаю своим нравственным долгом выразить глубокую признательность за ту поддержку, которую Датский Красный Крест в лице Коменданта Этапа № 3 оказал жертвам событий в г. Проскурове, 15-16 февраля 1919 года, приняв под свое покровительство пункты, в которых находились раненные, лично об"езжая пункты и успокаивая раненых, волновавшихся от слухов о возможности повторения резни.

Врач Ф. Горенштейн.

Проскуров, 16/У, 1919 г.

С подлинным верно:

Заведующий Канцелярией /подпись/

/Архив Октябрьской Революции, Фонд № 1339, Всероссийского
Центрального Еврейского Общественного Комитета по оказанию
помощи пострадавшим от погромов и стихийных бедствий
/вобществеком/ Переписано по новой орфографии/.

Копия верна:

Сверяли сотрудники Центархива РСФСР:

М. Кушлов
Канцелярия

